

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

АСТАПОВА ШАХНОЗА РАШИДОВНА

**ОГРАНИЧЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ И ПРЕДЕЛЫ ИХ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН**

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:

доктор юридических наук, профессор
Султонова Тахмина Истамовна

Душанбе - 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВАХ	19
1.1 Понятие, признаки исключительных прав и их место в системе субъективных гражданских прав	19
1.2 Исключительные права в системе интеллектуальной собственности: анализ теории и законодательства	46
ГЛАВА 2. ОГРАНИЧЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ И ИХ ВИДЫ	63
2.1 Научные подходы к разграничению пределов и ограничений субъективных прав и их значение для правового режима исключительных прав	63
2.2 Ограничения, направленные на установление внутренних границ исключительного права	76
2.3 Ограничения исключительного права, установленные в интересах третьих лиц и общества (внешние ограничения)	99
ГЛАВА 3. ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ	123
3.1 Понятие пределов осуществления исключительных прав и их связь со злоупотреблением исключительным правом	123
3.2 Критерии определения пределов осуществления исключительных прав	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	157
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	177

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современном мире результаты интеллектуального труда признаются одним из ценных экономических ресурсов, так как играют ключевую роль в том, чтобы грамотно использовать и управлять всеми другими ресурсами (природными, человеческими, финансовыми и др.). Обладающие способностью к постоянному совершенствованию, они позволяют генерировать новые научные открытия, технологические решения, полезные изобретения и, тем самым, являются питательной почвой для экономического и социального развития. На такую силу интеллектуальных ресурсов обращает внимание Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон. В частности, в своём Послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 28 декабря 2024 года он указал на важность всегда помнить, что экономическое и технологическое развитие всякого государства обеспечивается за счёт реализации идей, новаторства и изобретений, являющихся интеллектуальным ресурсом граждан¹.

Однако в силу своей нематериальной природы интеллектуальные продукты сами по себе не могут восприниматься в качестве экономического актива. Чтобы иметь экономическую ценность, они нуждаются в правовом инструментарии, способном обернуть их потенциал в мощный объект экономического оборота. И таким правовым инструментом является конструкция исключительных прав, которая открывает нематериальным интеллектуальным продуктам дорогу в товарно-денежный оборот и привносит в плоскость интеллектуального права элементы рыночных отношений.

В свете столь значимой роли исключительных прав в сфере интеллектуальной собственности очевидным является, то, что этот правовой инструмент требует обеспечения его упорядоченного и действенного

¹ Послание Президента РТ 28 декабря 2024 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <https://president.tj/event/missives/49237> (дата обращения 12.06.2025).

функционирования. Его слаженное функционирование, однако, требует не только ясного установления правил осуществления исключительных прав, но и грамотной постановки проблем определения границ их использования. Ведь результаты интеллектуальной деятельности представляют интерес не только для самих обладателей исключительных прав, но и для государства, так как развитие научно-интеллектуального потенциала общества напрямую зависит от возможности получения им доступа к интеллектуальным знаниям конкретных лиц. Такое сочетание частных и публично-правовых начал исключительных прав обуславливает необходимость обоснованного определения границ исключительных прав, которые могут иметь форму ограничений и пределов их осуществления. Отсутствие грамотного установления границ исключительных прав может привести к тому, что они могут утратить своё подлинное правовое назначение и стать источником злоупотреблений правом. Правовая конструкция исключительных прав представляет собой наглядный пример правовой ситуации, когда инструменты монопольного влияния и общенациональные или общественные интересы должны сочетаться, обеспечивая гармоничное соотношение частных и публичных интересов.

Для сферы интеллектуальной собственности одинаково неприемлемо как принижение и недооценка позитивных возможностей носителей исключительных прав, так и установление чрезмерных ограничений этих прав. В связи с этим перед правовой наукой возникает необходимость решения ряда задач по выработке грамотного подхода к пониманию ограничений исключительных прав и пределов их осуществления, способного выявить оптимальные и оправданные механизмы их установления.

Вышеизложенное подтверждает актуальность темы исследования как в теоретическом, так и в практическом плане. Научная проработка данной проблематики и разработка на её основе предложений по совершенствованию законодательства в этой сфере общественных отношений позволит приблизить

правовое регулирование осуществления исключительных прав к оптимальному балансу между плоскостью монопольных интересов правообладателя и плоскостью общенациональных интересов.

Степень научной разработанности темы исследования.

Исследование юридической природы, содержания исключительных прав, особенностей их осуществления нашли отражение в работах Ю.Н. Андреева, А.С. Аникина, М.М. Богуславского, Д.А. Гаврилова, Э.П. Гаврилова, Ф. А. Джалилиана, В.А. Дозорцева, В.О. Калятина, А.Л. Маковского, У.А. Меликова, Л.А. Новосёловой, В.В. Пироговой, Р.Ш. Рахматулиной, А.П. Сергеева, С.А. Сударикова, Л.А. Трахтенгерц, С.А. Чернышева, Д.А. Сидикова, Е.Н. Шахова.

Проблематика ограничений исключительных прав и пределов их осуществления исследовалась такими учёными, как П.П. Баттахов, Н.В. Бузова, А.С. Ворожечин, М.А. Дмитриев, В.И. Еременко, Е.А. Звездинцева, М.В. Лабзин, И.П. Манкевич, А.Г. Назаров, Р.И. Ситдикова.

На диссертационном уровне проблематика границ исключительных прав и пределов их осуществления исследовалась О.С. Авдониной, А.С. Ворожечин, Р.В. Мирбабаевой, А.Г. Назаровым, Н.Ю. Сергеевой, Н.Л. Свиридовым.

В ходе проведения диссертационного исследования диссертантом были учтены проблемы, поднятые и исследованные названными учёными.

Цель и задачи работы. Целью диссертационного исследования является проведение комплексного анализа механизма правового регулирования ограничений исключительных прав и пределов их осуществления, а также выработка научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в этой сфере.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

- исследовать сущность и признаки исключительных прав и определить их место в системе субъективных гражданских прав;

- проанализировать и показать соотношение понятия исключительного права с понятием интеллектуальной собственности;
- проанализировать доктринальные подходы к разграничению пределов и ограничений субъективных прав и обосновать влияние указанного разграничения на специфику правового режима исключительных прав;
- исследовать особенности ограничений, направленных на установление внутренних границ исключительного права;
- установить специфику ограничений исключительного права, установленных в интересах третьих лиц и общества (внешних ограничений);
- исследовать понятие пределов осуществления исключительных прав и выявить критерии их определения;
- разработать рекомендации по совершенствованию таджикского законодательства в сфере интеллектуальной собственности и практики его применения.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления исключительных прав в условиях их правового ограничения и установления пределов.

Предметом исследования являются правовые нормы действующего законодательства Республики Таджикистан, международные нормативные акты, нормативные правовые акты иностранных государств, доктринальные положения, а также правоприменительная практика, определяющие, правовую природу, содержание, основания и механизм ограничения исключительных прав и установления их пределов.

Методология и методы исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составляют такие общенаучные и специальные методы, как диалектический метод, метод системного анализа и синтеза, логический, сравнительно-правовой, формально-юридический методы. Диалектический метод позволил выявить и проанализировать взаимосвязь и различия между ограничениями исключительных прав и

пределами осуществления исключительных прав, определить их правовую природу и особенности их правовых режимов.

С помощью метода системного анализа и синтеза было определено место исключительных прав в системе субъективных гражданских прав, построена система ограничений исключительных прав, разработана классификация пределов осуществления исключительных прав.

Логический метод позволил выстроить причинно-следственные связи между научными подходами и действующими правовыми нормами и сформулировать научные выводы и предложения по улучшению правового регулирования гражданского оборота исключительных прав в Республике Таджикистан.

Использование сравнительно-правового метода позволило сопоставить развитие интеллектуального права Республики Таджикистан с нормами международного права в области интеллектуальной собственности.

С помощью формально-юридического метода были сформулированы понятия ограничений исключительных прав, пределов осуществления исключительных прав и других терминов.

Эмпирическая база исследования. Эмпирическую основу исследования составили материалы судебной практики, отражающие применение ограничений исключительных прав и пределов их осуществления в отечественном правовом поле.

Теоретической основой исследования стали разработки по общей теории права, теории гражданского и интеллектуального права дореволюционного, советского и современного периодов.

В основу формирования теоретических положений и выводов диссертационного исследования легли научные подходы, отражённые в трудах таких учёных, как С.С. Алексеев, В.С.Белых, Е.А. Суханов, О.С. Иоффе, Я.А. Канторович, Л.А. Лунц, В.С. Нерсисянц, П. Победоносцев, И.А. Покровский, Г.Ф. Шершеневич, В.Ф. Яковлев, П.П. Цитович и др.

К настоящему времени накоплен обширный теоретический материал, посвящённый исследованию вопросов осуществления гражданских прав и пределов их осуществления, которые нашли отражение в трудах М.М. Агаркова, А.В. Волкова, В.П. Грибанова, В.И. Емельянова, С.Г. Зайцевой, М.В. Ибрагимовой, А.А. Малиновского, Л.А. Новоселовой, КО.А. Поротиковой, С.Н. Братуся, Н.С. Малеина и др.

Научная новизна результатов диссертационного исследования состоит в том, что на основе законодательных норм и разработанных правовой доктриной теоретических положений проведен комплексный анализ механизма правового регулирования ограничений исключительных прав и пределов их осуществления в гражданском праве Республики Таджикистан, а также выработаны научно обоснованные предложения по совершенствованию отечественного законодательства и правоприменительной практики в этой сфере.

Концепция диссертационного исследования строится на разграничении понятий «ограничения исключительных прав» и «пределы осуществления исключительных прав», которое соответствует исходному замыслу дифференциации этих понятий, заложенному в Гражданском кодексе Республики Таджикистан.

Теоретические выводы и рекомендации отражены в следующих **положениях, выносимых на защиту.**

1. Обосновано, что исключительные права представляют собой разновидность имущественных прав, которые занимают самостоятельное место в системе субъективных гражданских прав наравне с вещными и обязательственными правами. Будучи составной частью системы имущественных гражданских прав, исключительные права одновременно являются структурным элементом интеллектуальных прав и характеризуются рядом устойчивых признаков, к числу которых относятся: 1) исключительный характер; 2) абсолютный характер; 3) срочный характер; 4)

имущественный характер; 5) нематериальная природа объекта исключительных прав; 6) территориальные рамки действия.

2. В целях определения места исключительных прав в системе интеллектуальной собственности обоснован следующий подход к соотношению понятий «интеллектуальная собственность» и «исключительные права»: интеллектуальная собственность – это собирательное понятие, охватывающее собой комплекс результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним объектов, подлежащих правовой охране, и в силу своей обобщённой природы не может рассматриваться в качестве самостоятельного объекта гражданских прав; исключительные права представляет собой форму субъективного имущественного права, возникающего по поводу этих результатов интеллектуальной деятельности.

Сфера интеллектуального права предусматривает два уровня объектов гражданских прав, характеризующихся разной правовой природой: 1) результаты интеллектуального труда, весь набор которых охватывается собирательным понятием «интеллектуальная собственность»; 2) интеллектуальные права, которые включают исключительные права на результаты интеллектуального труда и личные неимущественные права. Указанные две группы объектов гражданских прав соотносятся между собой как объект правовой охраны и средство правового обеспечения такой охраны. При этом объектом правовой охраны выступает результат интеллектуальной деятельности, а правовым средством такой охраны являются сами интеллектуальные права.

3. Исходя из разделительного подхода к категориям пределов и ограничений гражданских прав, закреплённого в Гражданском кодексе РТ, обосновано их разграничение применительно к исключительным правам. Ограничения исключительных прав – это все виды законодательно закреплённых изъятий из объёма исключительных прав, а также нормативно установленные случаи допустимости использования объекта

интеллектуальной собственности третьими лицами без согласия правообладателя. Пределы осуществления исключительного права – это оценочные границы допустимого поведения правообладателя, формируемые на основе принципов разумности, добросовестности, справедливости и запрета злоупотребления правом, нарушение которых не связано с изменением объёма самого исключительного права, но влечёт последствия в виде отказа в судебной защите при формальном наличии права.

Аргументом в пользу такого разделительного подхода являются различия в правовых последствиях нарушения этих двух видов границ действия права: последствием нарушения пределов осуществления субъективного права является применение меры в виде отказа правообладателю в судебной защите принадлежащего ему права (п.6 ст. 9 Гражданского кодекса РФ); нарушение установленных законом ограничений квалифицируется как правонарушение и влечёт применение соответствующих гражданско-правовых санкций (возмещение убытков, возмещение морального вреда, признания права недействительным и т.д.).

4. Предложена классификация ограничений исключительного права в зависимости от целей правового регулирования:

1) ограничения, направленные на установление внутренних границ исключительного права, – это границы исключительного права, которые затрагивают содержание исключительного права, срок и территорию его действия, исчерпание права, а также иные юридические рамки действия исключительного права как субъективного гражданского права.

2) ограничения исключительного права, установленные в интересах третьих лиц и общества (внешние ограничения) – это предусмотренные законом случаи допустимости использования объекта исключительного права без согласия правообладателя, если такое использование преследует общественно значимые цели.

5. Доказано, что цифровизация гражданского оборота актуализировала проблему применимости конструкции исчерпания права к экземплярам

охраняемых объектов, введённым в оборот в электронной форме. Конструкция исчерпания права применима исключительно к правомочию распространения экземпляров охраняемого объекта и не охватывает другие правомочия, составляющие содержание исключительного права. В этой связи перепродажа правомерно приобретённых электронных копий интеллектуальных продуктов представляет собой нарушение исключительного права на воспроизведение, поскольку процесс передачи цифрового экземпляра произведения представляет собой техническое воспроизведение новых экземпляров этого произведения, а не гражданский оборот одного и того же экземпляра, как это предполагается в рамках конструкции исчерпания права.

Установлено, что реализация принципа исчерпания права в условиях цифровизации требует пересмотра действующего законодательства, во-первых, путём включения в его понятийно-категориальный аппарат понятия «цифровой экземпляр объекта интеллектуальной собственности», во-вторых, посредством нормативной адаптации принципа исчерпания права к особенностям оборота приобретённых электронных копий интеллектуальных продуктов.

6. Доказано наличие трёх ключевых признаков ограничений исключительного права, установленных в интересах третьих лиц и общества: 1) императивный характер; 2) целевая направленность на внешние интересы; 3) специальный нормативный характер.

Систематизированы юридические формы выражения внешних ограничений исключительных прав, в результате чего выделено пять их подгрупп: 1) ограничения исключительных прав в личных целях третьих лиц; 2) ограничения исключительных прав в научных, учебных и культурных целях; 3) ограничения исключительных прав в общественно-информационных интересах; 4) ограничения исключительных прав в чрезвычайных обстоятельствах; 5) ограничения исключительных прав, связанные с функционированием особых правовых режимов.

7. Установлено значение института злоупотребления правом в системе права, заключающееся в том, что посредством него решается проблема размытости недобросовестных целей осуществления субъективных прав. Право объективно не способно предусмотреть все возможные недобросовестные цели, поэтому посредством общей нормы о пределах осуществления гражданских прав и запрете злоупотребления правом фактически компенсирует возможные пробелы правового регулирования.

Обосновано, что злоупотребление правом является самостоятельным по отношению к правонарушению правовым явлением, отличающееся своим назначением в системе права. Механизм юридической ответственности за правонарушение решает задачу обеспечения защиты и восстановления нарушенного правопорядка посредством наказания правонарушителя. Целью запрета злоупотребления правом является предотвращение возможности использования субъективных гражданских прав как инструмента причинения вреда и достижения непозволительных целей. Поэтому здесь не применяются карательные механизмы, так как носитель права, действующий недобросовестно, одновременно действует в рамках имеющихся у него правомочий. Отказывая в защите права, законодатель признаёт, что у правообладателя отсутствуют основания для реализации и защиты принадлежащего ему права.

8. Построена и раскрыта классификация пределов осуществления исключительными правами по источникам их установления:

- пределы осуществления исключительных прав, основанные на законе, представляют собой запреты использования правомочий, составляющих содержание исключительного права, в целях, признанных законом недопустимыми;

- пределы осуществления исключительных прав, вытекающие из морально-нравственных начал гражданского права, – это общие требования соблюдения принципов добросовестности, разумности, справедливости, а также иных нравственных принципов общества и правил деловой этики,

которые не имеют прямого законодательного оформления, но признаются недопустимыми на основании оценки соответствия поведения правообладателя этим морально-нравственным началам гражданского права.

9. Разработана и обоснована система предложений по совершенствованию таджикского законодательства в сфере интеллектуальной собственности и практики его применения, включающая следующие предложения:

1. С целью обеспечения полноты регулирования и подтверждения исключительной природы имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности, предложено включить в содержание п.1 ст. 1241 Гражданского кодекса РТ все ключевые компоненты исключительности этих прав и изложить данную норму в следующей редакции:

«Статья 1241. Имущественные права интеллектуальной собственности

1. Имущественные права на объекты интеллектуальной собственности являются исключительными. Их правообладатель вправе по своему усмотрению осуществлять, разрешать и запрещать использование соответствующего объекта интеллектуальной собственности в рамках, не запрещённых настоящим Кодексом или другими законами.

Ни одно физическое или юридическое лицо не может использовать охраняемый объект интеллектуальной собственности без разрешения правообладателя. Нарушением исключительного права правообладателя признаётся также введение в гражданский оборот объектов, повторяющих существенные признаки охраняемого объекта интеллектуальной собственности».

2. В целях достижения согласованности в употреблении терминов, предложено унифицировать понятие интеллектуальной собственности, закрепив в ст. 1235 Гражданского кодекса РТ определение интеллектуальной собственности как совокупности охраняемых объектов, тем самым, приводя

его в соответствие с подходом, заложенным в п.2 ст. 136 Гражданского кодекса РТ.

3. Предложено закрепить в главе 68 Гражданского кодекса РТ обобщающее определение понятия «интеллектуальные права», охватывающее собой исключительные права, личные неимущественные права, а также иные предусмотренные законом интеллектуальные права. Предложено разграничить употребление понятия «интеллектуальная собственность» как обобщающего обозначения объектов правовой охраны (результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации) и понятия «интеллектуальные права» как совокупности правомочий, возникающих у правообладателя в отношении этих объектов.

4. Обоснована необходимость расширения перечня оснований для предоставления принудительной лицензии, указанных в ч.2 ст. 28 Закона РТ «Об изобретениях», в связи с чем предложена следующая редакция данной нормы:

«В интересах национальной безопасности, а равно в иных случаях, когда использование изобретения необходимо для защиты публичных и общественных интересов, включая чрезвычайные ситуации (стихийные бедствия, катастрофы, крупные аварии), охрану окружающей среды и реализацию целей устойчивого развития, обеспечение доступа к жизненно важным технологиям в сфере охраны здоровья населения, развитие образования и науки, Правительство Республики Таджикистан имеет право разрешить использование изобретения без согласия патентообладателя.

Разрешение на использование изобретения предоставляется с условием выплаты владельцу патента соразмерной компенсации и в пределах объёма и продолжительности, соответствующих целям предоставления разрешения».

5. Обоснована целесообразность придания механизму принудительного лицензирования межотраслевого характера, в связи с чем предложено внесение в ст. 1245 Гражданского кодекса РТ следующих изменений:

«Статья 1245. Принудительная лицензия

В случае необходимости использования результата интеллектуальной деятельности в целях защиты общественных интересов, включая национальную безопасность, охрану здоровья, реализацию целей устойчивого развития и охрану окружающей среды, образование, доступ к жизненно важным технологиям суд вправе по требованию заинтересованного лица принять решение о предоставлении этому лицу на указанных в судебном решении условиях права использования результата интеллектуальной деятельности, имущественное право на который принадлежит другому лицу (принудительная лицензия)».

Теоретическая значимость работы состоит в том, что проведённый анализ механизма правового регулирования ограничений исключительных прав и пределов их осуществления позволяет понять закономерности правовой природы этих двух групп границ исключительных прав и создаёт основу для построения их классификации.

Сформулированные в диссертации теоретические выводы создают основу для формирования дальнейших научных концепций в области правового регулирования исключительных прав.

Теоретические выводы диссертации могут быть также использованы при преподавании дисциплин «Гражданское право», «Интеллектуальное право», «Предпринимательское право», а также при подготовке учебников и учебно-методической литературы по указанным отраслям права.

Практическая значимость исследования заключается в том, что теоретические выводы и предложения прикладного характера могут быть направлены на совершенствование законодательства в сфере интеллектуального права.

Степень достоверности результатов исследования. На достоверность полученных выводов и положений диссертационного исследования указывает комплексный анализ законодательных и иных нормативных правовых актов в сфере регулирования объектов интеллектуальной собственности и

связанных с ними прав. Дополнительно к этому достоверность результатов исследования подтверждается исследованием и критическим осмыслением научных трудов в области права, а также в области экономики и философии.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре гражданского права Российско-Таджикского (Славянского) университета.

Сформулированные в диссертации положения были изложены на международных и республиканских научно-практических конференциях, круглых столах и иных научных мероприятиях. В частности, теоретические результаты диссертационного исследования в форме докладов и сообщений автора обсуждались на следующих научных мероприятиях:

- Международной научно-теоретической конференции, посвященной «100-летию Виктора Аркадьевича Ойгензихта «Правовое регулирование туризма и инвестирования в Республике Таджикистан» (Душанбе, Таджикский национальный университет, 24 октября 2024). Тема доклада: «Исключительные права на результаты интеллектуальной собственности: противоречия законодательного регулирования»;

- Международном научном студенческом форуме «Интеллектуальные права: свобода и пределы» (Москва, Высшая школа экономики, 4 декабря 2024). Тема доклада: «Границы исключительных прав»;

- XII Международной научно-практической конференции: «Национальная правовая система Республики Таджикистан и стран СНГ: анализ тенденций и перспектив развития» (Душанбе, Российско-Таджикский (Славянский) университет, 25 октября 2024). Тема доклада: «К вопросу о соотношении понятий «интеллектуальная собственность» и «исключительные права»»;

- Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современности: взгляд молодежи», посвященной 30-летию Конституции Республики Таджикистан и Году правового просвещения» (Душанбе, Российско-Таджикский (Славянский) университет, 24 мая 2024).

Тема доклада: «Правовая категория исключительных прав: понятие, назначение и содержание»;

- Международной научно-практической конференции «XXIX Славянские чтения», посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, Году развития цифровой экономики и инноваций, Дню таджикской науки (Душанбе, Российско-Таджикский (Славянский) университет, 25 апреля 2025). Тема доклада: «Понятие исключительного права сквозь призму его имущественной природы»;

- Республиканской научно-практической конференции «Гражданское общество в современном Таджикистане: ценностные и правовые аспекты исследования» (Душанбе, РТСУ, 16 мая 2025). Тема доклада: «Пределы осуществления исключительных прав и их ограничения: грани соотношения понятий»;

- Международной научно-практической конференции студентов и молодых учёных в рамках ежегодных Басинских чтений «Актуальные проблемы частного права» (Алматы, 2025). Тема доклада: «Исключительные права в системе интеллектуальной собственности»;

- Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современности: взгляд молодежи» (Душанбе, Российско-Таджикский (Славянский) университет, 23 мая 2025). Тема доклада: «Содержание исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности»;

- Международной научно-практической конференции «Тенденции развития частно-правовых дисциплин: проблемы и пути их решения» (Ташкент, Университет общественной безопасности Республики Узбекистан, 25 июня, 2025). Тема доклада: «К вопросу о проблемах нормативного определения исключительных прав в законодательстве Республики Таджикистан».

Основные положения, выводы и предложения автора, разработанные и сформулированные при проведении научного исследования, получили

отражение в 10 научных статьях общим объёмом 6,1 п.л., опубликованных в отечественных и зарубежных периодических изданиях, в том числе 4 статьи в журналах, включённых в перечень юридических изданий, утверждённый ВАК России, и рекомендованный для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук.

Результаты исследования внедрены в учебный процесс МОУ ВО «Российско-Таджикский (Славянский) университет» при преподавании курсов «Гражданское право», «Инновационное право», «Предпринимательское право».

Структура диссертации обусловлена объектом, предметом, целью и задачами проведённого исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, включающих семь параграфов, заключения и списка использованных источников. Общий объём диссертации составляет 198 страниц.

ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВАХ

1.1 Понятие, признаки исключительных прав и их место в системе субъективных гражданских прав

Современное гражданское право демонстрирует активное вовлечение исключительных прав в область гражданского оборота. Это обуславливает обеспечение должного правового регулирования исключительных прав как объектов гражданских прав. Для достижения этой задачи существует ряд нормативных моделей регулирования. В частности, в основе правового регулирования исключительных прав может лежать подход раздельного нормативного регулирования, при котором для каждого объекта интеллектуальной собственности установлен отдельный закон. Или же регламентация исключительных прав может строиться на основе комплексного нормативного регулирования, что подразумевает включение всех норм об использовании и правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним объектов в единый нормативный правовой акт.

Особенность правовой системы Республики Таджикистан в этом вопросе заключается в том, что она одновременно сочетает в себе элементы указанных двух подходов. В частности, имеется законодательный акт, а именно Гражданский кодекс Республики Таджикистан, в отдельной главе которого (главе 68) содержатся общие положения об интеллектуальной собственности. Данные нормы направлены на регулирование общих правил осуществления и защиты всех объектов интеллектуальной собственности вне зависимости от их вида. Наряду с Гражданским кодексом в Республике Таджикистан действует большой массив специальных законов, которые составляют специальное регулирование отдельных видов интеллектуальных прав. Среди них можно назвать Закон РТ «Об авторском праве и смежных

правах» от 13 ноября 1998 года, № 726, Закон РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания» от 05 марта 2007 года, № 234, Закон РТ «О промышленных образцах» от 28 февраля 2004 года, № 16, Закон РТ «Об изобретениях» от 28 февраля 2004 года, № 17 и другие нормативные правовые акты. Налицо двухуровневый подход, который охарактеризован С.С. Алексеевым как регулирование, отличающееся существованием как общих норм, распространяющихся «на род данных отношений в целом», так и норм специальных законов, которые действуют «только в пределах конкретного вида отношений»¹.

Данный подход находит поддержку в правовой доктрине. Ряд учёных отстаивают его обоснованность и признают, что общее и специальное регулирование одинаково важны с точки зрения эффективности правовых норм. Если говорить непосредственно о сфере гражданско-правового регулирования, то это выглядит следующим образом: нормы Гражданского кодекса закрепляют основные начала гражданского законодательства, «служат правовой основой для всех экономических отношений», в свою очередь, специальные нормы детализируют наполняемость общеправовых положений, учитывают специфические отношения и, тем самым, способствуют достижению эффективности общих норм².

Соглашаясь с такими утверждениями, с учётом предмета нашего исследования хотим добавить, что задача Гражданского кодекса Республики Таджикистан, как основного законодательного акта в сфере регулирования гражданско-правовых отношений, заключается в том, чтобы установить общие правила и принципы регулирования результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним объектов и ориентировать специальные законы на согласованное правовое регулирование.

¹ См.: Алексеев С.С. Структура советского права. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 120.

² См.: Суменков С.Ю. Специальные и исключительные нормы как компонент специального правового статуса: особенности соотношения и формы объективирования // NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. 2022. №2. – С. 338.

В связи с этим представляется, что включение законодателем в Гражданский кодекс РТ общих положений об интеллектуальной собственности, было продиктовано стремлением сформировать общую правовую концепцию для всех видов объектов интеллектуальной собственности и установить единые принципы их правового регулирования. Однако есть основания полагать, что законодателю не удалось реализовать данную идею в полной мере, так как в общих положениях Гражданского кодекса РТ не определено общее универсальное понятие исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. Законодатель даёт лишь общее понятие интеллектуальной собственности (п.1 ст. 1235 Гражданского кодекса РТ). Само же понятие и содержание исключительного права Гражданский кодекс РТ не раскрывает, оставляя регулирование этого вопроса на усмотрение специальных законов.

Вместе с тем, специальные законы содержат нормы, действующие только в пределах конкретного вида отношений. Поэтому если специальный закон в области интеллектуальной собственности и формулирует в своих нормах понятие исключительных прав, то делает это с акцентом на тот вид объекта интеллектуальной собственности, на регулирование которого он направлен. То есть в каждом специальном законе понятие исключительного права определяется локально в пределах сферы своего регулирования. Для показательности этого вывода приведём конкретные нормы.

В контексте авторских прав исключительное право представляет собой право, принадлежащее автору или авторам, творческим трудом которых создано произведение, которое никто не может использовать без соответствующего разрешения (ст. 3 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах»).

Согласно Закону РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания», исключительное право на товарный знак рассматривается как право правообладателя использовать товарный знак и запрещать его использование

другими лицами без его разрешения на территории Республики Таджикистан (ст. 6 Закона).

В силу Закона РТ «Об изобретениях», исключительное право на изобретение представляет собой право патентообладателя «на использование охраняемого патентом или малым патентом изобретения, включая право на изготовление, применение, ввоз, продажу, иное введение в хозяйственный оборот или хранение с этой целью продукта, содержащего охраняемое патентом или малым патентом изобретение, право на применение способа, охраняемого патентом или малым патентом на изобретение, а также право запретить использовать указанные изобретения другим лицам, кроме случаев, когда такое использование в соответствии с законом не является нарушением исключительного права патентообладателя» (ст. 26 Закона).

В соответствии с Законом РТ «О промышленных образцах», исключительное право на использование промышленного образца представляет собой право патентообладателя на свободное использование охраняемого патентом промышленного образца в пределах соблюдения прав и законных интересов других патентообладателей (ст. 22 Закона).

Как видим, каждый специальный закон раскрывает понятие исключительных прав применительно к отдельному объекту интеллектуальной собственности, учитывая специфику правового режима в каждой конкретной сфере. Каждое из этих определений является локальным, сфокусированным на том виде объекта интеллектуальной собственности, на регулирование которого направлен закон. И не одно из них не может претендовать на признание его в качестве универсального. Эту задачу должны решать общие нормы главы 68 Гражданского кодекса РТ. Поэтому с точки зрения общего нормативного регулирования, которое выполняет Гражданский кодекс, было бы логично предусмотреть в нём общее универсальное определения понятия исключительного права.

Целью настоящего параграфа является научное осмысление данного понятия. А так как всякая категория есть «отражение наиболее существенных

его свойств»¹, то и исследование понятия исключительного права мы будем проводить через выявление его характерных признаков.

Следует отметить, что в правовой доктрине накоплено значительное разнообразие трактовок понятия исключительных прав. Исследованию данного вопроса посвящены, в частности, работы А.Л. Маковского², В.О. Калятина³, А.П. Сергеева⁴ и других авторов. Каждое из предложенных ими определений в зависимости от специфики исследования отображает свой набор признаков понятия исключительного права. В ходе их изучения у нас сформировалось авторское видение существенных признаков данного понятия.

Начать этот разбор мы видим целесообразным с ключевого признака понятия исключительного права, которое определило его название. Речь идёт о *свойстве исключительности*. Суть исключительности состоит в том, что субъективное право принадлежит только одному законному обладателю и только он, кроме случаев, предусмотренных законом, «вправе использовать результат своей интеллектуальной деятельности по собственному усмотрению любым не противоречащим закону способом....., только он может распоряжаться этим правом»⁵. Исследуя категорию исключительности применительно к авторским правам, Ф.А. Джалилиан определяет её как «исключительную возможность автора или иного правообладателя использовать произведения в любых формах и любыми способами, а также распоряжаться таким использованием»⁶.

Характерным примером исключительного случая, закреплённым в законодательстве, в юридической литературе приводится право на

¹ Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий права. - М., 1976. - С. 58.

² См.: Маковский А.Л. Исключительные права и концепция части четвертой Гражданского кодекса // Гражданское право современной России. - М.: Статут, 2008. - С. 103-141.

³ См.: Калятин В.О. Интеллектуальная собственность (исключительные права): Учебник для вузов. - М.: Норма, 2000. - С. 8 – 11.

⁴ См.: Мэгге П.Б. Сергеев А.П. Интеллектуальная собственность. - М.: Юрист, 2000. – С. 233.

⁵ Андреев Ю.Н. Судебная защита исключительных прав: цивилистические аспекты: монография. - М.: Норма, Инфра-М, 2011. – С. 21.

⁶ Джалилиан, Ф. А. Исключительное право автора произведения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ф.А. Джалилиан Фарзад. – Душанбе, 2015. – С. 56.

наименование места происхождения товара¹, исключительность которого проявляется не в принадлежности одному лицу, а в ограничении круга лиц, которые могут использовать данное наименование, при условии соответствия их товара установленным требованиям.

Свойство исключительности даёт обладателю исключительных прав возможность «исключить» других лиц от использования этого объекта или, говоря словами Г. Ф. Шершеневича, «предоставляет юридическую возможность совершения известного рода действий с устранением всех прочих от подражания»². Данное правомочие базируется на прямом законодательном запрете, в рамках которого никто не может использовать интеллектуальные продукты, кроме тех лиц, для которых закон предусмотрел изъятия³.

По мнению А.С. Аникина, исключительное право есть юридическое обеспечение следующих трёх типов поведения правообладателя: 1) совершать определённые законом действия в отношении результата интеллектуальной деятельности; 2) совершать действия в отношении самого исключительного права; 3) требовать от всех иных лиц воздерживаться от использования охраняемого объекта⁴.

Однако, думается, свойство исключительности не ограничивается только указанием на запрет несанкционированного использования. Данный признак также означает, что обладатель таких прав правомочен контролировать использование своего объекта интеллектуальной собственности, самостоятельно решая вопрос о том, кто ещё и на каких условиях вправе использовать его объект⁵.

¹ См.: Сидиков Д.А. Право интеллектуальной собственности в Республике Таджикистан. ч. 2 // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2023. - №11. – С. 70.

² Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / вступ. ст. Е. А. Суханов. - М. : СПАРК, 1995. – С. 24.

³ Маковский А.Л. Исключительные права и концепция части четвертой Гражданского кодекса // Гражданское право современной России. - М.: Статут, 2008. - С. 103 - 141.

⁴ См.: Аникин, А.С. Содержание и осуществление исключительных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С.6.

⁵ См.: Астапова Ш.Р. «Исключительность» как ключевой признак исключительных прав // Юридический вестник. – Душанбе: Российско-Таджикский (Славянский) университет, 2024. – №3 (19). –С.25.

Принято считать, что начало такого понимания исключительности восходит к так называемой теории частноправовой монополии исключительных прав, которая была разработана французским юристом Жаном-Генри Рогэном в конце XIX века¹. Суть этой теории состоит в том, что исключительным правам отводится роль правового инструмента, который наделяет обладателя этих прав монопольными правомочиями. Называя исключительные права монополией особого рода, Ж.Г. Рогэн характеризует такую монополию как частную монополию, которая в отличие от классической государственной монополии, основывается на законодательной защите интеллектуальной собственности от нарушений со стороны любых третьих лиц². То есть исключительные права, будучи монополией в частноправовом контексте, это не столько концентрация власти на рынке, сколько гарантированное на уровне закона право их обладателя на установление запрета на использование своей интеллектуальной собственности другими лицами без разрешения правообладателя³.

Данная теория получила широкое распространение, и в юридической литературе нередко для объяснения признака исключительности используется термин «монополия», под которым подразумевается монополия обладателя такого права на использование созданного им результата интеллектуального труда. Так, например, Г.Ф. Шершеневич писал о монополии обладателя авторского права на использование произведения⁴. Как форму авторско-правовой монополии рассматривает исключительные

¹ Такое представление является традиционным в научно-правовой литературе, хотя некоторые авторы приводят доводы, указывающие на то, что термин «исключительные права» имеет более раннюю историю, чем это принято считать. В качестве примера приводится одна из работ И.Г.Фихте, написанная в 1793 году, в которое активно используется термин «исключительное право» (См.: Алёхина Л.А. Генезис категорий «интеллектуальная собственность» и «исключительные права» в теории права XVIII - начало XX вв.: теоретико-правовой и историко-правовой аспекты: дис. ... кандидата юридических наук. - Санкт-Петербург, 2006. – С. 148).

² См.: Hughes, J. The Philosophy of Intellectual Property // Journal of Ethics. – 200. - № 8(1). – С. 7-28.

³ См.: Астапова Ш.Р. Указ.соч. – С. 25.

⁴ См.: Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань, 1891. – С. 62.

права А.В. Кашанин¹. Схожим образом Н.В. Макагонова связывает исключительность авторских прав с монополией их владельца, «с его единственной над ними властью»².

Анализируя исключительные права на объекты промышленной собственности, Л.А. Трахтенгерц характеризует их как «монополию патентовладельца на охраняемые объекты»³. В.И. Еременко характеризует понятие исключительного права как одну из форм легальной монополии, предоставляемой государством патентообладателю в объёме, на срок и на территории, установленной законом, в пределах которых патентообладатель реализует своё исключительное право⁴. О монополии применительно к товарным знакам пишет М.В. Лабзин⁵. К вопросу о монополистических устремлениях патентовладельцев обращается в своей работе С.А. Павлов⁶.

Кроме монопольной природы сущность исключительности исключительных прав находит проявление ещё в одной своей характеристике. Свойство исключительности, в частности, не только предоставляет правообладателю юридическую возможность защищать охраняемый объект от незаконного использования, но и не допускает введение в гражданский оборот объектов, содержащих существенные признаки охраняемого объекта. При этом здесь не имеет значения, является ли такой схожий объект результатом умышленного заимствования или самостоятельного создания. Этим мы хотим сказать, что законодатель осуществляет правовую охрану исключительных прав не только через запрет

¹ См.: Кашанин А.В. Развитие учения о форме и содержании произведения в доктрине авторского права. Проблема охраноспособности содержания научных произведений // Вестник гражданского права. 2010. N 2. С. 68 - 138.

² Макагонова Н.В. Авторское право: Учебное пособие / под ред. Э.П. Гаврилова. - М.: Юрид. лит-ра, 1999. - С. 162.

³ Трахтенгерц Л.А. Патентное законодательство. Нормативные акты и комментарий. - М.: Юрид. лит-ра, 1994. - С. 11.

⁴ Еременко В.И. Патентная монополия в соответствии с частью четвертой ГК РФ // Законодательство и экономика. - 2008. - № 7. - С. 13.

⁵ См.: Лабзин М.В. Параллельный импорт: право против эмоций // Патенты и лицензии. 2011. N 7. С. 7.

⁶ См.: Павлов С.А. Конкурентоспособность товара и правовая охрана промышленной собственности // Патенты и лицензии. - 1991. - № 5. - С. 2.

прямого копирования объекта интеллектуальной собственности, но и через запрет его подражания.

Данное правило получило нормативное выражение в ряде специальных законов. Так, применительно к товарным знакам нарушением исключительного права правообладателя признаётся использование без разрешения правообладателя не только самого товарного знака, но и сходного с ним до степени смещения обозначения (ст. 6 Закона РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания»). Показательным в этом плане является следующий пример из судебной практики.

Официальный дистрибьютор чипсов LAY'S в Таджикистане ООО «LAY'S TAJIKISTAN» обратилось в Высший экономический суд Республики Таджикистан с заявлением о признании недействительной государственной регистрации товарного знака «LOY'S» (свидетельство № 747893) отношении товаров 29-го класса MKTV - мясо, рыба, птица и дичь; экстракты мясные; овощи и фрукты консервированные, сушеные и подвергнутые тепловой обработке, и возмещении убытков в размере 378 539 сомони.

Истец полагал, что государственная регистрация в качестве товарного знака обозначения «LOY'S» и выпуск в обращение чипсов под таким товарным знаком нарушает его исключительные права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров и услуг, так как обозначение «LOY'S» сходно до степени смешения с товарным знаком «LAY'S» и вводит потребителей в заблуждение относительно используемой продукции.

Ответчик возражал против иска, утверждая, что введение с его стороны в коммерческий оборот чипсов под товарным знаком «LOY'S» основано на его исключительном праве, подтверждённом государственной регистрацией.

Высший экономический суд Республики Таджикистан, руководствуясь ч.4 ст. 6 Закона РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания» удовлетворил заявленные требования, посчитав обозначение «LOY'S»

сходным до степени смешения с товарным знаком истца и способным ввести потребителей в заблуждение относительно лица, производящего соответствующую продукцию¹.

Применительно к авторским правам вместо выражения «объект, схожий до степени смешения» используются другие термины, такие как «плагиат», «произведение, содержащее существенные заимствования без указания автора».

В контексте промышленных образцов вместо выражения «объект, сходный до степени смешения» законодатель использует формулировку «продукт, содержащий существенные признаки охраняемого промышленного образца», подразумевая под таковым продукт, который не может быть признан самостоятельным оригинальным промышленным образцом, так как повторяет уже запатентованное решение посредством копирования или модификации его существенных признаков, таких как форма, конфигурация, орнамент, сочетание цветов (ст. 5 Закона РТ «О промышленных образцах»). Даже если такой продукт создавался самостоятельно, без опоры на уже существующие аналоги, он всё равно будет признан как объект, нарушающий охраняемое исключительное право.

Несколько по-другому поставлен этот вопрос применительно к исключительным правам на изобретения. Патентное право защищает не форму, как это имеет место быть в контексте товарных знаков, а техническую сущность изобретения. Поэтому здесь вместо критерия «сходство до степени смешения» используется критерий «формула изобретения», под которой понимается документ, содержащий совокупность существенных признаков изобретения и определяющий объём правовой охраны патента (ст.1, 5 Закона РТ «Об изобретениях»). К тому же законодатель расширяет объём патентной охраны за пределы точной копии изобретения, включая в сферу защиты эквивалентные технические решения.

¹ См. Архив Высшего экономического суда Республики Таджикистан от 2007 года (Дело №9-113/07).

На это прямо указывают положения ст. 26 Закона РТ «Об изобретениях», где регламентировано, что продукт признаётся содержащим охраняемое патентом изобретение, если он содержит каждый признак изобретения, приведённый в формуле.

В международной практике это способ защиты прав патентообладателя называется доктриной эквивалентов, который закреплён на уровне юридического принципа в Конвенции о выдаче европейских патентов от 5 октября 1973 года, известной также как Европейская патентная конвенция (EPC). Правовое значение этого принципа состоит в том, что он служит средством защиты изобретений от попыток обойти предусмотренный патентной формулой объём правовой охраны.

Особенной чертой изобретений, как объектов интеллектуальной собственности, вместе с тем, является их влияние на научно-технический прогресс. Именно поэтому исключительные права на изобретения сопровождаются рядом исключений и ограничений. Речь идёт о таких исключениях, как использовать изобретение без согласия правообладателя в случаях чрезвычайных ситуаций, научных исследований и экспериментов (ст. 28 Закона РТ «Об изобретениях»), и о таких ограничениях, как принудительные лицензии, право преждепользования (ст.ст. 28, 31 Закона РТ «Об изобретениях»).

Из содержания указанных правовых норм следует, что законодатель квалифицирует как нарушение исключительного права не только несанкционированное использование самого охраняемого объекта интеллектуальной собственности, но и использование без надлежащего разрешения схожего объекта. Логическим объяснением этого правила является то, что для законодателя не является плодом параллельного творческого труда создание нового интеллектуального объекта на основе незаконного использования охраняемого объекта. Законодатель рассматривает такие действия как нарушение исключительного права, по той причине, что производно созданный объект, повторяющий существенные

признаки первоначального охраняемого объекта и охватывающий внешнюю форму его выражения, создаёт у потребителя (пользователя результата интеллектуального труда) ощущение эквивалентности этих двух объектов. Чтобы это правило, однако, имело юридическую силу, необходимым условием является установление факта использования в составе производного объекта соответствующего охраняемого объекта или его существенных элементов.

Так, производственное предприятие ООО «Охан-СТ» обратилось в экономический суд Хатлонской области с иском к государственному учреждению «Таджик НИИГ» о прекращении использования патента № 216 (G 08 D 12/07) в отношении изобретения «Секторный затвор с встроенным обратным клапаном», которое повторяет существенные признаки формулы изобретения «Устройство, содержащее секторный затвор со сливным отверстием», патентообладателем которого является истец (патента № 93 (1404965).

Несмотря на то, что в суде был установлен факт наличия двух действующих патентов с разными датами приоритета и представлено заключение экспертизы, в которой подтверждается, что изобретение «Секторный затвор с встроенным обратным клапаном» использует все признаки независимой формулы патента на изобретение «Устройство, содержащее секторный затвор со сливным отверстием», суд отказал в удовлетворении иска. Свой отказ суд мотивировал тем, что истец не смог доказать в суде факт использования в конкретном реальном продукте своего запатентованного изобретения, установление которого предусмотрена в ч.2 ст. 26 Закона Республики Таджикистан «Об изобретениях». Согласно ч.3 ст. 26 Закона Республики Таджикистан «Об изобретениях», под использованием охраняемого патентом способа получения продукта признаётся введение в хозяйственный оборот либо хранение с этой целью продукта, изготовленного непосредственно данным способом. Экспериментальная проверка и испытание опытного образца

изделия, содержащего признаки формулы патента другого изобретения, не признаётся использованием изобретения¹.

Всё вышеизложенное даёт основание полагать, что сущность исключительности проявляется в трёх следующих свойствах, которые позволяют наиболее полно понять это свойство исключительных прав:

1) единоличное использование и распоряжение правообладателем охраняемого объекта. Данное свойство мы называли монопольными правомочиями;

2) право определять пользователей охраняемого объекта и контролировать условия его использования. В нашем понимании это свойство представляет собой контрольные правомочия;

3) возможность защищать охраняемый объект, как от незаконного использования, так и от введения в гражданский оборот объектов, содержащих существенные признаки охраняемого объекта. Мы охарактеризовали это свойство как защита от смешения.

Как обосновано отмечает Л.А. Новоселова, их специфика предопределена нематериальной природой объектов интеллектуальных прав и их ограниченностью по времени и в пространстве². Именно в своей совокупности все эти три компонента исключительности позволяют понять подлинный характер этого признака исключительных прав. Исключительное право есть юридическое обеспечение трёх видов поведенческих возможностей правообладателя: 1) совершать определённые законом действия в отношении результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации (объекта права); 2) совершать действия в отношении самого исключительного права; 3) требовать от всех иных лиц, которые имеют или могут иметь доступ к объекту права, воздерживаться от

¹ См. Архив экономического суда Хатлонской области от 2005 года (Дело №15-143/05).

² См.: Новоселова Л.А., Рожкова М.А. Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования: монография. - М.: Норма, ИНФРА-М, 2014. – С. 43.

использования объекта права. И думается законодатель при раскрытии сущности исключительных прав должен их учитывать.

Однако действующая редакция п.1 ст. 1241 Гражданского кодекса РФ показывает обратное. Раскрывая в этой норме общие правомочия обладателя исключительных прав, законодатель оставляет без внимания такие стороны исключительности, как возможность контролировать использование исключительных прав другими лицами, а также право на получение правовой охраны от несанкционированного использования схожих результатов интеллектуальной деятельности. Тем самым не все аспекты исключительности, о которых мы заявили выше, нашли своё выражение в этой общей норме. На наш взгляд, полнота свойства исключительности исключительных прав может быть достигнута посредством включения в п.1 ст. 1241 Гражданского кодекса РФ всех компонентов исключительности. Редакция данной нормы в этой связи может быть изменена следующим образом изменить:

«Статья 1241. Имущественные права интеллектуальной собственности

1. Имущественные права на объекты интеллектуальной собственности являются исключительными. Их правообладатель вправе по своему усмотрению осуществлять, разрешать и запрещать использование соответствующего объекта интеллектуальной собственности в рамках, не запрещённых настоящим Кодексом или другими законами.

Ни одно физическое или юридическое лицо не может использовать охраняемый объект интеллектуальной собственности без разрешения правообладателя. Нарушением исключительного права правообладателя признаётся также введение в гражданский оборот объектов, повторяющих существенные признаки охраняемого объекта интеллектуальной собственности».

Продолжая наше исследование, отметим, что характерное для исключительных прав свойство исключительности предопределяет наличие

другого их признака – их абсолютного характера. Ведь монополия правообладателя на использование созданного им результата интеллектуального труда предполагает обязанность всех остальных субъектов воздерживаться от действий, которые могли бы нарушить эту монополию.

Такая логическая взаимосвязь исключительности и абсолютности интеллектуальных прав позволила некоторым авторам усмотреть в этих двух признаках «стороны одной и той же медали». Данную мысль высказывает В.О. Калятин, отметив что «исключительность исключительных прав – это другая сторона их абсолютности»¹.

К. П. Победоносцев, рассуждая об абсолютности исключительных прав, выделял активную и пассивную стороны данного правового явления. Проявлением активной стороны, по его мнению, являются действия правообладателя; выражением пассивной стороны является поведение обязанных лиц². То есть активная сторона исключительных прав выражается через признак исключительности, пассивная же сторона проявляется в их абсолютности.

Размышляя о пассивной стороне исключительных прав (их абсолютности), К.П. Победоносцев писал, что она «возбуждает всеобщую безусловную отрицательную обязанность относительно хозяина вещи – не делать ничего, что могло бы нарушить его право. Эта обязанность одинаково лежит на всяком, кто не сам хозяин»³. То есть, говоря словами Г.Ф. Шершеневича, речь идёт о действии исключительных прав «в отношении всех»⁴.

Близкую позицию занимал Я. А. Канторович. В его представлении, механизм правовой защиты исключительных прав предусматривает

¹ Калятин В.О. Сущность права на результаты интеллектуальной деятельности (на примере авторского права) // Журнал российского права. - М.: Норма, 1999. - № 9. - С. 91-99.

² См.: Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. - М.: Статут, 2002. - С. 187.

³ Там же.

⁴ См.: Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. - Казань: тип. Имп. ун-та, 1891. - 37.

активную сторону, выражающуюся в правомочиях правообладателя совершать известные действия в отношении созданного им объекта, и пассивную сторону, которая налагает на всех остальных лиц запрет на их подражание¹. По его мнению пассивная сторона находит проявление через такие аспекты, как обязанность всех третьих лиц воздерживаться от действий, несогласованных с правообладателем; подверженность права риску нарушения со стороны любого лица; возможность предъявления иска к любому лицу, нарушившему право².

Из абсолютного характера исключительного права вытекает, что оно находится под правовой охраной от посягательств от всех третьих лиц, имеющих намерение без согласия правообладателя использовать, воспроизводить или распространять охраняемый объект.

Следует заметить, что в Гражданском кодексе Республики Таджикистан определение этих двух сторон исключительных прав получило явное выражение. Активная сторона (исключительность) выражается через закрепление за правообладателем правомочий использования и распоряжения объекта интеллектуальной собственности по своему усмотрению (ст. 1241 Гражданского кодекса РТ) и через наделение его свободой действий в рамках закона (ст. 1248 Гражданского кодекса РТ).

Пассивная сторона исключительных прав (их абсолютный характер) реализуется в запрете использования объекта интеллектуальной собственности всеми третьими лицами (ст. 1241 Гражданского кодекса РТ). Кроме этого, в ст. 1238 Гражданского кодекса РТ указывается, что интеллектуальные права правообладателя защищаются в отношении всех и каждого, а в ст. 1249 Гражданского кодекса РТ подчеркивается, что отсутствие вины не является основанием освобождения нарушителя от обязанности прекратить нарушение права.

¹ Канторович Я.А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. - Пг., 1916. - С. 45.

² См.: Канторович Я.А. Указ.соч. - С. 45.

В юридической литературе такой запретительный императив признаётся наиболее предпочтительным средством защиты объектов интеллектуальной собственности¹. Вместе с тем, в отношении некоторых объектов интеллектуальной собственности он имеет иной режим действия. В данном случае мы имеем в виду наименование места происхождения товара, в отношении которых проявление исключительного и абсолютного характера исключительного права осуществляется с учётом определённых ограничений. В силу того, что характеристики данного объекта интеллектуальной собственности связаны с особыми условиями, характерными для конкретной географической местности, обладателями исключительного права на него могут быть несколько лиц одновременно. Все хозяйствующие субъекты, получившие разрешительные документы на производство товара, характеристики которого связаны с особенностями географического места, где он изготавливается, имеют статус правообладателей исключительного права на использование наименование этой географической местности при маркировке своего товара.

Такая множественность лиц на стороне правообладателя позволила В.А. Дозорцеву усмотреть в исключительном праве на наименование места происхождения товара квазиабсолютный характер². На наш взгляд, такая точка зрения является вполне аргументированной, поскольку исключительные права на такой уникальный объект интеллектуальной собственности, с одной стороны, обеспечивают исключительное право использования зарегистрированного обозначения только обладателю соответствующего свидетельства, а с другой стороны допускают множественность правообладателей, что вносит нотку изъятия в классическое представление об их абсолютности. Однако в данном случае абсолютный характер исключительного права не утрачивается, а приобретает новую

¹ См.: Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. - М.: Юриспруденция, 2013. – С. 66.

² См.: Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. - М., 2003. С. 64 – 65.

форму. В условиях множественности правообладателей абсолютность не исчезает, а модифицируется, находя своё выражение в существовании коллективного правомочия всех правообладателей в отношении одного объекта. Абсолютность здесь реализуется в том обстоятельстве, что всякий, кто не является правообладателем, обязан воздерживаться от действий, способных нарушить такое коллективное исключительное право.

Следует отметить, что свойства исключительности и абсолютности исключительных прав не указывают на их безграничность. Границы всякого абсолютного права начинаются там, где появляется необходимость учитывать интересы других лиц, а также общественные и государственные интересы¹.

В отношении исключительных прав одним из таких ограничений является их временный (срочный) характер. Прямое указание на ограниченный срок действия исключительных прав делается в п.1 ст. 1242 Гражданского кодекса РТ. Данная норма является общей. Конкретные же временные промежутки действия тех или иных исключительных прав определены в специальных законах. Их продолжительность напрямую зависит от вида объекта интеллектуальной собственности². Так, например, в соответствии со ст. 17 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах», авторское право действует в течение всей жизни автора и в последующие пятьдесят лет после его смерти.

Исключительное право на товарный знак действует в течении десяти лет с даты подачи заявления в патентное ведомство и этот срок может быть продлён неограниченное количество раз на каждые десять лет (ст. 18 Закона РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания»).

Исключительные прав на изобретения действует в течении двадцати лет, а продолжительность действия малого патента равна десяти годам. Патент,

¹ См.: Андреев Ю.Н. Судебная защита исключительных прав: цивилистические аспекты: монография. - М.: Норма, Инфра-М, 2011. – С. 48.

² См.: Астапова Ш.Р. Срок как элемент конструкции исключительного права // Юридический вестник. – Душанбе: Российско-Таджикский (Славянский) университет, 2025. – №1 (21). –С.23.

имеющий отношение к сфере лекарственных средств, пестицидов и агрохимикатов с учётом условий, указанных в ст. 4 Закона РТ «Об изобретениях» продлевается на пять лет.

Действие исключительного права на промышленный образец составляет пять лет с даты подачи заявления. При этом закон допускает продление этого срока дважды каждый раз на пять лет. Максимальный срок его действия, в итоге, может составлять 15 лет (ст. 6 Закона РТ «О промышленных образцах»).

Как видим, специальное законодательство исключает бессрочное действие исключительных прав.

К числу квалифицирующих признаков исключительных прав относится их имущественный характер. Данный признак находит прямое выражение в п.2 ст. 136 Гражданского кодекса РТ, где результаты интеллектуальной деятельности и права на них входят в разряд имущественных благ и прав. Дополнительно к этому в ст. 1241 Гражданского кодекса РТ раскрывается содержание имущественных прав интеллектуальной собственности через их экономическую ценность и возможность участия в гражданском обороте.

Анализируя имущественный характер исключительных прав в контексте исключительного права на товарный знак, Р.В. Мирбабаева обращает внимание, что товарный знак как объект интеллектуальной собственности сохраняет самостоятельную экономическую ценность независимо от перехода права собственности на конкретный товар¹.

«Имущественный характер исключительного права, - пишет М.В. Волынкина, - означает, что оно обладает свойствами имущества, а потому дает основания считать, что это право может быть абстрагировано от личности его носителя и обрести тот характер «циркуляции», который свойственен всем субъективным имущественным правам»². На наш взгляд,

¹ См.: Мирбабаева Р.В. Правовое регулирование приобретения, использования и защиты права на товарный знак в Республике Таджикистан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 2012. – С. 9.

² Волынкина М.В. Концепция исключительных прав и понятие интеллектуальной собственности в гражданском праве // Журнал российского права. - 2007. - № 6. – С. 34.

данное высказывание весьма точно отражает суть имущественного аспекта исключительных прав с учётом специфики его объекта.

Имущественный характер исключительных прав признаётся в правовой доктрине неоспоримым фактом и сомнению не подвергается. Научные дискуссии вызывает другой вопрос – определение места исключительных прав в системе имущественных прав и то, как они укладываются в рамки классической дихотомии «вещные права – обязательственные права». Историческое развитие интеллектуального права свидетельствует о том, что в ходе эволюции менялось отношение правовой доктрины и самого права к определению места исключительных прав в системе гражданских прав. Данный вопрос мы подробно рассмотрим в рамках следующего параграфа настоящей главы.

На сегодняшний день наибольшее признание в правовой доктрине получила концепция исключительных прав. Её суть состоит в том, что за исключительными правами признаётся самостоятельная природа, отличная от природы вещных и обязательственных прав. Этот научный подход признан основным и получил закрепление в правовых системах всех развитых стран. Среди учёных преобладает мнение, что исключительные права, хотя и сочетают в себе некоторые черты имущественных и обязательственных прав, тем не менее, занимают самостоятельное место в системе имущественных прав. Описывая современные экономические отношения собственности, Л.В. Сагдеева указывает, что «юридически они могут быть оформлены не только правом собственности, но и системой исключительных прав»¹. В.Ф. Яковлев полагает, что область прав на интеллектуальную собственность образует самостоятельную ветвь гражданского права, существующую наравне с вещным и обязательственным правом².

¹ Сагдеева Л.В. Право на защиту собственности в актах Европейского суда по правам человека. - М.: Статут, 2014. – С. 116.

² См.: Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 2. - М.: Статут, 2012. – С. 230.

Схожую точку зрения высказывает Ю.Н. Андреев, считая, что исключительное право может вполне претендовать на роль подотрасли гражданского права, наряду с вещным, обязательственным, корпоративным, наследственным правом¹. На правовую обособленность права интеллектуальной собственности от традиционных вещного и обязательственного права, по мнению А.Л. Маковского указывают все его ключевые элементы: объекты, субъекты, содержание, пределы, сроки и сфера действия². В подтверждение данного утверждения учёный ссылается на часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, где впервые систематизированы нормы об интеллектуальных правах в едином разделе VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» и где исключительным правам придан статус фундаментальной категории имущественных прав в отношении результатов интеллектуальной деятельности³.

В действующем законодательстве Республики Таджикистан так же, как и в других современных правовых системах, отражён современный подход к регулированию интеллектуальной собственности через реализацию концепции исключительных прав.

Свидетельством этому является чёткое разграничение в Гражданском кодексе Республики Таджикистан традиционного права собственности (главы 21-23) и интеллектуальной собственности (глава 68). В отношении интеллектуальной собственности законодатель устанавливает особые основания возникновения и прекращения права интеллектуальной собственности, специфику его содержания, сроков действия, правовой защиты. В ст. 1239 прямо установлено, что право интеллектуальной собственности не относится к вещным правам и действует независимо от права собственности на материальный носитель.

¹ См. Андреев Ю.Н. Судебная защита исключительных прав: цивилистические аспекты: монография. - М.: Норма, Инфра-М, 2011. – С. 81.

² См.: Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922 - 2006). - М.: Статут, 2010. – С. 599. -736 с.

³ См.: Там же.

Следуя логике современной концепции исключительных прав, Гражданский кодекс Республики Таджикистан признаёт исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности разновидностью интеллектуальных прав, в систему которых кроме них включаются также личные неимущественные права (ст.ст. 1240-1241 Гражданского кодекса РТ). Такой законодательный подход к пониманию имущественной природы исключительных прав является, на наш взгляд, правильным.

Следующим ключевым признаком исключительных прав является их нематериальный объект. В Гражданском кодексе Республики Таджикистан признак нематериального объекта исключительных прав прямо не закреплён, но он подразумевается из смысла п.1 ст. 1239 Гражданского кодекса РТ, где установлено, что право интеллектуальной собственности существует независимо от права собственности или иных вещных прав на материальный носитель. В качестве объекта исключительного права выступает не сам материальный носитель этого права, а нематериальный результат интеллектуального труда, который этот материальный носитель воплощает. Эта особенность исключительных прав, по мнению А.Л. Маковского, предопределяет повышенную их исключительность¹.

Правовое значение данного признака состоит в том, правовая защита исключительных прав не может осуществляться способами, применимыми к вещным правам, то есть через фактическое обладание объектом. Это обусловлено тем, что нематериальная форма объектов исключительных прав позволяет им существовать в неограниченном количестве копий без искажения своего содержания. Кроме того, что они способны воплощаться во множестве материальных предметов, не являющихся единственными, они к тому же ещё, подмечает Э.П. Гаврилов, не перемещаются в пространстве и к ним не применяется принцип вещного права «право следует за вещью»².

¹ См.: Маковский А.Л. Исключительные права и концепция части четвертой Гражданского кодекса // Гражданское право современной России. - М.: Статут, 2008. – С. 136-137.

² См.: Гаврилов Э.П. Предполагаемые изменения российского международного частного права, касающиеся интеллектуальных прав // Патенты и лицензии. - 2012. - № 10. – С.

Поэтому нельзя владеть объектом интеллектуальной собственности как вещью. Это не телесная вещь, ибо как отмечал К.Г. Вехтер, когда речь идёт об исключительном праве на литературное произведение, имеется в виду не отпечатанная бумага, а помещённые в книгу мысли¹.

Такое свойство исключительных прав делает неприемлемым использование вещно-правовых способов защиты гражданских прав и обуславливает необходимость применения специальных мер, широкий перечень которых предусмотрен как в Гражданском кодексе РТ (п.4 ст. 1250), так и в специальном законодательстве об интеллектуальной собственности. Так, например, применительно к товарным знакам специфической мерой защиты является запрет на ввод в гражданский оборот товаров с незаконно нанесённым товарным знаком (ст. 6 Закона РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания»). Указанная мера защищает правообладателя и рынок от контрафактной продукции. Функцию меры защиты выполняет также ст. 27 Закона РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания», где предусмотрено правило о прекращении правовой охраны товарного знака в случае его неиспользования. Она направлена на обеспечение реального использования товарного знака в экономическом обороте.

Точно также в области патентного права способы защиты патентных прав направлены не только на восстановление нарушенных прав патентообладателя, как, например, компенсация морального вреда (ст. 29 Закона РТ «Об изобретениях»), но и на обеспечение общественных и публичных интересов. В частности, Закон РТ «Об изобретениях» располагает такими механизмами, как принудительное лицензирование в интересах национальной безопасности, прекращение правовой охраны за неиспользование изобретения (ст. 28 Закона).

Вся система защиты исключительных прав строится на подходе, что сама интеллектуальная собственность нематериальна и не привязана к

¹ Цит. по: Канторович Я.А. Основные идеи гражданского права. - М., 2009. - С. 351.

конкретному материальному носителю. На это указывают п.п. 6 и 7 ст. 1250 Гражданского кодекса РФ, где подчёркивается, что в случае, если источником нарушения права на интеллектуальную собственность послужили материальные носители, они признаются поддельными, выводятся из оборота и уничтожаются. Сами же интеллектуальные права продолжают сохраняться, потому что их сущность не сводится к праву собственности на материальный носитель, а выражается в наборе правомочий правообладателя, образующих содержание исключительного права.

Режим исключительности имущественных прав, как раз, и используется для того, чтобы нематериальный объект интеллектуальной собственности получил свойство объекта гражданского оборота. В этой связи известно выражение А.М. Маковского о том, что «нельзя продать вдохновение и результаты интеллектуальной собственности не могут быть предметом сделки»¹. Но именно режим исключительных прав наделяет вдохновение товарными свойствами и позволяет использовать его в коммерческом обороте.

К числу признаков исключительных прав, указывающих на их ограниченный характер, относится также признак территориальности. Другим его известным названием является юрисдикционная привязанность. Суть этого признака состоит в том, что действие интеллектуальных прав ограничено территорией того государства, где они зарегистрированы и где они признаны. То есть территориальный предел исключительного права составляет территория государства, «компетентный орган которого выдал охраненный документ, удостоверяющий исключительное право»².

Однако обусловленная территориальным характером ограниченность исключительного права вовсе не означает, что само право ограничено по объёму. Ограниченность здесь проявляется в территориальной привязке

¹ Маковский А.Л. Исключительные права и концепция части четвертой Гражданского кодекса // Гражданское право современной России. - М.: Статут, 2008. - С. 123.

² Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: (постатейный) / Э. П. Гаврилов, В. И. Еременко. - Москва: Экзамен, 2009. - - С. 187.

исключительного права. Права на изобретение, права на товарные знаки, авторские права, «возникшее в одном государстве, в принципе действительно лишь в его пределах»¹, и не имеет действия за пределами его юрисдикции². Для его возникновения в других государствах необходимо его признание на территории этих государств с учётом специфики их национальных законодательств.

Широко признаётся, что территориальный характер исключительных прав в существенной мере обусловлен государственными интересами, так как государство заинтересовано в едином охранном документе для регулирования монополий в сфере интеллектуальной собственности, имущественного оборота исключительных прав и правового обеспечения их защиты³. Государство заинтересовано в ограничении действия иностранных патентов и лицензий в рамках своей юрисдикции, на тот случай, если их свободный имущественный оборот способен нанести ущерб национальной экономике. В этом плане территориальные ограничения действия исключительных прав дают государству возможность управлять процессами создания и коммерциализации интеллектуальной собственности. К примеру, в отношении одной сферы интеллектуальной собственности могут устанавливаться специальные требования к лицензированию, к другой, напротив, применяться стимулирующие механизмы, провоцирующие их развитие.

Интеллектуальная собственность, однако, часто становится объектом трансграничного использования в современных условиях глобализации и развитии международного коммерческого оборота. В этой связи реализация исключительных прав за пределами национальных границ обеспечивается международными договорами, которые, как указывается в юридической литературе, позволяют в некотором роде преодолеть имеющиеся

¹ Богуславский М.М. Основные вопросы изобретательства в международном частном праве. - М., 1960. - С. 10.

² См.: Лунц Л.А. Курс международного частного права: В 3 т. - М., 2002. - С. 664.

³ См.: Пирогова В.В. Исчерпание исключительных прав и параллельный импорт. - М.: Статут, 2008. – С. 27.

территориальные ограничения и расширить их действие за пределами одного государства¹. Так, например, мадридская система, включающая ряд международных договоров (Мадридское соглашение о международной регистрации знаков от 1891 года и Протокол к нему от 1989 года, Договор о патентной кооперации от 1970 года, Гаагское соглашение о международной регистрации промышленных образцов от 1925 года), позволяет подавать заявку на регистрацию товарного знака, действующую сразу в нескольких странах.

В сфере авторского права одним из основных международных соглашений является Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений от 1886 года. Согласно её положениям, чтобы авторы получили автоматическую защиту своих произведений во всех странах-участниках конвенции, для этого не требуется отдельная регистрация. Другой международный документ – Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) от 1994 года – предписывает минимальные единые обязательные правила защиты интеллектуальной собственности для всех стран-членов ВТО.

Однако хотя международные договоры и создают механизмы, упрощающие процесс регистрации исключительных прав, они не отменяют сам территориальный принцип их действия и исключительные права не приобретают автоматически международный характер.

Продолжая исследование признаков исключительных прав, стоит обратить внимание на то, что в ряде случаев к числу таких признаков относят государственную регистрацию исключительных прав². Формулируя свою

¹ См., напр.: Проблемы унификации международного частного права: монография / Н.В. Власова, Н.Г. Доронина, Т.П. Лазарева и др.; отв. ред. А.Л. Маковский, И.О. Хлестова. М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2012. – С. 356; Трахтенгерц Л.А. Комментарий к международным договорам в области охраны интеллектуальной собственности. Охрана интеллектуальной собственности в России. Сборник законов, международных договоров, правил Роспатента с комментариями / отв. ред. Л.А. Трахтенгерц, науч. ред. В.М. Жуйков. - М.: КОНТРАКТ, 2005. – С. 620.

² См.: Методические рекомендации по отнесению архивных документов к объектам авторского и смежных прав, доступу и порядку использования таких документов (разработаны Всероссийским научно-исследовательским институтом документоведения и архивного дела (ВНИИДАД)) //

позицию по этому вопросу, в первую очередь, признаем, что для большинства объектов интеллектуальной собственности, государственная регистрация, действительно, является регламентированной процедурой. Речь идёт об исключительных правах на товарный знак, (ст. 4 Закона РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания»), изобретение (ст. 4 Закона РТ «Об изобретениях»), промышленный образец (ст. 6 Закона РТ «О промышленных образцах»).

Но является ли государственная регистрация признаком исключительного права? Под признаком того или иного явления принято понимать наличие или отсутствие у него определённого свойства¹. Причём существенным признаком считается тот признак, с исключением которого уничтожается само это явление². Признак внутренне присущ правовому явлению и без него правовое явление не укладывается в рамки своего определения. При таком понимании категории признака, вряд ли государственную регистрацию можно отнести к числу характерных черт исключительного права. Ведь будучи процедурой, предназначенной для юридического оформления исключительного права, государственная регистрация выступает в роли правового инструмента, обеспечивающего признание и охрану исключительного права. То есть она является обстоятельством, от которого зависит появление, признание и охрана исключительного права. Но саму суть исключительного права государственная регистрация не определяет.

К тому же о государственной регистрации нельзя говорить как о признаке исключительных прав ещё и потому, что обязанность соблюдения данного требования законодательно предусмотрена не в отношении всех результатов интеллектуальной деятельности. В частности, в основе авторского права лежит факт создания произведения, и его возникновение и

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_299006/dd79b0e2c0c9e31d6a78aabcb6e6eb2ddfa2f447/
(Дата обращения: 04.03.2025).

¹ См.: Ивлев Ю.В. Логика для юристов: учебник для вузов. - М.: Дело, 2000. - С. 133.

² См.: Трубецкой Е.И. Труды по философии права. - СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. С. - 519–520.

осуществление не обусловлены государственной регистрацией (ст. 9 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах»). Такое же правило закреплено в отношении смежных с авторскими правами прав (ст. 33 Закона).

В этой связи государственная регистрация, скорее, является условием, определяющим, когда и при каких обстоятельствах возникает, признаётся и охраняется исключительное право, но не свойством (признаком) данного правового явления.

Подтверждением этого вывода являются положения ст. 32 Закона РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания», в соответствии с которыми юридическое оформление в Патентном ведомстве является обязательным условием не только возникновения исключительных прав на товарный знак, но и факта его уступки, а также предоставления на временное использование по лицензионным договорам. При отсутствии соответствующей государственной регистрации договоры, определяющие условия распоряжения исключительным правом на товарный знак и передачу его на временное пользование, признаются недействительными.

То есть здесь государственная регистрация играет роль правового инструмента, обеспечивающего удостоверение фактов распоряжения исключительным правом, но не как его внутренней характеристикой. Аналогичные нормы предусмотрены в Законе РТ «Об изобретениях» в контексте договоров об уступки прав на патент и лицензионные договоры на предоставление права на использование изобретения (ст. 26, 27 Закона).

Вышеизложенное в настоящем параграфе позволяет сделать вывод, что исключительные права представляют собой разновидность имущественных прав, которые занимают самостоятельное место в системе субъективных гражданских прав наравне с вещными и обязательственными правами. Будучи составной частью системы имущественных гражданских прав, исключительные права одновременно являются структурным элементом интеллектуальных прав и характеризуются рядом устойчивых признаков, к числу которых относятся: 1) исключительный характер; 2) абсолютный

характер; 3) срочный характер; 4) имущественный характер; 5) нематериальная природа объекта исключительных прав; 6) территориальные рамки действия.

В совокупности своей эти признаки формирует более глубокое понимание о сущности исключительных прав как самостоятельной категории в системе субъективных гражданских прав.

1.2 Исключительные права в системе интеллектуальной собственности: анализ теории и законодательства

Понятие исключительного права находится в тесной взаимосвязи с понятием интеллектуальной собственности, которое объединяет собой все результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. В рамках предмета нашего исследования понимание этой связи имеет важное значение, поэтому настоящий параграф будет посвящен вопросу соотношения этих понятий.

В первую очередь, следует отметить, что объяснением сближения этих понятий является тот факт, что исторически правовая доктрина описывала сущность исключительного права через призму классических представлений о праве собственности. Термин «интеллектуальная собственность» возник как следствие отождествления результатов интеллектуального труда с правом собственности, так как до половины XIX века было доминирующим мнение, что любой человеческий труд, в том числе интеллектуальный труд, является собственностью, включая собственность на нематериальные (бестелесные) объекты¹.

Изначально появилась проприетарная (вещная) концепция, в силу которой исключительные права относились к разряду вещных прав. Зарождение этой концепции берёт своё начало в XVIII веке в

¹ См.: Андреев Ю.Н. Судебная защита исключительных прав: цивилистические аспекты: монография. М.: Норма, Инфра-М, - 2011. – С. 62.

законодательстве Франции, где были приняты законодательные акты (Декрет от 31 декабря 1790 года «О патентах и изобретениях» и Закон от 19 июля 1793 года «Об авторских правах на литературные и художественные произведения»), в которых авторские и патентные права отождествлялись с правом собственности на вещь¹. В пользу отнесения исключительных прав к вещным правам сторонники данного подхода называли качестве главного аргумента то обстоятельство, что исключительные права, как всякие вещные права обеспечивают своего правообладателя абсолютной защитой от посягательств всех иных лиц. Исключительное право расценивалось как форма собственности, дающая правообладателю контроль над плодом его интеллектуального труда.

Французские философы-просветители Ж.-Ж. Руссо, Ф.-М. Аруэ Вольтер, Дж. Локк, Д. Дидро придали теории вещного права новое направление, развив теорию естественного права. Согласно этой теории, исключительные права признавались естественной собственностью автора. Право собственности на созданный результат интеллектуальной труда принадлежит не издателю, не промышленнику, не торговцу, а автору. И именно автор как собственник вправе получить материальное вознаграждение². Из русских учёных о сходстве результатов умственного труда с традиционной собственностью писал П.П. Цитович, используя выражение «собственности на произведения ума»³.

Г.Ф. Шершеневич в ранних своих работах также поддерживал вещную концепцию, отмечая что «исключительное право занимает место в системе прав в отделе прав абсолютных, рядом с вещными правами..., поскольку как вещное право является юридической возможностью пользоваться материальными вещами с устранением всех прочих от пользования теми же

¹ См.: Семиволкова Анастасия Михайловна Предметная сфера действия законодательства Франции XVIII–XIX вв. Об авторском праве // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. - 2013. - №2. – - С. 158.

² См.: Мозолин В.П. О концепции интеллектуальных прав // Журнал российского права. – 2007. - № 12. – С. 100.

³ См.: Цитович П. П. К учению о способах приобретения права собственности по русскому праву. - С.-Петербург: типография - М. Хана, 1870. - 103 с. // <https://base.garant.ru/6702157/> (Дата обращения: 02.03.2024).

объектами, так и исключительное право представляет юридическую возможность совершения известного рода действий с устранением всех прочих от подражания»¹.

Вещная концепция нашла своё отражение и в Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 года. С учётом специфики предмета своего правового регулирования Конвенция формулирует понятие промышленной собственности, понимая под ним сами объекты интеллектуального труда, а не исключительные права на них. Перечень таких объектов даётся в п.2 ст. 1 Конвенции. В него, в частности, входят патенты на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования и указания происхождения или наименования места происхождения, а также пресечение недобросовестной конкуренции.

Анализ вещной концепции показывает, что в контексте истории права интеллектуальная собственность рассматривалась как продолжение концепции права собственности, но в области нематериальных объектов. То есть имела место попытка переноса классической модели собственности на нематериальные объекты, которая, как считалась, способна «максимально защитить интеллектуальные права»².

Восприятие исключительных прав как обладающих «вещной природой» вызвано тем, что им присущ ряд свойств, характерных для вещных прав. Речь идёт о таких свойствах, как абсолютный характер, возможность распоряжаться объектом интеллектуальной собственности, способность переходить по наследству, оборотоспособность. К тому же лексика, используемая в нормативных правовых актах и в правовой доктрине при описании содержания исключительных прав, схожа с лексиконом вещных прав. В частности, исключительные права «принадлежат», «передаются»,

¹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. - М., 1995. - С. 254.

² Маковский А.Л. Исключительные права и концепция части четвертой Гражданского кодекса // Гражданское право современной России / Сост. О.М. Козырь, А.Л. Маковский. - М., 2008. - С. 109.

«приобретается», «нарушаются третьими лицами». Такое сходство, по мнению Г.Ф. Шершеневича, явилось юридико-техническим фактором, обусловившим использование достижений вещных прав в интеллектуальном праве¹. Всё это дало импульс для порождения иллюзии, что исключительное право и есть интеллектуальная собственность.

И действительно, при ближайшем рассмотрении данных понятий становится очевидным, что отождествление этих понятий является не более чем правовой иллюзией, вызванной влиянием вещно-правового подхода, воспринятого из традиционного частного права. В последующем развитии интеллектуального права осознание этой иллюзорности явилось началом формирования новых научных подходов, ориентированных на преодоление устаревшей концепции. Так, уже в конце XIX века вещная концепция стала подвергаться критике. Стало очевидным, что полноценная защита интеллектуальной собственности требует специальные правовые инструменты, учитывающие уникальность нематериальных объектов. В науке гражданского права всё больше стали говорить о том, что исключительные права не соответствуют традиционным представлениям о вещных правах. Всё больше стало появляться аргументов в пользу несостоятельности такого сравнения. Сам Г.Ф. Шершеневич пересмотрел свою точку зрения, проведя разграничение исключительных и вещных прав на том основании, что объекты исключительных прав не имеют характер материальных вещей, как это имеет место быть применительно к вещным правам. Учёный обратил внимание также на то отличие, что в рамках обязательственных прав от должника требуется совершение определённых положительных действий, исключительные же права ориентированы на воздержание от подобных действий². В результате своих научных поисков учёный стал сторонником смешанного подхода и утверждал, что исключительные права сочетают в себе элементы вещных и

¹ См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М.: Юрайт, 2018. - С. 368. – 532 с.

² См.: Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. - С. 71 - 73.

обязательственных прав и занимают промежуточное положение между ними¹.

В конце XIX - начале XX веков на смену проприетарной концепции пришла компромиссная (смешанная) концепция исключительных прав. Её суть состоит в том, что за исключительными правами признаётся самостоятельная природа, отличная от природы вещных и обязательственных прав. В рамках этого подхода единое субъективное право интеллектуальной собственности является сочетанием двух видов независимых друг от друга субъективных гражданских прав – личные неимущественные, неотделимые от личности автора, и основанные на законе имущественные права, получившие название исключительных прав².

Этот подход нашёл закрепление в ряде международных правовых актов в области интеллектуальных прав, где термин «интеллектуальная собственность» применяется в качестве обобщающего обозначения прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Этот вывод прямо подтверждается положениями Стокгольмской конвенции об учреждении Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) 1967 года, в ст. 2 которой указывается, что понятие интеллектуальной собственности характеризуют не сами результаты интеллектуальной деятельности как объекты, а совокупность прав, относящихся к интеллектуальной деятельности.

Аналогичным образом Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) 1994 года под термином «интеллектуальная собственность» понимает все категории прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, в числе которых называются авторское право и смежные права, права на

¹ Там же.

² См.: Мозолин В.П. О концепции интеллектуальных прав // Журнал российского права. – 2007. - № 12. – С. 101.

товарные знаки, географические указания, промышленные образцы, патенты, топологии (топографии) интегральных микросхем, закрытая информация.

В этом вопросе мы не можем согласиться с Д.А. Сидиковым, который полагает, что в Соглашении ТРИПС термин «интеллектуальная собственность» используется в значении результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, а не прав на эти объекты¹. Тот довод, который приводит автор, что выражение «права интеллектуальной собственности», используемое в названии Соглашения и в его тексте, само по себе исключает понимание интеллектуальной собственности как совокупности прав, является необоснованным². Кажущаяся на первый взгляд тавтология, о которой говорит Д.А. Сидиков, является не чем иным, как издержкой перевода. Предметом регулирования в самих же разделах 1-7 ч.II, на которые имеется отсылка в п.2 ст. 1 Соглашения, являются не объекты интеллектуальной собственности, а права и обязанности государства в части обеспечения их охраны. Вывод, что термин «интеллектуальная собственность» обозначает не сами результаты интеллектуального труда, а права на них, дополнительно подтверждается официальными разъяснениями Апелляционного органа ВТО относительно текста Соглашения ТРИПС³.

Таким образом, можно утверждать, что в международных правовых актах получила отражение современная концепция исключительных прав и термин «интеллектуальная собственность» закрепился в значении комплекса прав на результаты интеллектуальной деятельности, а не самих объектов интеллектуального труда.

Говоря о таком международном регулировании, следует иметь в виду, что международные нормы лишь призваны устанавливать общие принципы в

¹ См.: Сидиков Д.А. Право интеллектуальной собственности в Республике Таджикистан. ч. 1 // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2023. - №10. – С. 74.

² См.: Сидиков Д.А. Указ.соч. – С. 75.

³ См.: Перечень отчетов апелляционных органов по Соглашению ТРИПС // https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/repertory_e/t9_e.htm?utm_source=chatgpt.com#T.9.1 (Дата обращения: 12.06.2025).

сфере интеллектуальных прав. Они лишь задают рамки правового регулирования. Конкретизация и интерпретация же соответствующих понятий оставлены на усмотрение национальных правовых систем. Поэтому окончательное решение относительно подходов к терминологическому пониманию интеллектуальной собственности и исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности во многом определяется спецификой правовой системы и зависит от общей концепции гражданско-правового регулирования интеллектуальных прав, сложившейся в той или иной национальной юрисдикции.

Что касается регулирования этого вопроса в Гражданском кодексе Республики Таджикистан, то в его основе лежит концепция исключительных прав и в его нормах чётко разграничивается традиционное право собственности (главы 21-23) и интеллектуальная собственность (глава 68).

Вместе с тем, несмотря на такое разграничение, более глубокий анализ его норм позволяет обнаружить внутреннее расхождение в подходах к определению понятия «интеллектуальная собственность». Так, в п. 2 ст. 136 Гражданского кодекса РТ термин «интеллектуальная собственность» используется законодателем как скобочная конструкция, по видимому, с целью показать, что данное понятие не является отдельным объектом гражданского права само по себе, а представляет собой универсальное обозначение для такой группы объектов гражданских прав, как охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. Данный термин имеет собирательное значение и выполняет систематизирующую функцию, объединяя под собой все возможные результаты интеллектуальной деятельности, как объекты интеллектуальных прав.

Вместе с тем, п.1 ст. 1235 Гражданского кодекса РТ уже придаёт понятию интеллектуальной собственности иное содержание. В контексте данной нормы интеллектуальная собственность – это уже не сами результаты интеллектуальной деятельности, а совокупность интеллектуальных прав,

включающая также исключительные права. Наблюдается противоречие между двумя нормами: ст. 136 Гражданского кодекса РТ упоминает об интеллектуальной собственности в значении объекта гражданских прав, а ст. 123 Гражданского кодекса РТ – в значении права на эти объекты. Такое расхождение указывает на противоречие между общей и специальной частью Гражданского кодекса РТ в части определения нормативно-понятийного аппарата.

Подобная нормативная несогласованность в отношении рассматриваемого понятия наблюдается и в других статьях Гражданского кодекса РТ. Так, из смысла ст. ст. 1236 и 1237 Гражданского кодекса РТ вытекает, что понятием интеллектуальной собственности охватывается совокупность результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации как охраняемых объектов. Однако в ст. 1238 Гражданского кодекса РТ об интеллектуальной собственности говорится уже с точки зрения совокупности имущественных и неимущественных на охраняемые объекты. То есть здесь наблюдается такая же несогласованность, какая присутствует в ст.ст. 136 и 1235 Гражданского кодекса РТ.

На наш взгляд, такие внутренние противоречия норм Гражданского кодекса РТ с точки зрения юридической техники и системности законодательства нарушают понятийную целостность гражданского законодательства и вступает в противоречие с современной международной практикой в сфере интеллектуальной собственности, устанавливающей ясное разграничение между объектами интеллектуальной собственности и субъективными правами на эти объекты.

Анализ нормативной базы и сформировавшихся научных взглядов по этому вопросу привели нас к определённым выводам о природе понятий «интеллектуальная собственность» и «исключительные права», с которыми мы хотим поделиться в настоящем параграфе.

Начнём с понятия «интеллектуальная собственность». На наш взгляд, раскрытие данной дефиниции через перечисление субъективных

гражданских прав, составляющих её содержание, как это делает законодатель в ст. 1235 Гражданского кодекса РФ, является в корне неверным. Классическое представление о собственности формируется через отношения по поводу присвоения материальных благ. Говоря словами К. Маркса, собственность – это «присвоение индивидом или коллективом средств и продуктов производства»¹. Это суть отношения лица к материальным благам как к своим, принадлежащим ему, и, отношения всех других лиц к этим благам как к чужим, не принадлежащим им².

Структура этого отношения включает две составные части: отношение собственника к присвоенному конкретному материальному благу как к своему и отношение всех иных лиц к этому материальному благу как к чужому³. Как подчёркивает в своих трудах Н.Н. Алексеев, собственность представляет собой такое отношение между людьми, при котором праву собственника на господство и распоряжение над предметами соответствует универсальная обязанность других людей терпеть власть собственника и не вмешиваться в её проявление»⁴.

Исходя из этого, интеллектуальная собственность, как и любая другая собственность, основана на разделении результатов интеллектуальной деятельности на «свои» и «чужие». Её суть определяет отношение юридического господства конкретного лица (правообладателя) над определённым творческим продуктом, исключающего возможность всех иных лиц использовать это благо без согласия правообладателя.

В этой связи сведение интеллектуальной собственности к набору имущественных и личных неимущественных прав, как это делает законодатель в ст. 1235 Гражданского кодекса РФ, игнорирует правовую природу этого понятия как отношения. Законодатель подменяет понятие

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1954. Т. 46. – С. 23 – 24.

² Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. – С. 479.

³ См.: Комаров В.А. Конституционно-правовые аспекты собственности // Законодательство и экономика. – 2006. – №6. – С. 23.

⁴ См.: Алексеев Н.Н. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. – Париж, 1926. – С. 18.

интеллектуальной собственности понятием «интеллектуальные права». Вместе с тем, интеллектуальные права, охватывающие собой и исключительные права, и личные неимущественные права, составляют содержание права интеллектуальной собственности, но не саму интеллектуальную собственность.

Некорректность формулировки понятия интеллектуальной собственности, раскрываемой в ст. 1235 Гражданского кодекса РФ, заключается ещё и в том, что законодатель включает в это понятие наряду с исключительными правами также личные неимущественные права. Однако, категория собственности, как известно, является плоскостью только имущественных отношений, имеющих экономическую природу, ибо складываются по поводу отдельной вещи или иного вида имущества. По смыслу ст. 136 Гражданского кодекса РФ к категории имущества относятся только исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности. Что касается таких личных неимущественных прав, как право на авторство, право на неприкосновенность произведения, то они включены законодателем в число личных неимущественных благ и прав. В силу своей разнородной правовой природы эти две группы интеллектуальных прав имеют разный правовой режим и регулируются различными нормами права. В частности, имущественные (исключительные) права характеризуются свойством оборотоспособности, срочностью действия и возможностью отчуждения. В свою очередь, личные неимущественные интеллектуальные права, хотя и принадлежат создателю интеллектуального продукта без всяких условий, они не являются отношением собственности. Они не могут быть отчуждены, переданы по договору и не имеют свойство оборотоспособности. В виду этого, думается, следует согласиться с В.А. Дозорцевым, что признание личных нематериальных благ в качестве элемента содержания

права интеллектуальной собственности является теоретически необоснованным¹.

В случае же исключения личных неимущественных прав из определения интеллектуальной собственности оно потеряет полноту своей исходной конструкции, и мы получим фактическое отождествление понятий «интеллектуальная собственность» и «исключительные права». В этой связи мы согласны с мнением В.А. Дозорцева о том, что в актах гражданского права во избежание недоразумений лучше избегать употребление этого термина².

Этим мы хотим сказать, что понятие «интеллектуальная собственность», раскрываемое в ч.1 ст. 1235 Гражданского кодекса РТ, является теоретически непродуманным, в связи с чем предлагаем пересмотреть его, приведя в соответствие с подходом, заложенным в п.2 ст. 136 Гражданского кодекса РТ. Речь идёт об использовании термина «интеллектуальная собственность» в качестве общего условного обозначения всей совокупности результатов интеллектуальной деятельности, включая средства индивидуализации и иные приравненные к ним объекты. Данный подход пользуется значительным признанием в научной среде³ и мы полностью к нему присоединяемся. Заметим, что в Гражданском кодексе Российской Федерации данный термин используется в таком же собирательном значении (ст. 128, п.1 ст. 1225 ГК РФ).

В нашем понимании интеллектуальная собственность – это система охраняемых интеллектуальных объектов, к которым применяются единые принципы правового регулирования. И тот факт, что это понятие является собирательным, предопределяет невозможность рассматривать его в качестве

¹ См.: Дозорцев В.А. Опубликование материалов, не охраняемых авторским правом // Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сборник статей. Исследовательский центр частного права, 2003. М.: Статут, 2003. - С. 193.

² Дозорцев В.А. Указ.соч. – С. 220.

³ См.,: Право интеллектуальной собственности: актуальные проблемы: монография / С.М. Михайлов, Е.А. Моргунова, А.А. Рябов и др.; под общ. ред. Е.А. Моргуновой. - М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014. – С. 85; Сидиков Д.А. Право интеллектуальной собственности в Республике Таджикистан. ч. 1 // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2023. - №10. – С. 76.

самостоятельного объекта гражданских прав. Ведь назначение всякого собирательного понятия сводится только к терминологическому упрощению. Собирательное понятие не является самостоятельной правовой конструкцией, а значит, не существует как самостоятельный объект правового регулирования.

По этой причине в правовой доктрине нередко подвергается сомнению статус данного понятия как самостоятельной правовой категории. Так, например, В.А. Дозорцев полагает, что термин «интеллектуальная собственность», скорее, является литературным образом, нежели юридической формулой¹. Вслед за ним И.А. Зенин полагает, что термин «интеллектуальная собственность» используется в качестве приёма юридической техники, направленного на упрощение обозначения понятия «исключительное интеллектуальное право», чтобы избежать излишней сложности². С.А. Чернышева присоединяется к этому мнению³.

Интеллектуальная собственность не может быть объектом гражданских прав, потому что, будучи собирательным понятием, оно не является самостоятельным благом. Таковыми выступают конкретные результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации и приравненные к ним объекты, которые образуют содержание обобщающего понятия интеллектуальной собственности. Их особенность как объектов гражданского права состоит в том, что они представляют собой интеллектуальный, научный или творческий продукт, имеющий духовную и материальную ценность⁴. Результаты интеллектуального труда – это идеи, композиции, художественные образы, мысли, информация. В силу своей нематериальной природе они сами по себе без специальных правовых механизмов не могут участвовать в гражданском обороте. В гражданском

¹ См.: Дозорцев В.А. Права на результаты интеллектуальной деятельности // Авторское право. Патентное право: Сб. нормативных актов. - М.: Де-Юре, 1994. – С. 21.

² См.: Зенин И.А. Право интеллектуальной собственности. - М., 2012. – С. 18.

³ См.: Чернышева С.А. Авторский договор в гражданском праве России. - М.: Гардарики, 1996. – С. 27.

⁴ См.: Право интеллектуальной собственности: актуальные проблемы: монография / С.М. Михайлов, Е.А. Моргунова, А.А. Рябов и др.; под общ. ред. Е.А. Моргуновой. - М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014. – С. 85.

обороте они проявляются в определённой форме¹. Таковым правовым механизмом является правовая конструкция исключительных прав. В силу нематериального характера результатов интеллектуальной деятельности, их правовая охрана и возможность участия в гражданском обороте обеспечиваются через механизм исключительных прав. Исключительные права выполняют функцию правового инструмента, способствующего вовлечению результатов интеллектуальной деятельности в гражданский оборот и позволяющего правообладателю извлекать выгоду из своей интеллектуальной собственности путём коммерческого её использования. Это происходит благодаря тому, что законодатель наделяет исключительные права свойствами самостоятельного объекта гражданских прав, которые, являясь имущественными правами, имеют экономическую ценность, могут отчуждаться, передаваться и иным образом проявлять свою оборотоспособность.

Обращая внимание на такую выполняемую функцию исключительных прав, В.А. Дозорцев правильно подмечает, что их роль проявляется «возможности отделения интеллектуального продукта от его материального носителя и самостоятельного использования в массовом масштабе»². И действительно, необоротоспособность результата интеллектуальной деятельности компенсируется оборотоспособностью исключительного права. И современное развитие экономических отношений наглядно демонстрирует, что конструкция исключительных прав успешно выполняет эту функцию. Настолько успешно, что сегодня широкое употребление получило понятие «рынок исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации», под которым понимается «сфера формирования спроса и предложения на исключительные права на признаваемые и охраняемые интеллектуальные продукты, в которой они

¹ См.: Меликов У.А. Правовое регулирование предпринимательской деятельности при создании и распространении средств массовой информации. – Душанбе, 2011. – С. 27.

² См.: Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задача кодификации: Сб. статей. – М.: Статут, 2003. – С. 112.

обращаются в качестве товара на основе свободного выбора и равноценного обмена»¹.

Однако придание исключительным правам правового статуса объектов гражданских прав вовсе не отменяет тот факт, что сами результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним объекты сохраняют своё значение самостоятельного объекта гражданских прав. Это подтверждается тем обстоятельством, что передача исключительных прав на результат интеллектуальной деятельности (например, на литературное произведение) не устраняет сам факт существования этого литерного произведения как объекта интеллектуальной собственности и как объекта гражданских прав. В случае публикации нового тиража экземпляров произведения, новый обладатель исключительных прав на него не создаёт новое литературное произведение, а распоряжается уже существующим результатом интеллектуальной деятельности. К тому же, такие действия не изменяют авторские права на литературное произведение, которые в силу их нематериальной природы продолжают существовать как самостоятельные объекты гражданских прав и сохраняются за автором произведения.

Или приведём ещё один аргумент. После истечения срока действия исключительного права на интеллектуальный продукт автоматически прекращается существование исключительного права как объекта гражданских прав. Однако сам интеллектуальный продукт при этом продолжает существовать в этом качестве. Переходя в общественное достояние, он продолжает оставаться объектом гражданского права. Он может быть, в частности, предметом публичного использования (например, публикации), предметом переработки (например, экранизации). Всё это наглядно демонстрирует, что результат интеллектуальной деятельности и

¹ См.: Корчагин А. Вовлечение в гражданский оборот результатов интеллектуальной деятельности как основа новой экономической стратегии России // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. - 2005. - № 7. - С. 5.

исключительные права на него, несмотря на тесную связь, существуют автономно в системе объектов гражданских прав.

Тем самым, мы хотим подвести к тому, что в нашем понимании сфера интеллектуального права предусматривает два уровня объектов гражданских прав, характеризующихся разной правовой природой. Первая группа объектов представлена результатами интеллектуального труда. Весь их набор охватывается собирательным понятием «интеллектуальная собственность». Вторую группу объектов гражданских прав составляют интеллектуальные права, которые включают исключительные права на результаты интеллектуального труда и личные неимущественные права.

Эти две группы объектов гражданских прав соотносятся между собой как объект правовой охраны и средство правового обеспечения такой охраны. При этом объектом правовой охраны выступает результат интеллектуальной деятельности, а правовым средством такой охраны являются сами интеллектуальные права.

Таким образом, наш подход к пониманию терминов «интеллектуальная собственность» и «исключительные права» основан на том выводе, что первое понятие охватывает собой комплекс результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним объектов, подлежащих правовой охране, тогда как исключительные права представляет собой форму субъективного имущественного права, возникающего по поводу этих результатов. Думается, такое разграничение этих двух категорий укладывается в рамки принципа Оккама¹, о котором упоминает Е.Н. Шахов², и раскрывает внутреннюю системную связь между этими понятиями.

С учётом такого теоретического обоснования обозначенной проблемы и на основании проведённого анализа действующего гражданского

¹ Принцип Оккама (брита Оккама) – это философский принцип, который гласит, что не следует умножать сущности без необходимости. Из всех возможных объяснений какого-либо явления следует выбирать самое простое, которое не вводит лишних предположений. Иными словами, этот принцип призывает к простоте и экономии в объяснениях, избегая излишней сложности.

² См.: Шахов Е.Н. Интеллектуальная собственность и исключительные права: соотношение понятий // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Выпуск 46. – 2009. – С. 28.

законодательства видим целесообразным предложить следующие меры по устранению выявленных выше нормативных коллизий, имеющих место в Гражданском кодексе РТ:

1. в целях достижения согласованности в употреблении терминов, считаем необходимым унифицировать понятие интеллектуальной собственности, закрепив в ст. 1235 Гражданского кодекса РТ определение интеллектуальной собственности как совокупности охраняемых объектов, тем самым, приводя его в соответствие с подходом, заложенным в п.2 ст. 136 Гражданского кодекса РТ.

2. предлагаем закрепить в главе 68 Гражданского кодекса РТ обобщающее определение понятия «интеллектуальные права», охватывающее собой исключительные права, личные неимущественные права, а также иные предусмотренные законом интеллектуальные права.

3. видим целесообразным разграничить в тексте Гражданского кодекса РТ на понятийном уровне употребление терминов «интеллектуальная собственность» как обобщающего обозначения объектов правовой охраны (результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации) и «интеллектуальные права» как совокупности правомочий, возникающих у правообладателя в отношении этих объектов.

ГЛАВА 2. ОГРАНИЧЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ И ИХ ВИДЫ

2.1 Научные подходы к разграничению пределов и ограничений

субъективных прав и их значение для правового режима

исключительных прав

Осуществление всякого субъективного гражданского права имеет пределы и ограничения, ибо беспредельных и неограниченных прав не существует. Не являются исключением исключительные права, которые, как пишет В.И. Еременко, казалось бы, определены в Гражданском кодексе в необъятной форме, но эта кажущаяся необъятность обременена определёнными пределами и многочисленными ограничениями, наглядно демонстрирующими, что исключительное право отнюдь не является абсолютно свободным¹.

Границы, отмечал в своих работах В.П. Грибанов, являются неотъемлемым свойством всякого субъективного права, «ибо при их отсутствии право превращается в свою противоположность – в произвол и, тем самым, вообще перестает быть правом»². Свобода, не имеющая границ, не есть свобода, а представляет собой «полное её отрицание, ведущее к полной несвободе»³. С помощью установления таких ограничений сглаживаются существующие противоречия между частными и общественными интересами, - отмечает Р. Тельгарин⁴. То есть свобода в праве традиционно рассматривается в том же значении, в каком она определяется в философии – как производная от ограничений: правообладатель свободен в осуществлении своих прав лишь постольку,

¹ См.: Еременко В.И. О пределах и ограничениях исключительного права на произведения науки, литературы и искусства // Законодательство и экономика. - 2011.- № 1. – С. 14.

² Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав // Осуществление и защита гражданских прав. - М.: Статут, 2001. - С. 22.

³ См.: Забоев К.И. Принцип свободы договора в Российском гражданском праве. Автореф. дис. на соискание уч. степени канд.юр.наук. – Екатеринбург, 2002. – С. 4, 18.

⁴ См.: Тельгарин Р. О свободе заключения гражданско-правовых договоров в сфере предпринимательства // Российская юстиция. – 1997. – № 10. – С. 13.

поскольку соблюдает установленные пределы и уважает предусмотренные законом ограничения, ибо, говоря словами И. Г. Фихте, «свобода одного лица ограничивается такой же свободой другого лица и на таком равенстве ограничений основано право¹.

Правовое значение пределов и ограничений субъективного права состоит в том, что они позволяют очертить рамки правомерного поведения и установить ту грань, за которой поведение становится недопустимым. От точности определения границ между допустимым и противоправным поведением зависит механизм осуществления субъективного права, поскольку именно границы действия права указывают на допустимый объём и содержание и формы реализации правомочий.

Этот вывод вытекает из целого ряда норм Гражданского кодекса Республики Таджикистан, устанавливающих допустимые границы осуществления прав с учётом интересов других лиц и публичных интересов. Так, пределам осуществления права посвящена ст. 9 Гражданского кодекса РТ, где устанавливается запрет на злоупотребление правом устанавливаются требования разумности, добросовестности и справедливости при его осуществлении.

Общее правило о юридической допустимости ограничений субъективных прав прямо закреплено в п. 6 ст. 3 Гражданского кодекса РТ. Развитие и конкретизация этой общей нормы находит в других статьях Гражданского кодекса РТ. Так, например, в его ст. 228 говорится о допустимости ограничений в сфере личных неимущественных прав. В ст. 271 Гражданского кодекса РТ предусмотрены ограничения осуществления вещных прав.

Приведённые нормы позволяют сделать вывод, что уже на уровне Гражданского кодекса Республики Таджикистан проводится разграничение между пределами осуществления субъективных прав и их ограничениями.

¹ См.: Забоев К.И. Принцип свободы договора в Российском гражданском праве: автореф. дис. на соискание уч. степени канд.юр.наук. – Екатеринбург, 2002. – С. 4.

Пределы осуществления гражданских прав формулируются через оценочные критерии и через общие положения о запрете злоупотребления правом. В свою очередь, ограничения гражданских прав представляют собой императивно закреплённые изъятия из содержания соответствующих правомочий применительно к отдельным видам гражданских прав, будь то личные или имущественные.

Следуя указанной логике законодателя, мы имеем цель рассмотреть в настоящей главе правовые особенности каждой из этих двух правовых категорий, с учётом той их специфики, которой они обладают в механизме осуществления исключительных прав.

В первую очередь следует отметить, что в правовой доктрине представлены различные подходы по этому вопросу. Первый подход во многом соответствует конструкции, закреплённой в Гражданском кодексе Республики Таджикистан, и опирается на идею двойственной структуры субъективного права, согласно которой субъективное право включает в себя две составляющие – содержание права и осуществление права. Содержание права объективно по своей природе и определяет меру дозволенного поведения. Осуществление права, в свою очередь, – это субъективная категория, связанная с поведением субъекта в рамках дозволенного. Она означает реализацию юридических возможностей.

Исходя из этого, представители первого подхода основывают свою позицию на необходимости разграничения пределов содержания права и пределов осуществления права: первая категория представляет собой совокупность юридических возможностей, входящих в само субъективное право, вторая категория означает конкретные пределы реализации этих возможностей субъектом права. Иными словами, границы содержания права (ограничения) – это то, что субъект, в принципе, может делать по закону, а границы осуществления права (пределы) – это то, что субъект фактически делает и насколько это допустимо в конкретной ситуации.

Основоположником данного подхода является В.П. Грибанов, по мнению которого понятие содержание субъективного права охватывается возможное поведение управомоченного лица, а совершение реальных действий, превращающих эту возможность в действительность, в его понимании, уже является осуществлением права. То есть учёный проводит соотношение общего и конкретного, где общее – это правомочная модель поведения, закреплённая законом, а конкретное – это её фактическое воплощение¹.

В силу того, что данный подход подтверждается самим законодателем в Гражданских кодексах, у него имеется много сторонников. Так, например, М.И. Бару, размышляя о сущности злоупотребления правом, пишет, что в случае злоупотребления правом управомоченное лицо внешне опирается на право, но использует его недозволенно. При этом недозволенность выражается в том, что нарушается не сама конструкция права, а пределы допустимого его осуществления. Такими своими размышлениями учёный обращает внимание на различия между формальной правомерностью и фактической недопустимостью поведения и признаёт различия между содержанием субъективного права и его осуществлением².

В соответствии с позицией Н. Остапюка, пределы и ограничения являются внутренними самостоятельными элементами системы правовых ограничений. Сходное мнение выражает В.П. Камышанский, также подчёркивая различие между ограничением права и пределом его осуществления³.

Представители второго подхода усматривают в разграничении понятий «границы субъективного гражданского права» и «границы осуществления права» принципиальную методологическую ошибку и отстаивают концепцию их неразделимости. Так, например, по утверждению А.В.

¹ См.: Грибанов В.П. Указ. соч. - С. 44-45.

² См.: Бару М.И. О ст. 1 Гражданского кодекса (об охране гражданских прав) // Советское государство и право. - М.: Наука, 1958. - № 12.

³ См.: Камышанский В.П. Право собственности на недвижимость: вопросы ограничений. – Элиста: АПП «Джангар», 1999. - С. 69.

Волкова, осуществление субъективного права неотделимо от его содержания, в связи с чем, всякая правовая граница является ограничением самого права, а не его пределом¹. То есть в его понимании все границы сводятся к содержанию права, и говорить отдельно о «пределах осуществления» как об особой категории является неправильным².

М.М. Агарков также не проводил разграничения между содержанием и осуществлением права. В его понимании пределы осуществления правом не являются отдельной правовой категорией, и даже шикана есть не выход за пределы осуществления, а злоупотребление, которое является внутренним ограничением права³. Близкую позицию занимает М.Н. Малеина, в понимании которой границы субъективного гражданского права и пределы их осуществления являются тождественными категориями, а все правомерные формы поведения уже заложены в объеме субъективного права, установленного законом⁴.

Сходится в этом мнении с вышеназванными авторами В.М. Пашин. Он критикует идею существования пределов осуществления права как самостоятельных правовых границ, и считает, что «в самом содержании субъективного права уже заложены те ограничения поведения лица, которые диктуются объективными закономерностями частного права»⁵. По его мнению, все ограничения допустимого поведения управомоченного лица представляют собой элементы содержания субъективного права, а любые дополнительные оценочные конструкции являются избыточными, так как создают пределы «внутри» других пределов⁶.

¹ См.: Волков А.В. Теория концепции «злоупотребление гражданскими правами». - Волгоград, 2007. - С. 50 – 70.

² См.: Там же.

³ См.: Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву. Том II. - М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002. - С. 366 - 372.

⁴ См.: Малеина М.Н. Гражданское право. Часть первая / под ред. В.П. Мозолина, А.И. Масляева. - М.: Юрист, 2003. - С. 339.

⁵ Пашин В.М. Институт злоупотребления субъективными правами *de lege ferenda* // Актуальные проблемы гражданского права. Выпуск седьмой / под ред. О.Ю. Шиловцова. - М.: Норма, 2003. - С. 39.

⁶ Там же.

Выражая авторскую позицию относительно представленных научных подходов, отметим, что мы видим правильным присоединиться к сторонникам первого подхода, которые усматривают в категориях «пределы осуществления гражданских прав» и «ограничения гражданских прав» самостоятельные понятия. Для подкрепления данной точки зрения приведём следующие аргументы.

Прежде всего, отметим, что разделительный подход обоснован с точки зрения норм Гражданского кодекса, где устанавливается разграничение между понятиями пределов и ограничений гражданских прав (ст.ст. 3 и 9 Гражданского кодекса РФ).

Но даже если не принимать во внимание позицию законодателя, так как законодательный подход сам по себе не может рассматриваться в качестве достаточного доказательства теоретической и логической обоснованности соответствующего подхода, в части понимания этого вопроса наука (в лице сторонников первого подхода) и законодательство демонстрируют единое концептуальное видение относительно различий в правовой природе и функционального назначения рассматриваемых категорий.

В п. 6 ст. 3 Гражданского кодекса РФ установлено, что ограничения гражданских прав и свобод допускаются только в случаях, предусмотренных законодательным актом. Из смысла этой нормы вытекает, что ограничения закладываются законодателем априори в самую суть субъективного права как его объективные границы. Целью их установления является обеспечение защиты прав и интересов других лиц, а также общественных интересов, поэтому их введение не зависит от поведения субъекта права. Они автоматически ограничивают объём права, просто по факту наличия нормы. В этом смысле ограничения гражданских прав – это нормативно установленные рамки, за пределами которых субъективное право не действует.

В отличие от этого пределы осуществления гражданских прав, о которых идёт речь в ст. 9 Гражданского кодекса РФ, формулируют запреты,

связанные не с содержанием права как такового, а с допустимостью его конкретной реализации в каждом отдельном случае. Пределы осуществления права – это оценочные ограничения на действия правообладателя внутри установленной законом меры дозволенного поведения, когда формальное право используется вопреки принципам добросовестности, разумности, справедливости и его социальному назначению.

Действие ограничений гражданских прав не зависит от воли их субъекта и характера поведения этого субъекта. В то время как применение норм о пределах осуществления субъективных прав требует учёта конкретных обстоятельств. Они не всегда заранее детально определены законом, а устанавливаются в процессе осуществления права с учётом правовой оценки поведения субъекта.

Думается, при отождествлении понятий «ограничение права» и «пределы осуществления субъективных прав», которое допускают сторонники второго подхода, не учитывается то обстоятельство, что использование субъективного права может отклоняться от установленного назначения и формально оставаться в границах, дозволенных законом.

Кроме того, в пользу признания за рассматриваемыми понятиями статуса самостоятельных правовых конструкций указывают различия в правовых последствиях, наступающих при нарушении пределов осуществления правом и при нарушении законодательно установленных ограничений субъективного права. Так, последствием нарушения пределов осуществления субъективного права является применение меры в виде отказа правообладателю в судебной защите принадлежащего ему права, несмотря на формальное соответствие его поведения установленным правомочиям (п.6 ст. 9 Гражданского кодекса РТ). В свою очередь нарушение установленных законом ограничений квалифицируется как правонарушение и влечёт применение соответствующих гражданско-правовых санкций (возмещение убытков, возмещение морального вреда, признания права недействительным и т.д.).

Такое различие в мерах юридической ответственности обусловлено тем фактом, что при несоблюдении предусмотренных ограничений субъективного права нарушается закон, выходом же за пределы осуществления права нарушается назначение права.

Всё вышеизложенное позволяет признавать обоснованным разграничение понятий «пределы осуществления гражданских прав» и «ограничения субъективных прав» не только с теоретической точки зрения, но и с позиции практического применения, так как обеспечивает точную юридическую квалификацию поведения субъекта как правонарушения или злоупотребление правом.

Важность разграничения пределов осуществления исключительных прав и их ограничений состоит в том, что позволяет точно определить характер неправомерного поведения правообладателя и установить, где заканчивается допустимая реализация исключительного права и начинается злоупотребление им, а где имеет место нарушение установленных ограничений, образующее состав правонарушения и влекущее применения мер юридической ответственности.

Следует отметить, что в ряде научных работ, в которых рассматриваются данные подходы в контексте исключительных прав, вопрос о разграничении категорий пределов и ограничений исключительного права просто на просто опускается, и эти термины употребляются как взаимозаменяемые. Так, например, В.И. Еременко, исследуя понятие ограничения исключительных прав на произведение науки, литературы и искусства не проводит терминологическое разграничение этого понятия с категорией пределов осуществления правом и, излагая свои мысли, подменяет эти понятия друг другом¹.

Схожим образом строит свою позицию М.А. Димитриев. В частности, под пределами исключительного права на произведение автор понимает

¹ См.: Еременко В.И. О пределах и ограничениях исключительного права на произведения науки, литературы и искусства // Законодательство и экономика. - 2011. - № 1. – С. 14.

«законодательно очерченный объем прав третьих лиц в отношении использования произведения, исключительное право на которое принадлежит правообладателю, а также установленный законом срок существования данного права»¹. То есть обсуждая именно ограничения исключительного права на произведения науки, литературы и искусства (срок действия, случаи исчерпания прав, границы объёма правомочий правообладателя), он использует для их обозначения термин «пределы». При этом терминологическое разграничение между категориями пределов и ограничений им не проводится и все случаи законодательно допустимого вмешательства в сферу исключительного права рассматриваются в рамках общей конструкции пределов права. И это не простое его упущение, а осознанное обобщение этих категорий, потому что, ссылаясь на А.Г. Назарова, он сам отмечает существование научных подходов, различающих ограничения исключительного права и пределы его осуществления, однако в собственных рассуждениях рассматривает эти понятия как единое явление².

О.С. Авдониная для обозначения границ исключительного права использует общее понятие «пределы», которые подразделяет на общие и специальные. Общие пределы, в её понимании, определяют внешние границы действия исключительного права, примером которых являются ограничения, установленные законом, усмотрение правообладателя, объём дееспособности субъекта интеллектуального права. Специальные пределы, по её мнению, определяют территориальные и временные ограничения интеллектуальных прав³.

Не проводит чёткого разграничения между пределами осуществления исключительных прав и ограничениями их содержания Р.И. Ситдикова. Автор, анализируя нормы ст. 10 и ст.ст. 1273–1280 Гражданского кодекса Российской Федерации, по существу смешивает два разных ограничительных

¹ Дмитриев М.А. К вопросу о пределах исключительного права на произведения науки, литературы и искусства // Российский судья. - 2012. - № 10. - С. 20 - 22.

² Там же.

³ См.: Авдониная О.С. Субъективные пределы защиты исключительных прав: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – С. 7.

механизма: с одной стороны, пределы осуществления права, связанные с недопустимостью злоупотребления, с другой – предусмотренные законодательством ограничения, связанные с уменьшением объёма исключительного права за счёт установления случаев допустимого использования объектов исключительных прав третьими лицами¹.

Точно также применительно к исключительному праву на товарный знак использует понятие материально-правовых пределов Н.Ю. Сергеева, объединяя этим понятием как ограничения этого права, установленные законом, так и пределы, установленные ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации².

Определённое смешение механизмов ограничения исключительных прав допускает В.В. Пирогова. Согласно её утверждению, «...ограничения исключительных прав возможны при их злоупотреблении и когда того требует общественный интерес»³. В этом высказывании автор рассматривает ограничения, установленные законодательством в интересах общества, в одном ряду с последствиями злоупотребления правом, опять же, как и другие авторы, фактически смешивая разные механизмы регулирования – пределы осуществления правом через контроль добросовестности поведения правообладателя и законодательные ограничения объёма прав. На самом деле ограничения не зависят от факта злоупотребления правом, поэтому приведённое утверждение В.В. Пироговой является не вполне корректным с точки зрения теории гражданского права.

Наряду с научными работами, в которых осуществляется подмена рассматриваемых понятий, существует немало работ, где, напротив, чётко подчёркивается самостоятельность этих категорий. Так, например, А.С. Ворожевич строго обозначает границы между пределами и ограничениями

¹ См.: Ситдикова Р.И. Ограничения исключительных прав в механизме охраны авторских прав // Российский юридический журнал. - 2013. - № 1. – С. 127.

² См.: Сергеева Н.Ю. Материально-правовые пределы действия исключительного права на товарный знак - объект охраны: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – С. 10.

³ Пирогова В.В. Соглашение ТРИПС (ВТО): ограничения исключительных прав и общественные интересы // Журнал международного частного права. - 2010.- №N 3. – С. 14.

субъективных прав. По её мнению, границы исключительных прав – это «правовой институт, разделяющий сферу контроля правообладателя и сферу свободного использования объекта (его отдельных элементов) всеми иными лицами»¹. Границы формально устанавливаются законом, разграничивают правомерное использование и нарушение права и могут быть временными, территориальными, содержательными, объектными. В свою очередь, пределы в трактовке А.С. Ворожевич, ограничивают способы реализации исключительного права самим правообладателем и не связаны с запретом злоупотребления правом и другими стандартами, оценивающими поведение правообладателя². Из таких рассуждений можно заключить, что А.С. Ворожевич проводит связь между ограничениями исключительных прав и нормативными установлениями границ самого субъективного права, в то время как пределы осуществления исключительных прав она увязывает с требованиями к поведению правообладателя³.

Н.Л. Свиридов также разграничивает категории ограничений и пределов, указывая, что ограничения являются границами существования исключительных прав, пределы – границами их осуществления и защиты⁴. Е.А. Кондратьева специально не проводит разграничение категорий пределов осуществления исключительных прав и их законодательных ограничений, поскольку целью её исследования является анализ злоупотребления правом. Вместе с тем она достаточно правильно, опираясь на законодательный подход, использует термин «пределы», обозначая им границы добросовестного осуществления исключительных прав в соответствии с принципами гражданского законодательства⁵.

¹ Ворожевич А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты лицами : диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.03 / Ворожевич Арина Сергеевна. – М.: 2021. – С. 10.

² См.: Там же.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Свиридов Н.Л. Границы и ограничения по закону исключительного интеллектуального права: права интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук - - М., 2008. – С. 14.

⁵ См.: Кондратьева Е.А. Требование компенсации за нарушение исключительного права как форма злоупотребления правом // Гражданское право. - 2013. - № 2. – С. 29.

Н.В. Щербак в своём диссертационном исследовании не строит доктрину разграничения указанных категорий, но по логике построения текста видно, что она их разделяет. Об ограничениях упоминается с точки зрения законодательно установленных случаях свободного использования объектов интеллектуальной деятельности, термин «пределы» используется для обозначения общих рамок осуществления правом¹.

Особого внимания заслуживает точка зрения А.Г. Назарова. В его понимании пределы – это «то, где заканчивается свобода поведения управомоченного субъекта», это границы субъективного права, вытекающие из назначения права и общих принципов добросовестности, разумности и справедливости². В свою очередь, ограничения исключительного права автор определяет как установленные законом случаи допустимого использования результата интеллектуальной деятельности третьими лицами без согласия правообладателя, направленными на защиту общественных интересов. Он прямо подчёркивает, что ограничения не вытекают из поведения правообладателя, а устанавливаются законом. В качестве примеров ограничений исключительного права он называет исчерпание права на товарный знак и установленные законом случаи свободного использования произведений науки, литературы и искусства³.

Что касается нашей позиции по этому вопросу, прежде всего, повторимся, что для правильного понимания механизма регулирования исключительных прав очень важным является разграничение категорий «пределы осуществления исключительных прав» и «ограничения исключительных прав». В этом вопросе мы присоединяемся к сторонникам разделительного подхода, которые усматривают в этих категориях

¹ См.: Щербак Н.В. Договорное регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности: авторское право и смежные права: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2022. – С. 21, 53.

² Назаров А.Г. Пределы осуществления исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Назаров Алексей Геннадьевич. - Екатеринбург, 2011. – С. 14-15.

³ См.: Назаров А.Г. Пределы осуществления исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Назаров Алексей Геннадьевич. - Екатеринбург, 2011. – С. 109-110.

самостоятельные правовые явления. Однако свою позицию мы хотим показать не на простом противопоставлении этих двух категорий, а на их системном построении. В частности, выделяя ограничения исключительных прав в самостоятельную от пределов осуществления правом категорию, мы при этом не сужаем содержание этого понятия до установленных законом случаев использования результата интеллектуальной деятельности без согласия правообладателя, как это делают В.В. Пирогова, А.Г. Назаров и другие авторы. В нашем понимании под понятие «ограничения исключительных прав» подпадают все виды нормативного вмешательства в объём исключительных прав, независимо от того, связаны ли они с возможностью использования объекта интеллектуальной деятельности третьими лицами или касаются иных аспектов существования исключительного права. Используя принцип дихотомии, мы разделяем ограничения исключительного права на две основные группы в зависимости от целей правового регулирования:

1) ограничения, направленные на установление внутренних границ исключительного права. Данные ограничения затрагивают содержание исключительного права, срок и территорию его действия, исчерпание права, а также иные юридические рамки его действия как субъективного гражданского права.

2) ограничения исключительного права, установленные в интересах третьих лиц и общества (внешние ограничения). Они имеют внешний по отношению к исключительному праву характер и представляют собой предусмотренные законом случаи допустимости использования объекта исключительного права без согласия правообладателя, если такое использование преследует общественно значимые цели. Их главной целью является обеспечение баланса между правами правообладателя и интересами третьих лиц. Основными правовыми механизмами их реализации, в силу этого, являются такие механизмы, как свободное использование,

принудительное лицензирование и другие формы допуска третьих лиц к объекту интеллектуальной деятельности.

Представленная классификация ограничений исключительных прав видится нам наиболее всесторонней и завершённой, поскольку она учитывает все нормативно закреплённые ограничения, предусмотренные как в национальном законодательстве Республики Таджикистан в области интеллектуальной собственности, так и в международных правовых актов, касающихся ограничений исключительных прав¹. Поэтому в рамках следующих разделов нашего исследования мы имеем цель рассмотреть ограничения исключительных прав с опорой именно на эту классификацию.

Все эти ограничения мы предлагаем противопоставлять пределам осуществления права, которые представляют собой оценочные границы допустимого поведения правообладателя, формируемые на основе принципов разумности, добросовестности и запрета злоупотребления правом, нарушение которых не связано с изменением объёма самого исключительного права, но влечёт последствия в виде отказа в судебной защите при формальном наличии права.

2.2 Ограничения, направленные на установление внутренних границ исключительного права

Как было отмечено в предыдущем параграфе нашего исследования, ограничения исключительных прав в нашем понимании представляют собой внешние юридические механизмы, устанавливающие границы содержания субъективного права. Важность установления этих границ имеет существенное значение, как для их теоретического осмысления, так и на практическом уровне, так как, с одной стороны, ограничения исключительных прав формируют доктринальное представление «о

¹ См.: Астапова Ш.Р. Срок как элемент конструкции исключительного права // Юридический вестник. – Душанбе: Российско-Таджикский (Славянский) университет, 2025. – №1 (21). –С.23.

границах допустимой правовой монополии правообладателя относительно своего интеллектуального продукта»¹, с другой стороны – позволяют регулировать поведение участников гражданского оборота и определяет практику правоприменения в этой сфере общественных отношений.

Для начала отметим, что всякое ограничение исключительного права вводится с целью достижения баланса интересов самого правообладателя и общественных (публичных) интересов, и призвано, как пишет В.А. Микрюков, обеспечить создателю лишь ограниченную монополию на результат его труда², не препятствующую реализации общественных и публичных интересов. Как справедливо отмечает У.А. Меликов, право воздействует на интерес субъекта, причём не одного, а многих субъектов, устанавливая баланс между ними³. В сфере интеллектуальной собственности заинтересованными субъектами выступают не только правообладатели, но и иные лица, а также общество в целом. Поэтому законодатель, предоставляя владельцу исключительного права определённую свободу, вместе с тем, отнимает часть этой свободы, передав её третьим лицам, и установлением соответствующих ограничений, «выдавливает» само исключительное право⁴.

Исходя из этого обе группы ограничений исключительного права, представленные нами в предыдущем параграфе, как ограничения, направленные на установление границ самого исключительного права (внутренние ограничения), так и ограничения исключительного права, установленные в интересах третьих лиц (внешние ограничения), имеют своей целью обеспечение такого баланса интересов. Однако в силу своей различной правовой природы делают это по-разному. Так, ограничения, направленные на установление границ самого исключительного права,

¹ Шуляк М. А. Понятие «Ограничения исключительных имущественных прав патентообладателей» // Проблемы законности. - 2011. - №116. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-ogranicheniya-isklyuchitelnyh-imuschestvennyh-prav-patentoobladateley> (дата обращения: 30.04.2025).

² См.: Микрюков В.А. Ограничения и обременения гражданских прав. - М.: Статут, 2007. – С. 208-209.

³ См.: Меликов У.А. Правовой режим объектов гражданских прав в интернете. – Душанбе: «Эр-граф», 2017. – С. 72.

⁴ См.: Дмитриев М. А. К вопросу о пределах исключительного права на произведения науки, литературы и искусства // Российский судья. - 2012. - № 10. - С. 20..

позволяют достичь необходимого баланса интересов через нормативное определение объёма и содержания исключительного права. Ограничения исключительного права, установленные в интересах третьих лиц, способствуют достижению баланса частных и публичных интересов через механизм допущения использования объекта интеллектуальной деятельности третьими лицами в установленных законом случаях. Следующие разделы нашего исследования будут посвящены раскрытию каждой из этих двух групп ограничений исключительного права и начнем мы с первой группы ограничений.

В настоящем параграфе основное внимание будет уделено ограничениям, направленным на установление границ самого исключительного права, к числу которых относятся: 1) ограничения по видам правомочий, предусмотренных законом; 2) ограничения по сроку действия исключительного права; 3) ограничения по территории действия исключительных прав; 4) ограничения, связанные с исчерпанием исключительного права.

Ограничения исключительных прав по видам правомочий, предусмотренных законом, представляют собой очерченные рамки допустимого использования объекта интеллектуальной собственности, выражающиеся в конкретном перечне правомочий, которыми обладает правообладатель. А. С. Ворожевич называет их «содержательными границами исключительных прав»¹.

В основе данных ограничений лежит идея о том, что объём и содержание всякого исключительного права изначально ограничены теми правомочиями, которые предусмотрены законом для каждого вида объекта интеллектуальных прав. В силу этого, не сам результат интеллектуальной деятельности подлежит правовой охране, а права на него и допустимые формы его реализации.

¹ Ворожевич А. С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2021. – С. 11, 32.

Данная идея получила воплощение в ряде статей Гражданского кодекса Республики Таджикистан. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 1238 Гражданского кодекса РТ, состав имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации может устанавливаться только законом и ограничивается тоже законом. Согласно ч.1 ст. 1241 Гражданского кодекса РТ, исключительное право может быть реализовано любым способом и в любой форме, не запрещённые законом. Конкретный же перечень правомочий исключительного права на тот или иной вид результат интеллектуального труда и границы их реализации устанавливаются нормами специального законодательства. Так, применительно к авторским правам перечень исключительных правомочий автора и иных правообладателей предусмотрен в ст. 16 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах». Данный перечень является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию.

В сфере правовой охраны изобретений перечень исключительных прав патентообладателя установлен в ст. 26 Закона РТ «Об изобретениях», которые также носят исчерпывающий характер. Применительно к промышленным образцам общее указание на наличие исключительного права у патентообладателя и его право разрешать или запрещать использование промышленного образца предусмотрено в ст. 22 Закона РТ «О промышленных образцах». Фактический же перечень правомочий патентообладателя закреплён в ст. 24 этого Закона, где содержание этого права раскрывается через перечень действий, признаваемых его нарушением.

Состав исключительного права на товарный знак (знак обслуживания) определяется в ст. ст. 6 и 27 Закона РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания», где установлены формы правомерного использования товарного знака в гражданском обороте.

Как видим, применительно к каждому виду объекта интеллектуальной собственности исключительные права предоставляют собой формально определённый перечень правомочий. Вместе с тем, при установлении границ

таких правомочий формулировки правовых норм не всегда отличаются ясностью, и законодатель зачастую допускает использование оценочных выражений. В ст. 16 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах», к примеру, применяется формулировка «в любой форме и любым способом». В ст. 8 Закона РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания» используется формулировка «...и другие обозначения, способные ввести в заблуждение...». Уяснение смысла подобных приёмов законодательной техники, по справедливому замечанию А.С. Ворожевич, требует судебного толкования, а поэтому делает границы исключительного права в определённой мере размытыми¹.

Важно отметить, что законодатель учитывает специфику охраняемого интеллектуального объекта при определении характера и состава правомочий, входящих в содержание того или иного исключительного права. Этим объясняются отличия правовых моделей формирования правомочий исключительного права. Так, применительно к авторскому праву используется подход, в соответствии с которым правовая охрана распространяется только на произведение, получившее какое-либо внешнее выражение². Это правило прямо закреплено в ст. 5 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах», где перечисляются такие внешние формы выражения результатов творческого труда, как письменная, устная, звуко- или видеозапись, изображение, объёмно-пространственная форма и др.

В отличие от этого патентное право охраняет не форму результата интеллектуальной деятельности, а его содержание, то есть саму идею как техническое решение³, обладающее новизной, изобретательским уровнем и промышленной применимостью. То есть законом охраняется не то, как идея

¹ См.: Ворожевич А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты лицами: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.03 / Ворожевич Арина Сергеевна. – М.: 2021. – С. 11.

² См., напр.: Рахматулина Р.Ш. Концептуальные основы построения системы объектов авторского права: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.03 / Рахматулина Римма Шамильевна. – М., 2021. – С. 27.

³ См.: Рожкова М.А. «Авторское право охраняет форму, патентное – содержание» - правильно ли это утверждение и при чем здесь оригинальность произведения и плагиат? // https://zakon.ru/blog/2021/2/10/avtorskoe_pravo_ohranyaet_formu_patentnoe_soderzhanie_pravilno_li_eto_utverzhenie_i_pri_chem_zdes (дата обращения: 10.02.2025).

представлена, а то, что именно эта идея решает и какова её суть. Это утверждение находит подтверждение в Законе РТ «Об изобретениях», где акцент смещён не на форму, в которой выражено техническое решение, а на само это решение, представленное в формуле изобретения (ст. 5 Закона). Исходя из такой специфики объекта правовой охраны, вытекают и особенности содержания исключительного права патентообладателя, которые, по сути, сводятся к контролю над практической реализацией технического решения изобретения, включая право на изготовление изобретения, его применение, ввоз, продажу и иное введение в хозяйственный оборот (ст. 26 Закона).

Несколько иным образом поставлено решение этого вопроса применительно к товарным знакам. Здесь охраняется конкретная форма обозначения, служащего для отличия одних товаров, работ, услуг от аналогичных товаров, работ, услуг других производителей. Она может быть словесной, изобразительной, объёмной или их комбинациями (ст. 7 Закона РТ «О товарных знаках»). По своей формальной характеристике объект товарного знака имеет схожесть с объектом авторского права, в том смысле, что и в том, и в другом случае охране подлежит форма выражения, а не содержание охраняемого объекта. Но учитывая специфику целей правовой охраны товарного знака, осуществление исключительных прав на этот объект ограничены задачей поддержания его распознавательной способности и защиты от недобросовестного использования (ст.ст. 6, 27 Закона РТ «О товарных знаках»).

Таким образом, можно сделать вывод, что вопрос об объёме и характере ограничений исключительного права коренится в самой правовой природе охраняемого результата интеллектуальной деятельности.

Ограничения, связанные со сроком действия исключительных прав являются следующей разновидностью ограничений исключительных прав, направленных на установление их внутренних границ. Они определяют временные границы правовой монополии правообладателя и сводятся к

сроку существования исключительного права¹. Временные рамки действия исключительных прав отличают их от личных неимущественных интеллектуальных прав, которые в отличие от первых охраняются бессрочно (п.2 ст. 1240 Гражданского кодекса РТ).

Нормативное обоснование ограничения исключительных прав находит своё закрепление в ст. 1242 Гражданского кодекса РТ, где в виде общей нормы закреплён принцип временного характера исключительных прав. Данная норма имеет отсылочный характер и указывает на применение правил о сроках, предусмотренных в нормах специальных законов (Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах», Закона РТ «Об изобретениях», Закона РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания» и др.).

Анализ этих законодательных актов показывает, что исключительные права по природе своей являются срочными, продолжительность действия которых различается в зависимости от их вида. Исключением из этого правила является исключительное право на товарный знак (знак обслуживания). Оно имеет потенциально бессрочный характер, потому что срок его действия может быть продлён неограниченное количество раз². Данное правило закреплено в ст. 18 Закона РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания» и оно обосновывается назначением товарного знака служить средством индивидуализации товаров, работ и услуг, потребность в котором сохраняется до утраты коммерческого интереса. В противном случае неиспользование товарного знака непрерывно в течение трёх лет неиспользования непрерывно в течение любых трёх лет является основанием досрочного прекращения его правовой охраны (ст. 27 Закона РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания»). В этих нормах находит выражение правило обязательного использования товарного знака, которое, как отмечается в юридической литературе, направлено на обеспечение активного

¹ Ворожевич А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты лицами: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.03 / Ворожевич Арина Сергеевна. – М.: 2021. – С. 11.

² См.: Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности: учебник. - М.: Проспект, 2010. – С. 26.

использования товарных знаков в гражданском обороте¹. Стимулируя владельцев товарных знаков к активному их использованию и препятствуя их недобросовестной регистрации без намерения вводить их в гражданский оборот, эти нормы служат целям защиты использования товарного знака².

Такой правовой режим, установленный для товарных знаков, является исключением. Для большинства других видов исключительных прав свойственно установление предельных сроков их действия. Например, патент на изобретение действует не более 20 лет. Периодом жизни автора плюс пятьдесятю годами после его смерти ограничен срок действия авторских прав.

Установление временных рамок действия исключительных прав является международной практикой и находит своё закрепление во многих международных правовых документах, а именно в Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений, принятой 9 сентября 1886 года, Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года, Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) от 15 апреля 1994 года.

В юридической литературе подобная международная практика находит объяснение в том, что необходимость существования исключительного права на объекты интеллектуальной собственности обосновано лишь в отношении самого правообладателя, а также его возможных наследников³. Наследники признаются носителями производного авторского права, которое возникает не в силу создания произведения, а на основе иных юридических фактов (вхождения в круг наследников по закону, на основании завещания, принятия наследниками наследства)⁴.

¹ См.: Симонов Б.П., Коростелева С.В. О принципе обязательного использования товарного знака // ИС. Промышленная собственность. - 2005. - № 9. - С. 9.

² Старженецкий В. Досрочное прекращение охраны товарного знака в связи с его неиспользованием // Коллегия. - 2004. - № 7. - С. 27.

³ См.: Баттахов П. П. Существенные признаки исключительных прав в сфере права интеллектуальной собственности // Право и государство: теория и практика. - 2018. - №2 (158). - С. 64.

⁴ См.: Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: учебник / под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. - М.: Статут, 2017. - С. 316-317.

В целом разделяя данное объяснение, считаем необходимым уточнить, что, закрепляя за исключительными правами наследуемый характер, законодатель исходит из того, что речь идёт не обо всех возможных наследников правообладателя, а только ближайших по времени, и не более¹. Ведь главное назначение исключительных прав заключается в защите интересов создателя результата интеллектуального труда. Исключительные права – это тот инструмент, который даёт возможность первичному правообладателю подучить за свой проделанный труд экономическую выгоды. Если бы со стороны законодателя не было предоставлено возможности извлекать обоснованную выгоду из результатов своего труда, то, как справедливо указывается в юридической литературе, «никакого развития ни в области науки и техники, ни в области литературы и искусства не было бы»².

Но получение такой экономической выгоды не должно иметь характер вечной монополии. Наследники не являются создателями результата интеллектуального труда, а только пользователями уже созданного объекта. Поэтому передача им исключительных прав ограничена установленными предельными сроками. Объект интеллектуальной собственности, с точки зрения принципов интеллектуального права, теряет юридическое обоснование после смерти первоначального правообладателя и его ближайших наследников. С этого момента исключительное право исчерпало свою главную функцию – вознаграждение создателя интеллектуального объекта, и дальнейшее его сохранение юридически неоправданно.

Интеллектуальная собственность не является инструментом для бесконечного обогащения. И срочный характер исключительных прав прямое тому доказательство. В противном случае, бесконечный наследуемый характер привёл бы к превращению исключительного права в абсолютную

¹ См.: Астапова Ш.Р. Срок как элемент конструкции исключительного права // Юридический вестник. – Душанбе: Российско-Таджикский (Славянский) университет, 2025. – №1 (21). –С.23.

² Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 2. - М.: Статут, 2012. – С. 343.

бесконечную монополию и бесконечную коммерциализацию сферы интеллектуальной деятельности. В результате, это обернулось бы тем, что отдельные правообладатели получали бы вечный контроль над научными изобретениями и технологиями, культурными и историческими памятниками искусства.

Неограниченный срок действия исключительных прав ставил бы зависимость объектов интеллектуальной деятельности от отношения к ним правообладателей, для которых, в большинстве случаев, они являются инструментом получения прибыли, а не вкладом в развитие науки и культуры¹.

Всё это приводило бы к нарушению баланса между частными и публичными интересами. В качестве аргумента такого вывода приводится пример с супругой А.С. Пушкина, которая фактически злоупотребила славой великого поэта и добилась продления срока литературной и художественной собственности, в соответствии с которым срок действия исключительного права составил с 2 до 50 лет².

Новое научно-техническое достижение – это всегда продолжение ранее полученных научных знаний. Доступ к ним является необходимой предпосылкой интеллектуальной деятельности, без закрепления возможности доступа к уже существующим результатам интеллектуальной деятельности невозможно создание новых³. Понимание этого предопределяет закрепление в п. 2 ст. 1242 Гражданского кодекса РФ идею срочности исключительных прав в обмен на общественное достояние. Право извлекать экономическую выгоду от объекта интеллектуальной собственности предоставляется законом правообладателю в обмен на то, чтобы общество со временем могло

¹ Российское гражданское право: В 2 т. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права: учебник. Т 1. / отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2011. – С. 693.

² См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая (постатейный) / С.С. Алексеев, А.С. Васильев, В.В. Голофаев и др.; под ред. С.А. Степанова. -М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2009. – С. 1221.

³ Ситдикова Р.И. Частный, публичный и общественный интерес в авторском праве // Гражданское право. - 2012. - № 2. - С. 20.

получить доступ к полученным знаниям и созданным технологиям. И это правило выступает своего рода компромиссом между частными и публичными интересами¹.

Отнесение исключительных прав к составу наследственного имущества или же их передача в порядке правопреемства юридическому лицу допускается только в пределах установленного законом оставшегося срока их действия. То есть наследники получают исключительное право на результат интеллектуального труда только на оставшийся срок его действия². По его истечения у наследников (правопреемников) утрачивается право извлекать экономическую выгоду из объекта интеллектуальной собственности, и он приобретает статус общественного достояния.

Так, гражданин Умаров Г.Ф. обратился в экономический суд Хатлонской области с иском о включении в наследственную массу исключительные права на изобретения «Внутрипочвенный ороситель», защищённое патентом МПК 6 А 04G 23/16, патентовладельцем которого являлся его умерший отец Умаров Ф.М. Причиной обращения в суд явился факт того, что данное имущество, по мнению Умаров Г.Ф., неправомерно не было учтено при оформлении завещания. Суд отказал в удовлетворении иска на том основании, что истёк двадцатилетний срок действия патента, установленный ч.2 ст. 4 Закона РТ «Об изобретениях»³.

Аналогичным образом временные рамки действия исключительного права обуславливают ограниченность срока действия договоров, связанные с передачей имущественных прав на охраняемые объекты. Как справедливо отмечает О. Шиловост, лицензионные договоры не могут действовать дольше срока исключительного права, так как по их истечении объект

¹ См.: Астапова Ш.Р. Ограничения исключительных прав по сроку их действия // Бизнес, менеджмент и право. Научно-практический экономико-правовой журнал. – 2025. – № 4 (68). – С. 36.

² См.: Наследование интеллектуальных прав по российскому законодательству / под ред. Л.А. Новоселовой. – М.: Проспект, 2019. – С. 27.

³ См.: Архив Высшего экономического суда Республики Таджикистан от 2021 года (Дело № 2-142/21).

интеллектуальной собственности переходит в общественное достояние¹. Применительно к договорам об отчуждении исключительных прав действует то же правило.

К следующим видам ограничений исключительного права относятся территориальные границы. Их суть заключается в том, что они определяют пределы действия исключительного права в пространстве. В юридической литературе по степени жёсткости и однозначности территориальные ограничения приравнивают к временным границам, потому что за рамками того пространства, где они действуют, прекращается контроль со стороны правообладателя².

Исходя из этого, принято считать, что территориальные границы исключительных прав определяются территорией, в пределах которой правообладатель может контролировать использование охраняемого объекта. Как правило, такие границы совпадают с территорией государства, которое предоставило этому объекту правовую охрану.

В основе данного ограничения лежит принцип территориальности исключительных прав, суть которого сводится к тому, что исключительное право, возникшее в одном государстве, действует только в его пределах³. Мы его рассматривали в рамках первой главы нашего исследования. Как по этому поводу писал Л.А. Лунц, возникшие в одном государстве интеллектуальные права, будь то авторское и изобретательское право или право на товарные знаки, имеют действие в пределах только его юрисдикции⁴.

Территориальный характер интеллектуальных прав впервые был заложен в Парижской конвенции по охране промышленной собственности

¹ См.: Шилов О. Общие положения о договорных способах распоряжения исключительным правом // Хозяйство и право. - 2008. - 3 9. - С. 16.

² Вороженич А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты лицами : автореферат дисс.... доктора юридических наук: 12.00.03 / Вороженич Арина Сергеевна. – М.: 2021. – С. 11, 33.

³ См.: Богуславский М.М. Основные вопросы изобретательства в международном частном праве. - М., 1960. - С. 10.

⁴ См.: Лунц Л.А. Курс международного частного права: В 3 т. - М., 2002. - С. 664.

1883 года и с тех пор такой подход закрепился в международной практике. Так, в соответствии со ст. 4bis Парижской конвенции, «патенты, заявки на которые поданы в разных странах Союза гражданами стран Союза, независимы от патентов, полученных на то же изобретение в других странах, входящих или не входящих в состав Союза»¹.

Суть этой нормы состоит в том, что получение патента на изобретение в одном государстве не влечёт возникновение у патентообладателя автоматического права на это изобретение в другом государстве. Ему необходимо подать отдельную заявку в эту страну, чтобы получить такое право. При этом юридическую независимость друг от друга получают патенты, полученные разных странах. Каждый из них регулируется внутренним законодательством соответствующего государства, и отмена патента в одном государстве не влияет на его действие в другом государстве.

В соответствии с п. 2 ст. 5 Бернской конвенция по охране литературных и художественных произведений, «объём охраны, равно как и средства защиты, представляемые автору для охраны его прав, регулируются исключительно законодательством страны, в которой истребуется охрана»².

Приведённые международные нормы служат ярким подтверждением того, что исключительное право может существовать только внутри границ определённого государства, и только это государство определяет условия и порядок возникновения исключительного права, перечень включаемых в него правомочий, механизм осуществления и защиты. В дальнейшем этот подход получил своё развитие в более современных международных актах, в том числе в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), которое хотя и предусматривает частичную унификацию минимальных стандартов охраны и процедур защиты

¹ Конвенция по охране промышленной собственности. (Заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5111/?ysclid=ma8fsm5fof261142005 (дата обращения: 02.04.2025).

² Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/3694a5c6b4175ef85c4023da5cf531dc5cfe20c2/ (дата обращения: 02.04.2025).

интеллектуальных прав, но не устраняет территориальный характер исключительных прав, сохраняя за государствами право самостоятельно определять режимы их регистрации регулировать территориальные границы действия при импорте.

Такая практика возникла как дань уважения государственного суверенитета и необходимость защиты национальных интересов. Государство заинтересовано в том, чтобы правовая охрана объектов интеллектуальной собственности осуществлялась централизованно и на национальном уровне. Это позволяет ему контролировать создание и введение в имущественный оборот таких объектов и обеспечивать надлежащую защиту интеллектуальных прав на национальном уровне через единый правовой режим¹.

Несмотря на международную практику закрепления территориального характера исключительных прав, в национальном законодательстве Республики Таджикистан отсутствует прямое указание на территориальные границы действия исключительных прав. В Гражданском кодексе Республики Таджикистан говорится лишь о том, что объекты права интеллектуальной собственности охраняются в соответствии с законами и международными правовыми актами, признанными Таджикистаном, но правило территориальности интеллектуальных прав прямо не закрепляется (ст. 1236 ГК РТ).

В ст. 1237 Гражданского кодекса РТ, посвящённой возникновению права интеллектуальной собственности опять же используются отсылочная формулировка к национальному законодательству и признанным международным правовым актам, но прямое определение территориальных границ интеллектуальных прав не проводится.

Аналогичный подход наблюдается и в специальном законодательстве, где принцип территориального ограничения охраны интеллектуальных прав

¹ См.: Пирогова В.В. Исчерпание исключительных прав и параллельный импорт.- М.: Статут, 2008. – С. 29.

не рассматривается как системный признак исключительного права. В специальных законах даётся только общая отраслевая формулировка, указывающая на сферу действия самих законов.

Конечно, можно утверждать, что присутствие такой нормы не является обязательным, так как даже при отсутствии специальной нормы, территориальный принцип реализуется через всю национальную систему правовой охраны интеллектуальных прав. Однако в таком случае данное утверждение будет иметь форму лишь логического вывода, а не обязательной нормы. К тому же с теоретической точки зрения прямое законодательное закрепление признака территориальности исключительных прав делает национальное право согласованным с международным правом.

То есть этим мы хотим сказать, что такой законодательный пробел формально не препятствует применению территориального принципа, но в то же время, свидетельствует о неполной проработке правового режима интеллектуальной собственности. В этой связи мы предлагаем использовать международный опыт правового регулирования этого вопроса и включить в главу 68 Гражданского кодекса РТ норму, которая прямо бы закрепляла территориальный принцип действия исключительных прав. Предлагаем следующую редакцию данной нормы:

«Статья 1236¹. Действие исключительных и иных интеллектуальных прав на территории Республики Таджикистан

1. Правовая охрана исключительных прав и иных прав на результаты интеллектуальной деятельности, а также средства индивидуализации и их действие на территории Республики Таджикистан осуществляется в соответствии с настоящим Кодексом, иными законами и международными правовыми актами, признанными Республикой Таджикистан.

2. Исключительные права, зарегистрированные в соответствии с законодательством Республики Таджикистан, не порождают правовых последствий за пределами её территории, если иное не установлено международным правовым актом, признанным Республикой Таджикистан.

3. В случае признания исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации на территории Республики Таджикистан на основании международного правового акта, признанного Республикой Таджикистан, содержание такого права, порядок его осуществления, ограничения и способы защиты определяются настоящим Кодексом, независимо от положений законодательства страны возникновения исключительного права, если иное не предусмотрено соответствующим международным договором или настоящим Кодексом».

Продолжая наше исследование, следует отметить, что территориальные ограничения имеют тесную связь с другой формой ограничений исключительных прав, именуемых «исчерпание права». В зарубежной научной литературе оно известно под названием «доктрина первой продажи» («first sale»)¹. Его суть отражается в правиле, согласно которому без согласия правообладателя владелец правомерно созданной копии охраняемого интеллектуального объекта вправе распорядиться этим экземпляром по своему усмотрению. Данное правило в качестве основополагающего принципа оборота объектов интеллектуальной собственности закреплено в международных правовых актах и национальных законодательствах. Его признают «неотъемлемой частью любого современного законодательства в области интеллектуальной собственности»². Оно обеспечивает функционирование публичных библиотек и позволяет сформировать вторичный рынок вещей, созданных с применением объекта интеллектуальной собственности³.

На основе принципа исчерпания права определяются общие границы действия исключительного права после первой законной коммерческой передачи товара, созданного с применением объекта интеллектуальной

¹ См.: Kohler J. Deutsches Patentrecht. - Mannheim, 1978. - S. 100.

² Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. - М.: Статут, 2014. - С. 355.

³ См.: Янчуков, Н. А. Концепция исчерпания права в отношении электронных копий объектов авторских и смежных прав // Молодой ученый. - 2021. - № 8 (350). - С. 155.

собственности. Суть этих границ заключается в том, что после первоначального введения в коммерческий оборот товара, в котором воплощён результат интеллектуального труда, его дальнейшее распространение на рынке не требует согласия обладателя исключительного права на этот результат интеллектуального труда¹. То есть правообладатель теряет возможность препятствовать дальнейшему обороту этого товара. Так, на примере авторского права автор произведения теряет контроль за распространением выпущенных экземпляров книги. В случае патентов на изобретение правообладатель не может контролировать распространение конкретных изделий, уже введённых в оборот. В отношении промышленных образцов правообладатель не может запретить применение охраняемой формы товара, поступившего в продажу.

Представляется важным заметить, что конструкция исчерпания права применима исключительно к правомочию распространения экземпляров охраняемого объекта и не охватывает другие правомочия, составляющие содержание исключительного права. Приведём в качестве примера содержание исключительного права автора, включающее десять самостоятельных правомочий, каждое из которых может быть реализовано правообладателем независимо от других (ч.1 ст. 16 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах»). Право на распространение является одним из десяти этих предусмотренных правомочий. Данное понятие включает в себя такие способы вторичного обращения экземпляров произведения, как их перепродажа, сдача в прокат (п. 2 ч. 1 ст. 16 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах»).

Действие принципа исчерпания права, как видим, ограничивается ситуациями, когда с экземпляром произведения, уже введённым в коммерческий оборот, проводятся лишь те операции по вторичному извлечению из него экономической выгоды, которые входят в содержание

¹ См.: Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности: учебник. - М.: Проспект, 2010. – С. 33.

права на распространение. Когда же речь идёт о других способах использования произведения (воспроизведение, публичный показ, перевод, переработка и др.), то они находятся за пределами принципа исчерпания права, потому что представляют собой самостоятельные правомочия исключительного права. Причём следуя буквальному толкованию ст. 16 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах», такой способ использования произведения, как сдача в прокат его экземпляра, в одних случаях входит в состав права на распространение, в других составляет содержание права на воспроизведение (п.4 ст. 3 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах»).

В этом связи представляет интерес следующее судебное дело.

ООО «Софт» обратилось в экономический суд г. Душанбе с иском к ООО «Техно+» о взыскании с последнего 156 000 сомони компенсации за нарушение авторских прав. Суть нарушения заключалась в том, что ответчик предоставлял в прокат экземпляры программы «1С: Бухгалтерия 8 для Таджикистана», приобретённых у ООО «Софт». Ответчик исковые требования не признал, полагая, что истец исчерпал свои права как правообладатель на эти экземпляры программы после их продажи.

Экономический суд г. Душанбе, руководствуясь ч.3 ст. 16 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах», исковые требования удовлетворил, указав в своём решении, что в отношении программ для ЭВМ принцип исчерпания права не применяется, так как за правообладателями исключительных авторских прав сохраняется право сдачи в прокат оригиналов или копий таких программ, независимо от принадлежности права собственности на эти экземпляры¹.

Как видно из этого примера, особый характер программ для ЭВМ и других произведений, для которых свойственно многократное коммерческое использование, обуславливают специфику их правовой охраны,

¹ См.: Архив экономического суда г. Душанбе от 2012 года (Дело № 4-156/12).

проявляющуюся в том, что сдача в прокат не включается в состав права на распространение экземпляра произведения. Данное правило соответствует положениям ст. 7 Договора ВОИС по авторскому праву.

В качестве следующего аспекта нашего исследования рассмотрим вопрос исчерпания права, в отношении которого в сфере интеллектуального права сформировалось три модели: национальная, региональная и международная. В основе их разграничения лежит географический критерий. Так, например, согласно национальной модели, правообладатель теряет возможность препятствовать дальнейшему обороту экземпляра товара исключительно на территории того государства, в котором этот товар был введён в оборот. Ввоз же экземпляров товара из других государств (так называемый параллельный импорт) без согласия правообладателя не допускается.

Исчерпание исключительного права правообладателя в рамках региональной модели предполагает, что оно действует в пределах единой таможенной территории нескольких государств¹. Примером этой модели, в частности, может служить Европейский союз, по всей территории которого могут распространяться товары, введённые в оборот только в одном из его государств-членов.

В основе международной модели исчерпания исключительного права лежит предпосылка, что обладатель исключительного права утрачивает возможность препятствовать дальнейшему обороту экземпляра товара в любом государстве, независимо от юрисдикции.

Следует отметить, что выбор той или иной модели исчерпания права относится к исключительным полномочиям государства и предопределяется его правовой политикой. Республика Таджикистан при регулировании этого вопроса сделала выбор в пользу национального подхода. Такой вывод

¹ См.: Гаврилов Д.А. Правовая защита от недобросовестной конкуренции в сфере исключительных прав на средства индивидуализации и иные объекты промышленной собственности. -М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014. – С. 50.

вытекает из анализа действующего законодательства. Вместе с тем, применительно к некоторым отраслям права интеллектуальной собственности вопрос территориальных рамок действия конструкции исчерпания права законодатель оставляет открытым. Так, например, в Законе РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания» в его ст. 28 прямо заложена национальная модель исчерпания права, основанного на регистрации товарного знака.

В то же время, в Законе РТ «Об изобретениях» принцип исчерпания исключительного права в патентном праве хотя и находит свою реализацию в абз. 6 ст. 30, однако в ней не делается указание на территорию коммерческого оборота, где должно произойти введение средств, содержащих изобретение.

Аналогичным образом, в Законе РТ «О промышленных образцах» конструкция исчерпания права находит отражение в абз. 6 ст. 25, однако, как и в Законе РТ «Об изобретениях», прямое указание на национальную модель отсутствует.

Такой же подход наблюдается в Законе РТ «Об авторском праве и смежных правах». Закрепляя в ч.3 ст. 16 Закона принцип исчерпания права автора на распространение произведения, законодатель, тем не менее, не уточняет модель исчерпания права. Такое положение мы расцениваем как серьёзный пробел правового регулирования особенно в части квалификации параллельного импорта и его допустимости.

Юридическая конструкция параллельного импорта представляет собой ввоз в страну оригинальных товаров, ранее введённых в законный оборот за пределами страны без разрешения правообладателя на такой ввоз¹. Параллельный импорт может иметь как правомерный, так и противоправный характер в зависимости от того, какая модель исчерпания исключительного права применяется в конкретном государстве. Законодательное закрепление

¹ См.: Еременко В.И. Принцип исчерпания права на товарный знак и проблемы параллельного импорта // Законодательство и экономика. - М.: Законодательство и экономика, 2013, № 6. - С. 47.

национальной модели приведёт к квалификации ввоза оригинального товара, купленного за рубежом, без разрешения правообладателя как нарушение исключительного права. В случае же применения международного принципа, напротив, параллельный импорт не будет нарушать исключительные права правообладателя, так как они исчерпываются при первом легальном введении товара в гражданский оборот независимо от территории.

Отсутствие в законодательстве Республики Таджикистан чётко сформулированного подхода к режиму исчерпания исключительного права создаёт правовую неопределённость, так как участники рынка, включая, как самих правообладателей, так и импортёров и дистрибьюторов, не обеспечены достаточным законодательным основанием для правомерного поведения.

Для преодоления указанных пробелов правового регулирования целесообразным представляется дополнить нормы, касающиеся исчерпания исключительного права, предусмотренные в Законах Республики Таджикистан «Об изобретениях», «О промышленных образцах», «Об авторском праве и смежных правах», поправками, направленными на законодательное закрепление национального режима исчерпания права. *Для этого предлагаем дополнить абз. 6 ст. 30 Закона РТ «Об изобретениях», абз. 6 ст. 25 Закона РТ «О промышленных образцах», ч.3 ст. 16 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах фразой «на территории Республики Таджикистан» после слов «введён в оборот».*

Предлагаемые поправки позволяют, на наш взгляд, однозначно определить правовую позицию Республики Таджикистан по отношению к параллельному импорту, а именно приравнять его к нарушению исключительного права, за исключением случаев, когда товар был введён в оборот на территории республики с согласия правообладателя.

Всё вышеизложенное подтверждает, что исчерпание исключительного права выступает важным ограничением монопольного положения правообладателя на стадии введения в гражданский оборот объектов исключительных прав. Вместе с тем, цифровизация гражданского оборота

породила новые сложности по применению конструкции исчерпания права к экземплярам охраняемых объектов, введенным в оборот в электронной форме. Рассмотрим этот вопрос на примере авторского права.

Положения ч.3 ст. 16 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах» сконструированы таким образом, что учитывают особенности применения принципа исчерпания права только к экземпляру произведения, воплощенному в материальную форму. Из области регулирования этой нормы выпадают цифровые копии произведения, не имеющие материальной оболочки. На основании этого можно заключить, что без согласия правообладателя законный владелец электронной копии произведения не вправе повторно вводить её в коммерческий оборот.

В российском законодательстве и его судебной практике отражена аналогичная позиция, в соответствии с которой цифровые копии не считаются экземплярами, введенными в оборот, и не подпадают под режим исчерпания, следовательно «нарушением исключительного права на произведение является неправомерное доведение до всеобщего сведения (в том числе при неправомерном размещении в сети «Интернет»))»¹.

Такой подход доминирует в международной практике² и мы полностью с ним согласны. Хотя в открытом доступе в сети «Интернет» опубликованы международные прецеденты, свидетельствующие о признании допустимым вторичный коммерческий оборот цифровых копий³.

В правовой доктрине наблюдается спорность этого вопроса. В частности, по мнению некоторых авторов, актуальность применения устоявшегося законодательного подхода ставится под сомнение технологическими возможностями, которые демонстрирует современный

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23 апреля 2019 № 10 URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72130696/#ixzz6jpa2Yqaa> (дата обращения: 07.05.2025).

² См.: Memorandum and order United States District Court Southern District of New York URL: <https://cases.justia.com/federal/district-courts/new-york/nysdce/1:2012cv00095/390216/109/0.pdf> (дата обращения: 07.05.2025).

³ См., напр.: UsedSoft GmbH v. Oracle International Corp. ECJ. Case C-128/11. 3 July 2012. URL: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?docid=124564&doclang=EN> (дата обращения: 07.05.2025).

цифровой оборот. Такую позицию, в частности, выражает Н.А. Янчуков, по убеждению которого, сохранение действующего правового регулирования не учитывает текущие цифровые реалии и приводит к искусственному поддержанию монополии правообладателей. Он высказывает позицию в пользу признания легальности оборота цифровых копий объектов авторского права при наличии следующих условий: 1) авторское вознаграждение уже выплачено; 2) соблюдены лицензионные условия¹.

Мы не можем согласиться с изложенной точкой зрения по следующим причинам. Н.А. Янчуков приравнивает, по сути, физический экземпляр произведения к цифровой его копии, что является крайне неверным. Ведь распространение физического экземпляра произведения в коммерческом обороте посредством его передачи другому владельцу имеет своим результатом только смену его владельца, но не приводит к дублированию копии этого экземпляра. Цифровая же передача экземпляра произведения в каждом случае представляет собой процесс копирования. Цифровой экземпляр уже не передаётся в строгом смысле этого слова, а воспроизводится. В этом случае мы имеем дело с техническим воспроизведением новых экземпляров произведения, а не с гражданским оборотом одного и того же экземпляра, как это предполагает конструкция исчерпания права.

Согласно же ст. 16 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах», воспроизведение является самостоятельным правомочием исключительного права, на которое, как мы уже писали выше, принцип исчерпания права не распространяется. Если же признать точку зрения Н. А. Янчукова правильной, то это потребует пересмотра положений названной нормы в сторону уравнивания понятий «распространение» и «воспроизведение», закреплённых в законодательстве об интеллектуальной собственности. Вместе с тем, такое уравнивание исключено, ибо в противном случае это

¹ См.: Янчуков Н. А. Концепция исчерпания права в отношении электронных копий объектов авторских и смежных прав // Молодой ученый. - 2021. - № 8 (350). - С. 155-158.

нарушило бы логику построения содержания исключительного права, где каждое правомочие несёт свою правовую нагрузку, в том числе и правомочия распространения и воспроизведения. Распространение экземпляра выражает собой передачу уже существующей копии охраняемого объекта, в свою очередь, воспроизведение означает создание новых экземпляров.

Так, например, по одному из дистанционных договоров предметом купли-продажи является онлайн-курс по изучению китайского языка, приложением к которому являются PDF-материалы в виде слайдов, видеолекции, таблицы и практические задания. В случае перепродажи этих материалов их покупателем третьему лицу, такие действия будут квалифицироваться не как передача собственного экземпляра материалов, а как создание их новой копии, потому что, продавая скопированную копию своих материалов этот человек не теряет контроль за своим экземпляром, в отличие от того, если бы это был материальный экземпляр (например, книга или диск). В этой связи мы считаем, что перепродажа правомерно приобретённых электронных копий интеллектуальных продуктов квалифицируется не как правомерное действие, а представляет собой нарушение исключительного права на воспроизведение.

В научной литературе имеется немало высказываний о необходимости формирования специальных правовых механизмов регулирования электронных результатов интеллектуальной деятельности с учётом простоты их копирования и распространения, сетевого характера использования и возможности одновременного использования неограниченным кругом лиц¹. Как отмечают по этому поводу Л.А. Новоселова, О.С. Гринь, «в условиях технологической революции невозможно обеспечить снижение издержек и правовых рисков, связанных с предоставлением правовой охраны и использованием результатов интеллектуальной деятельности... Вместе с тем

¹ См, напр.: Меликов У.А. Правовой режим объектов гражданских прав в интернете. – Душанбе: «Эр-граф», 2017. – С. 108.

это требует устранения ряда правовых препятствий, связанных в том числе с пробелами в действующем законодательстве»¹.

По нашему убеждению, чтобы действие принципа исчерпания права отвечало вызовам цифрового времени, необходимо существенно пересмотреть действующее законодательство, включив, во-первых, в его понятийно-категориальный аппарат понятие «цифровой экземпляр объекта интеллектуальной собственности», во-вторых, адаптировать принцип исчерпания права к этому правовому феномену нового типа, порождённому веком цифровых технологий.

2.3 Ограничения исключительного права, установленные в интересах третьих лиц и общества (внешние ограничения)

Ограничения исключительного права, установленные в интересах третьих лиц и общества, занимают самостоятельное место в системе ограничений интеллектуальных прав. Их главная цель заключается в установлении справедливого соотношения интересов правообладателя, с одной стороны, и интересов общества или третьих лиц – с другой стороны. Публичный (общественный) интерес здесь, подмечает Р.И. Ситдикова, не связан с какой-либо конкретной общностью или субъектами, а имеет объективный характер. Отдельный субъект в определённый момент может и не иметь интереса в доступе к результатам интеллектуального труда, но общество заинтересовано в том, чтобы объективная возможность этого существовала². Как верно подчёркивает Н.В. Бузова, законодатель введением этих ограничений устанавливает разумный компромисс между правами создателей интеллектуальных продуктов и доступностью этих продуктов

¹ Новоселова, Л.А., Гринь, О. С. Цифровизация интеллектуальной собственности: административные барьеры // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. - 2019. - №32. – С. 164.

² См.: Ситдикова Р.И. Общественный интерес в авторском праве // Современное право. - 2012. - № 5. - С. 106.

общественности для повышения её интеллектуального уровня¹. И даже процедуры, формально направленные на проверку действительности патента, пронизаны, как обращает внимание Л.А. Новоселова, идеей поиска равновесия частных и публичных интересов². То, каким образом обеспечивается этот баланс, и составляет центральную проблему настоящего параграфа.

В юридической литературе для обозначения данной группы ограничений используется различная терминология. Так, например, А.С. Ворожевич называет их «способами использования объекта интеллектуальной собственности третьими лицами без согласия на то правообладателя»³. Р.И. Ситдикова использует термин «институт свободного использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации»⁴. Исследуя данную группу прав применительно к авторским правам, М.А. Дмитриев обозначает их в качестве пределов исключительных прав и характеризует их тем, что третьи лица в отношении их использования имеют законодательно очерченный объём прав⁵. В.В. Пирогова для обозначения этих ограничений использует формулировку «свободное использование авторских произведений в обороте»⁶. С.П. Вашетькова определяет их как «возможность свободного использования результатов интеллектуальной деятельности третьими лицами без испрашивания разрешения на такое использование у правообладателей»⁷. В

¹ См.: Бузова Н.В. Ограничения авторского права и смежных прав: проблемы цитирования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2019. – № 23. – С. 47.

² См.: Новоселова Л.А. Оспаривание патента: публичный или частный интерес? // Труды Института государства и права РАН. - 2024. Том 19. - № 4. – С. 132.

³ Ворожевич А. С. Ограничения исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2020. – С. 32.

⁴ Ситдикова Р.И. Ограничения исключительных прав в механизме охраны авторских прав // Российский юридический журнал. - 2013. - № 1. – С. 126.

⁵ См.: Дмитриев М.А. К вопросу о пределах исключительного права на произведения науки, литературы и искусства // Российский судья. - 2012. - № 10. – С. 20.

⁶ См.: Пирогова В.В. К вопросу использования авторского произведения: содержание исключительных прав // Справочно-поисковая система Консультант Плюс. Версия 4012.00.Б2. – Режим доступа: локальный. – 2012.

⁷ Вашетькова С.П. «Ограничения реализации исключительных прав правообладателя // Право. Экономика. Психология. – 2021. - № 3 (23). - С. 7.

зарубежном праве эта группа ограничений именуется «доктриной добросовестного использования»¹.

А.В. Малько предложил теорию, которая позволяет глубоко понять эту группу ограничений. Она называется теорией правовых стимулов и ограничений и суть её состоит в том, что в основе выбора типа правового средства – стимула или ограничения, лежит интерес, которому это правовое средство служит. Стимулирующие правовые средства служат интересу самого субъекта, в то время как ограничивающие правовые средства направлены на реализацию «чужого» интереса, то есть интереса иного субъекта правоотношения или общества в целом².

Применение этой теории к ограничениям исключительного права в интересах третьих лиц позволяет признать предусмотренную законом возможность использования объекта интеллектуальной собственности третьими лицами, вопреки воле правообладателя, ограничивающим правовым средством, направленным на удовлетворение внешних по отношению к правообладателю интересов. Как охарактеризовал данную группу ограничений А.Л. Маковский, это ограничения, в которых «наиболее отчетливо выразилось противостояние и столкновение интересов обладателя исключительного права и общества»³. Однако надо понимать, что введением таких ограничений законодатель руководствовался скорее стремлением гармонизировать частные и публичные интересы, нежели ущемить интересы правообладателя. Поэтому в механизме правового регулирования они не только предназначены для сдерживания правовой монополии правообладателя, но и служат инструментом достижения баланса между интересами правообладателя и общественным доступом к результатам интеллектуального труда.

¹ См.: Луткова О. В. Доктрина добросовестного использования произведений в современном авторском праве США // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2016. - №2. – С. 186-199.

² См.: Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. // URL: <http://bibliotekar.ru/teoria-gosudarstva-i-prava-1/index.htm> (дата обращения: 23.06.2025)

³ Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Л. Маковского. – М.: Статут, 2008 // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=15778&ysclid=mart6> (дата обращения: 01.04.2025).

Идея баланса интересов представляет собой крайне актуальную проблему в сфере интеллектуального права. Зародившись как юридическое обоснование ограничений исключительных прав, эта идея получила широкое развитие в правовой доктрине и вылилась в целый ряд теорий, построенных на различных вариациях соотношения частных и публичных интересов. В этом контексте интерес представляет анализ этих теорий, проведенный М.В. Лабзиным, который показал, как различные научные подходы отражают попытки ответить на вопрос, в каких пределах и на каком основании допустимо вмешательство в исключительное право и в пользу чьих интересов такое вмешательство может быть обосновано. В частности, предметом анализа М.В. Лабзина явились следующие научные подходы: персональная теория, теория вознаграждения (трудовая теория), утилитарная теория, теория социального планирования, проприетарная теория, монополистическая теория, теория запрещения (негативная теория), позитивная концепция¹.

Рассмотрение этих теоретических подходов не является целью нашего исследования, тем более что данная задача уже получила всестороннее освещение в работе М.В. Лабзина. Мы лишь хотим подчеркнуть, что существование многообразия теоретических подходов к пониманию данного вопроса подтверждает тот факт, что в основе права интеллектуальной собственности лежит взаимосвязь и противостояние частных и публичных интересов. В силу этого, достижение баланса этих интересов через правовой инструмент ограничения исключительных прав является не просто вызовом, а объективной необходимостью. Как пишет сам М.В. Лабзин, право интеллектуальной собственности должно содействовать включение результатов интеллектуальной деятельности в гражданский оборот², а значит,

¹ См.: Лабзин М.В. Научные концепции понимания права интеллектуальной собственности // Патенты и лицензии. - М., 2014, № 8. - С. 57-68.

² См.: Лабзин М.В. Указ. соч. – С. 61.

обеспечивать устойчивость этого оборота через баланс частных и публичных интересов.

Между тем, установления разумного баланса между интересами третьих лиц, общества и обладателями исключительного права, по справедливому замечанию С.П. Вашетьковой, является важным не только для полноценного обращения результатов интеллектуальной деятельности, но и для нормального функционирования системы исключительных прав, а также борьбы с возможными нарушениями законодательства¹. Данная цель, по её мнению, достигается благодаря конструкции ограничения действия исключительных прав². Похожим образом, А.С. Ворожевич формирует концепцию границ исключительного права через призму баланса интересов правообладателя и общества³.

Идея баланса частных и публичных интересов в сфере интеллектуальных прав нашла своё правовое воплощение во многих международных правовых актах. Так, например, в рамках Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности ТРИПС 1994 года данный эффект достигается через расстановку приоритетов между охраной прав правообладателей и доступом общества к новым технологиям и знаниям (ст.7). Соглашение ТРИПС, помимо этого, в ст. 13 предусматривает правило так называемого «трёхступенчатого теста», в котором перечисляются критерии, применяемые для оценки допустимости ограничений исключительных прав. В соответствии с ним, ограничения исключительных прав допустимы только при одновременном соблюдении трёх условий: 1) предусмотрены в особых случаях; 2) не противоречат нормальному использованию объекта; 3) не наносят необоснованного ущерба законным интересам правообладателя. Дополнительное закрепление трёхступенчатый

¹ См.: Вашетькова С.П. «Ограничения реализации исключительных прав правообладателя // Право. Экономика. Психология. – 2021. - № 3 (23). - С. 4.

² См.: Вашетькова С.П. Указ. соч. - С. 8.

³ См.: Ворожевич А. С. Указ.соч. – С. 11.

тест находит в ст. 9 (2) Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений 1886 года.

Говоря о правовом регулировании данного вопроса в национальном праве Республики Таджикистан, следует отметить, что в Гражданском кодексе РТ и специальном законодательстве в области интеллектуальной собственности принцип баланса интересов правообладателей и общества и правило трёхступенчатого теста явно не сформулированы. Однако в их нормах имеются отдельные упоминания об этом. Так, ст. 1238 Гражданского кодекса РТ хотя и не называет интересы третьих лиц как основание ограничений интеллектуальных прав, тем не менее, создаёт нормативную основу для допустимости вмешательства в сферу реализации исключительных прав, устанавливая общие критерии правомерности таких ограничений, а именно 1) ограничение не мешает нормальной эксплуатации охраняемого объекта; 2) ограничение не вредит интересам правообладателя.

Конкретизация этих критериев находит закрепление в специальном законодательстве. Так, например, ограничения авторских прав в интересах третьих лиц предусмотрены в ст.ст. 19-22, 24, 39-41 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах». В Законе РТ «Об изобретениях» ограничения исключительных прав патентообладателя в пользу конкретных третьих лиц или широкого круга лиц установлены в ст.ст. 28, 30, 31, 34. В Законе РТ «О промышленных образцах» такие ограничения закреплены в ст.ст. 25, 26, 29.

Анализ специального законодательства позволяет выявить общие характеристики ограничений исключительных прав рассматриваемой группы, рассмотрение которых является предметом дальнейшего исследования. В силу того, что внешние ограничения исключительных прав вытекают из прямого указания закона, к числу их основных характеристик относится их императивный характер. Из этого вытекает, что правообладатель не может по собственному усмотрению отменить или изменить действие этих норм, а третьи лица, в пользу которых действует ограничение, имеют законное право при соблюдении законодательно

установленных условий совершать определённые действия в отношении объекта интеллектуальной собственности без разрешения правообладателя. Как справедливо по этому поводу отмечают О. Луткова и Д. Черныш, в контексте авторских прав данное ограничение порождает для самого автора невозможность запретить использование его произведения третьими лицами¹.

Этот вывод позволяет вывести следующий признак ограничений исключительного права рассматриваемой группы – их целевую направленность на внешние интересы. Под внешними интересами в данном случае понимаются интересы третьих лиц и общественно значимые интересы.

Особенность ограничений исключительных прав, установленных в интересах третьих лиц, заключается в том, что в этой группе ограничений смещается фокус правового регулирования с правообладателя на третье лицо или общество в целом. Не защита правообладателя оказывается в центре правового регулирования, а внешние интересы. Законодатель, предоставляя третьим лицам право использовать объект исключительного права без согласия правообладателя, ставит «во главу угла» не субъективную волю правообладателя, а общественно значимые потребности. Эти ограничения, отмечает Р.И. Ситдикова, не запрещают какие-либо действия правообладателей, а разрешают иным лицам совершать определенные действия без разрешения правообладателей².

Анализ действующего законодательства Республики Таджикистан позволяет в рамках рассматриваемой группы ограничений выделить два типа интересов, в защиту которых они устанавливаются: 1) обеспечение частных интересов; 2) обеспечение интересов публичного характера.

¹ См.: Луткова О., Черныш Д. Конвенционное регулирование свободного использования произведений в трансграничном коммерческом обороте // Авторское право и смежные права. - 2011.- № 12. - С. 48.

² Ситдикова Р.И. Указ. соч. - С. 127.

Такое разграничение интересов на типы имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Так, ограничения, основанные на интересах первого типа, направлены на удовлетворение личных потребностей третьих лиц и, как правило, предполагают некоммерческий характер использования объекта исключительных прав. Так, например, ограничения исключительных прав в отношении объектов авторского права, так называемые «свободные использования», имеют своей целью удовлетворение образовательных, научных, информационных потребностей, которая, как пишет А.Л. Маковский, имеет «заведомо некоммерческую направленность»¹. К их числу Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах», в частности, относит воспроизведение в личных целях, использование в учебных и научных целях, цитирование (ст. ст. 19, 20 Закона).

В свою очередь, ограничения, вытекающие из публичных интересов и социально значимых целей, могут допускать коммерческое использование объектов исключительных прав. Для подтверждения этого вывода можно назвать механизм принудительной лицензии, предусмотренный в ст. 1245 Гражданского кодекса РФ и ст. 28 Закона РФ «Об изобретениях». Данным механизмом допускается возможность использования объекта исключительного права третьими лицами для использования объекта в хозяйственной (в том числе коммерческой) деятельности, если такое использование согласуется с интересами рыночного развития, отвечает социальным целям.

Помимо этого, Закон РФ «Об изобретениях» допускает использование изобретения без согласия патентообладателя в чрезвычайных ситуациях, когда этого требуют интересы национальной безопасности, охрана жизни и здоровья граждан, защита окружающей среды (ч.4 ст. 28 Закона).

¹ Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Л. Маковского. – М.: Статут, 2008 // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=15778&ysclid=mart6> (дата обращения: 01.04.2025).

Право преждепользования является следующим примером внешних ограничений, и его конструкция закреплена в Законе РТ «Об изобретениях» (ст. 31) и Законе РТ «О промышленных образцах» (ст. 26).

Основной его идеей является защита интересов тех лиц, которые начали использование результата интеллектуального труда до даты подачи заявки на его правовую охрану другим лицом. По замыслу законодателя лицо, которое добросовестно использовало соответствующее изобретение или промышленный образец до даты приоритета, получает юридическую возможность на продолжение использования этого объекта без согласия патентообладателя. При этом такие действия этого лица не расцениваются как нарушения исключительных прав патентообладателя. Такой нормой законодатель имеет цель обеспечить соразмерность между исключительной правовой монополией правообладателя и потребностью иных лиц в доступе к этому объекту.

Следующим признаком ограничений исключительного права в интересах третьих лиц является их специальный нормативный характер. Такая особенность означает, что внешние ограничения исключительного права должны быть чётко и исчерпывающе закреплены в законе и никакие расширительные толкования к ним не приемлемы. Уместным в этой связи представляется привести следующее высказывание К.П. Победоносцева: «Неограниченность в собственности всегда предполагается, ограничения должны быть доказаны»¹. В продолжение этой цитаты похожим образом высказался Г.Ф. Шершеневич: «Ограничения в праве собственности никогда не предполагаются: они должны быть явно установлены законом или договором»².

Несмотря на то, что эти высказывания касаются права собственности, они в полной мере применимы и к сфере исключительных прав, как к

¹ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. - М.: Статут, 2002. - С. 198.

² Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. В 2 т. Т. 1. Общая часть / Г. Ф. Шершеневич. - М.: Юрайт, 2024. - С. 278.

разновидности абсолютных имущественных прав, обеспечивающих юридическое господство правообладателя над охраняемым объектом. Ведь целью введения внешних ограничений является не устранение монополии правообладателя, а защита определённых категорий лиц, интересы которых, как пишет А.Л. Маковский, закон берёт под защиту вследствие общественной и социальной значимости этих интересов¹.

Вышеизложенное позволило нам понять специфику ограничений исключительных прав, установленных в интересах третьих лиц и общественных интересах, по трём ключевым признакам: 1) императивному их характеру; 2) целевой направленности на внешние интересы; 3) специальному нормативному характеру.

Что касается юридических форм выражения ограничений исключительных прав данной группы, анализ действующего законодательства Республики Таджикистан в сфере интеллектуальной собственности позволяет выделить пять следующих их подгрупп:

1) Ограничения исключительных прав в личных целях третьих лиц. Особенность этих ограничений состоит в том, что они обусловлены некоммерческим характером целей использования охраняемых объектов третьими лицами. То есть обязательным условием допустимости этих ограничений является отсутствие у третьего лица намерения извлекать прибыль от использования чужого результата интеллектуального труда.

Такого рода ограничения предусмотрены в ряде специальных законах. Так, в ст. ст. 19, 39 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах» предусматривается возможность воспроизведения чужого правомерно выпущенного в свет произведения исключительно в целях удовлетворения личных потребностей. Также без согласия автора или иного обладателя авторских прав допускается воспроизведение произведений без извлечения

¹ См.: Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Л. Маковского. — М.: Статут, 2008 // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=15778&ysclid=mart6> (дата обращения: 01.04.2025).

прибыли рельефно-точечным шрифтом или другими специальными способами для слепых (п.6 ст. 20 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах»).

В сфере патентного права ограничения данной подгруппы предусмотрены в ст. 30 Закона РТ «Об изобретениях», где прямо установлено, что разовое изготовление лекарств по рецептам врача не признаётся нарушением исключительного права патентообладателя. Кроме этого, в этой же статье Закона РТ «Об изобретениях» и в ст. 25 Закона РТ «О промышленных образцах» говорится о применении изобретений и промышленных образцов не в целях получения дохода.

2) Ограничения исключительных прав в научных, учебных и культурных целях. Опять же здесь обязательным условием является отсутствие намерения получить коммерческую выгоду, потому что использование охраняемого объекта сосредоточено на получении с помощью него новых знаний или усвоении имеющихся знаний и развитие опыта.

Применительно к авторскому праву данные ограничения выражаются в допустимости таких форм свободного использования произведения, как цитирование в оригинале, публикация в качестве иллюстраций, репродуцирование в единичном экземпляре (ст. 20 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах»), декомпилирование программы для ЭВМ (ст. 24 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах»), публичное исполнение фонограммы и передача её в эфир (ст. 41 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах»).

В сфере патентного права ограничения данной подгруппы предусмотрены в ст. 30 Закона РТ «Об изобретениях», в соответствии с которой без согласия правообладателя допускается проведение научного исследования или эксперимента над средствами, содержащими изобретения.

3. Ограничения исключительных прав в общественно-информационных интересах. В данном случае речь идёт об использовании произведений, речей и статей в целях освещения текущих событий, общественной

дискуссии и доступа к информации (ст. 20, 21, 41 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах»), о публичном исполнении музыкальных произведений во время официальных и религиозных церемоний (ст. 21 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах»).

4. Ограничения исключительных прав в чрезвычайных обстоятельствах.

К данной подгруппе ограничений относится предоставление принудительных лицензий (ст. 1245 Гражданского кодекса РТ; ст. 28 Закона РТ «Об изобретениях»), а также использование объектов исключительных прав при ликвидации последствий катастроф, стихийных бедствий, а также в интересах национальной безопасности (ст. 28, 30 Закона РТ «Об изобретениях»; ст. 25 Закона РТ «О промышленных образцах»).

5. Ограничения исключительных прав, связанные с функционированием особых правовых режимов. Применение этих ограничений связано с ситуациями, когда свободное использование охраняемого объекта оправдывается существованием особых обстоятельств, сохранение исключительной монополии правообладателя при которых нарушало бы справедливое соотношение интересов.

В качестве примера приведём конструкцию права преждепользования, закреплённую в ст. 31 Закона РТ «Об изобретениях» и ст. 26 Закона РТ «О промышленных образцах». Ключевой её идея является сохранение за лицом, которое создало и использовало тождественное изобретение независимо от его автора до даты приоритета изобретения, права безвозмездно использовать изобретение без расширения объёма его производства.

Схожей правовой природой характеризуется конструкция права послепользования, предусмотренное в ст. 34 Закона РТ «Об изобретениях» и ст. 29 Закона РТ «О промышленных образцах». Данное право сохраняет за любым лицом, которое в период между датой прекращения и датой восстановления действия патента начало использовать охраняемое изобретение (промышленный образец), возможность на дальнейшее его безвозмездное использование без расширения объёма.

В числе ограничений данной подгруппы также следует назвать ограничения, связанные с целевым использованием программных обеспечений. В частности, законодатель допускает свободное воспроизведение этих программ, если это необходимо для нормального функционирования программы обеспечения её совместимости с другими программами (ст. 24 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах»).

Следует отметить, что вокруг отдельных форм представленной системы внешних ограничений исключительных прав ведётся немало теоретических споров. Некоторые из этих дискуссий связаны с вопросом о том, где проходит грань между свободным цитированием и плагиатом.

Современная наука признаёт свободное цитирование инструментом научной коммуникации, полемики и информационного обмена, ибо знакомство общества с небольшим отрывком произведения того или иного автора позволяет свести читателя с первоисточником. Однако несмотря на такую важность данного ограничения исключительных прав для сферы авторского права, правовое регулирование вопросов, связанных с определением этого понятия, страдает неполнотой и неопределённостью.

Допустимые случаи свободного использования текстов произведений предусмотрены, в частности, в ст. 20 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах: 1) цитирование осуществляется в отношении правомерно опубликованного произведения; 2) в качестве цитаты используется оригинал произведения или его перевод; 3) цитирование служит достижению научно-исследовательских, полемических и информационных целей; 4) объём цитирования оправдан целью цитирования;) при цитировании указаны имя автора и источник заимствования.

Несмотря на такую регламентацию данного вопроса, следует отметить, что на практике возникают сложности применения данной нормы. И эти сложности, в первую очередь, связаны с тем, что в Законе отсутствует легальное определение понятия «цитирования». Кроме этого, законодатель

не определил объём допустимого цитирования и не решил проблему разграничения правомерного цитирования и плагиата.

Можно заключить, что перечисленные выше условия допустимости свободного использования текстов произведений без согласия автора формируют исходные критерии правомерного цитирования. Однако, думается, невзирая на выполняемую ими регулирующую функцию, они не дают ответа на вопрос, где проходит граница между свободным цитированием и плагиатом, потому что в большинстве своём эти условия основаны на субъективной оценке и допускают расширительное толкование. В частности, Закон РТ «Об авторском праве и смежных правах» не содержит легального определения цитирования, оставляя открытым вопрос, что признаётся цитатой, только дословная часть текста произведения или также передача его смысла?

Вызывает также вопросы формулировка ст. 20 Закона «в объёме, оправданном целью цитирования», используемая законодателем для обозначения ориентира допустимого объёма цитирования. Данная формулировка носит явно оценочный характер, потому что не указывает на допустимый количественный предел заимствования, который бы с достаточной определённойностью позволял разграничить правомерное цитирование от нарушения авторских прав.

К слову сказать, Закон РТ «Об авторском праве и смежных правах» в этой части повторяет положения Рекомендательного законодательного акта «Об авторском праве и смежных правах», утверждённого Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 2 ноября 1996 года №8–10. И вероятно, именно этим объясняется, что данная формулировка встречается в авторском праве почти всех государств постсоветского пространства.

История этого вопроса показывает, что в советский период на территории Таджикской ССР действовали Основы авторского права, утвержденные постановлением Центрального Исполнительного Комитета

(ЦИК) и Советом Народных Комиссаров (СНК) СССР от 16 мая 1928 года. В соответствии с этим нормативным правовым актом разработка норм, регулирующих размеры отрывков, перепечатка которых не является нарушением авторского права, была отнесена к ведению союзных Республик. Не признавалось нарушением авторского права перепечатка отрывков произведений, не превышающих 10 тысяч типографских знаков заимствования для прозы и 40 строк – для стихотворений. Заимствование из капитальных научных трудов объёмом не менее 30 печатных листов допускалась в объёме до 40 тысяч типографских знаков¹. Данные правила применялись во всех союзных республиках в течение всего периода действия советской власти и не пересматривались.

В силу того, что в законодательствах многих бывших союзных республик по-прежнему не закреплены конкретные объёмы допустимого свободного цитирования, это дало основание некоторым авторам рассматривать советские нормативы как проявление обычая делового оборота².

Осложняет ситуацию тот факт, что действующее законодательство, кроме того, что не содержит чётко определённого понятия правомерного цитирования, оно также не даёт определение противоправного заимствования, то есть плагиата.

В научной литературе под плагиатом понимается умышленное присвоение авторства идей и текстов чужого произведения³. В открытом доступе имеется определение понятия плагиата, предложенное независимой некоммерческой организацией World Association of Medical Editors (WAME). В соответствии с ним под плагиатом понимается заимствование шести и более последовательных слов (не менее 30 букв) без ссылки на источник⁴.

¹ Оганов А. Авторское право в Таджикистане (1929 – 1997). – Душанбе, 2010. – С. 23.

² См.: Звегинцева Е. А.. Свободное цитирование: пределы и возможности. // Вестник ВГИК. 2021. №1 (47). – С. 133.

³ См.: Духтина, А. Е. Плагиат в научной сфере // Молодой ученый. - 2016. - № 7 (111). - С. 509.

⁴ Masic I. Plagiarism in scientific publishing. Acta Inform Med. 2012 Dec; 20 (4): 208–13. DOI: 10.5455/aim.2012.20.208-213 // дата обращения 12.03.2025).

Однако надо понимать, что данное определение не является официально признанным.

Важно отметить, что Закон РТ «Об авторском праве и смежных правах» вовсе не использует данный термин. Закон предусматривает защиту авторских и смежных прав только от прямого копирования, когда речь идёт о контрафактных экземплярах произведения и фонограммы (ст. 47 Закона), но не содержит нормы, охватывающие случаи косвенного заимствования, когда используется значительная часть произведения без указания автора.

Перечисляя в ст. 20 Закона допустимые случаи использования источника заимствования, законодатель не делает чётких разграничений между правомерным цитированием и незаконным заимствованием. Разрешая использование источника заимствования с указанием имени автора, тем не менее, в Законе не даются пояснения относительно того, в какой момент цитирование выходит за границы правомерного заимствования и перерастает в плагиат.

Из всего действующего законодательства понятие плагиата упоминается только в ст. 156 Уголовного кодекса РТ. Здесь определение данной дефиниции ограничивается двумя словами – как «присвоение авторства» и не включает описание существенных его признаков. По сути, конструкция этой нормы построена таким образом, что лишь констатирует факт ответственности за плагиат, но не раскрывает само понятие и признаки этого противоправного деяния.

Такая фрагментарность и неполнота правового регулирования, безусловно, негативно отражаются на полноте содержания такого ограничение исключительного права, как свободное цитирование, так как оставляют неясными содержание и границы этого ограничения.

Чтобы преодолеть указанные недостатки законодательной базы, решением, на наш взгляд, может служить нормативное уточнение признаков правомерного цитирования, установление предельного объёма допустимого заимствования, а также определение признаков плагиата.

Мы не будем предлагать собственный подход к определению критериев разграничения свободного цитирования и плагиата, потому что такое решение помимо знаний юриспруденции требует также глубокое понимание особенностей творческого процесса и этических норм. Мы лишь хотели обосновать необходимость законодательного разграничения правомерного цитирования и плагиата и показать важность решения этого вопроса для понимания сути данного ограничения исключительного права.

В контексте поставленной проблемы уместно отметить, что в юридической литературе вызывает критику формулировка такого условия допустимости свободного цитирования, как «в объёме, оправданном целью цитирования». А.С. Ворожевич, обращая внимание на проблему правоприменения этого критерия, предлагает конкретизировать его с учётом специфики разных объектов авторского права по соотношению объёмов текста, длительности, размера изображения и так далее. Но сделать это, по её мнению, необходимо на уровне разъяснений высшей судебной инстанции¹.

Следует согласиться с тем, что к оценке объёма правомерного цитирования необходимо подходить с учётом специфики произведения, в рамках которого осуществляется заимствование. Мы не согласны, однако, с тем, что такая оценка должна исходить от судебных органов. Думается делегирование этой задачи судебной власти – это неверное решение, потому что суд не обладает нормотворческой функцией. Суд – это орган правоприменения, его задачей является разрешение споров, а не определение правил регулирования поведения. Попытка возложить на суд разработку критериев допустимого объёма цитирования, по сути, подменяет законодательное регулирование судебным усмотрением и не решает в целом проблему правовой определённости.

Следующее ограничение исключительных прав в интересах третьих лиц, которое заслуживает, на наш взгляд, особого внимания, является

¹ См.: Ворожевич А. С. Ограничения исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2020. – С. 37.

принудительная лицензия. Суть данного правового инструмента заключается в том, что государство через судебные органы разрешает заинтересованному лицу использовать без согласия правообладателя охраняемый объект при соблюдении определённых условий, в том числе выплаты компенсации правообладателю.

Будучи вынужденной мерой, принудительная лицензия преследует цель предотвратить злоупотребления со стороны правообладателя. Она применяется против воли правообладателя, когда иное правовое решение невозможно или несправедливо с точки зрения интересов третьих лиц или общества. Некоторые авторы в этой связи подчёркивают её ярко выраженный штрафной характер¹.

Мы усматриваем в этом выводе важное наблюдение. Дело в том, что конструкция принудительного лицензирования может быть рассмотрена с учётом обеих этих плоскостей, то есть и как ограничение исключительного права в интересах третьих лиц, и как следствие злоупотребление правообладателем своим правом.

С точки зрения ограничений исключительного права, принудительная лицензия имеет характер некоего изъятия из сферы действия исключительного права, имеющего своей целью обеспечение доступа иных лиц к результату интеллектуального труда или удовлетворение общественных и публичных интересов.

В контексте же пределов осуществления исключительного права, принудительная лицензия выступает в роли ответной реакции государства на недопустимое поведение обладателя исключительного права, когда он сам не реализует свои возможности, и при этом препятствует иным лицам использовать охраняемый объект в общественных интересах. То есть с этой стороны принудительная лицензия, в силу её штрафного характера,

¹ Еременко В.И. Исключения из патентной монополии в соответствии с частью четвертой ГК РФ // Законодательство и экономика. - 2008. - № 8. - С. 15.

подчёркнутого В.И. Еременко, выступает правовым инструментом сдерживания злоупотребления правом.

В нашем исследовании мы поместили рассмотрение этого вопроса именно в настоящий параграф, так как, несмотря на такой двуаспектный характер принудительной лицензии, формально-юридическая её природа сводится к режиму ограничения исключительного права.

Конструкция принудительной лицензии выполняет функцию не только вынужденного решения, но и крайней мерой, потому что её применение допускается только при наличии особых исключительных оснований, предусмотренных законом. Так, в Законе РТ «Об изобретениях» говорится о следующих таких основаниях:

1. *Связь изобретения от ранее запатентованного изобретения в случае отказа обладателя первого патента от заключения лицензионного договора.* Такое основание предусмотрено в ст. 26 Закона РТ «Об изобретениях», где предусмотрено право обладателя патента обратиться в суд с требованием о предоставлении ему принудительной лицензии на использование ранее запатентованного изобретения, после отказа ему со стороны обладателя ранее полученного патента в заключении лицензионного договора.

Здесь второй патентообладатель выступает в роли третьего лица, нуждающегося в доступе к чужому исключительному праву для реализации собственного исключительного права.

Принудительная лицензия предоставляется заинтересованному лицу в тех случаях, когда зависимое изобретение, во-первых, имеет характер важного научного технического достижения, во-вторых, обладает существенными экономическими преимуществами перед изобретением обладателя первого патента.

2. *Неиспользование или недостаточное использование изобретения без уважительных причин.* Такое основание закреплено в ст. 28 Закона РТ «Об изобретениях», в соответствии с которым неиспользование патентообладателем без уважительных причин в течение пяти лет с момента

публикации патента и отказ заключить лицензионный договор являются основаниями для предоставления заинтересованному лицу принудительной лицензии.

Как обоснованно отмечается в юридической литературе, ключевое значение в данном основании ограничения исключительного права имеют понятия «неиспользование» и «недостаточное использование» запатентованного объекта¹. Именно с этими понятиями законодатель связывает саму возможность вмешательства в исключительное право патентообладателя. Однако их формулировка, на наш взгляд, не отличается точностью и однозначностью.

Если с понятием неиспользования в целом всё понятно, поскольку оно поддаётся фактической проверке, то формулировка «недостаточное использование» вызывает естественный вопрос, какое именно использование запатентованного объекта считается достаточным?

Практика Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) рекомендует государствам на уровне национального законодательства разрабатывать внутренние критерии оценки достаточности использования и различать «легитимное» неиспользование от злоупотребления правом. В частности, в исследовании ВОИС приводятся примеры нормативной конкретизации понятия «недостаточное использование» в рамках правовых систем отдельных государств.

В Бразилии, например, критерием достаточного использования интеллектуального продукта является факт осуществления его производство внутри страны. Не может, при этом, признаваться надлежащим использованием импорт этого товара, если он не сопровождается внутренним производством. Точно так же в Индии понятие недостаточного использования связывается с уровнем доступности запатентованного товара на внутреннем рынке. Законодательство Кении одним из признаков

¹ См.: Еременко В.И. Исключения из патентной монополии в соответствии с частью четвертой ГК РФ // Законодательство и экономика. - М., 2008, № 8. – С. 32.

недостаточного использования указывает недостаточное удовлетворение внутреннего спроса¹.

Приведённые законодательные подходы наглядно демонстрируют, что оценочные конструкции на примере понятия «недостаточное использование» могут быть успешно конкретизированы на законодательном уровне. Закрепление в законе обязанности патентообладателя использовать изобретение на территории государства придаёт понятию «недостаточное использование» элемент измеримости и создаёт нормативный критерий, позволяющий разграничить достаточное использование от недостаточного. Думается такой международный опыт должен быть учтён Республикой Таджикистан и внедрён в патентное законодательство.

3. Использование изобретения в интересах национальной безопасности и при чрезвычайных обстоятельствах. Данное основание закреплено в ч.4 ст. 28 Закона РТ «Об изобретениях». В соответствии с ним разрешается в чрезвычайных ситуациях на уровне Постановления Правительства Республики Таджикистан использование запатентованного изобретения без согласия правообладателя, если такое использование необходимо для обеспечения национальной безопасности. В данном случае патентообладателю должна быть выплачена соразмерная компенсация.

Рассмотрев вышеуказанные основания выдачи принудительной лицензии, следует обратить внимание, что их перечень определён законодателем как исчерпывающий. Мы видим такое положение неправильным с точки зрения полноты правового регулирования, потому что этот перечень не охватывает ряд иных общественно значимых обстоятельств, порождаемых современным укладом жизни. Говоря о таких обстоятельствах, мы имеем в виду интересы устойчивого развития, экологические интересы, публичные интересы в сфере здравоохранения и др.

¹ См.: Всемирная организация интеллектуальной собственности. **Исследование по патентным гибким механизмам в многосторонней правовой системе и их реализации на национальном и региональном уровнях.** SCP/13/3. Женева: ВОИС, 2009. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/scp/en/scp_13/scp_13_3.pdf (дата обращения: 10.05.2025).

Думается, в данных ситуациях механизм принудительной лицензии также был бы социально и экономически оправданным. В этой связи мы видим целесообразным расширить перечень оснований для предоставления принудительной лицензии, указанный в ч.2 ст. 28 Закона РТ «Об изобретениях», включив в него названные выше общественно значимые обстоятельства и изложить данную норму в следующей редакции:

«В интересах национальной безопасности, а равно в иных случаях, когда использование изобретения необходимо для защиты публичных и общественных интересов, включая чрезвычайные ситуации (стихийные бедствия, катастрофы, крупные аварии), охрану окружающей среды и реализацию целей устойчивого развития, обеспечение доступа к жизненно важным технологиям в сфере охраны здоровья населения, развитие образования и науки, Правительство Республики Таджикистан имеет право разрешить использование изобретения без согласия патентообладателя.

Разрешение на использование изобретения предоставляется с условием выплаты владельцу патента соразмерной компенсации и в пределах объёма и продолжительности, соответствующих целям предоставления разрешения».

Продолжая исследование данного вопроса, следует констатировать, что применительно ко многим объектам интеллектуальной собственности, где бы механизм принудительного лицензирования мог служить эффективным механизмом обеспечения общественных интересов, он не получил нормативного закрепления. Речь идёт о таких охраняемых объектах, как промышленные образцы, топологии интегральных микросхем, полезные модели, новые сорта растений.

При таком законодательном регулировании получается, что если появится необходимость применение механизма принудительного лицензирования к указанным охраняемым объектам в интересах общества и государства, это окажется невозможным в силу отсутствия в законодательстве на то оснований.

Эта правовая невозможность сохраняется даже при наличии общей нормы в ст. 1245 Гражданского кодекса РТ, в которой не закреплён универсальный правовой режим принудительного лицензирования, поскольку эта норма допускает предоставление принудительной лицензии исключительно в случаях, прямо предусмотренных специальными законами.

Устранение этого недостатка требует внесения изменений в ст. 1245 Гражданского кодекса РТ, которые будут подчёркивать универсальный характер принудительной лицензии. Предлагаем следующую редакцию данной нормы:

«Статья 1245. Принудительная лицензия

В случае необходимости использования результата интеллектуальной деятельности в целях защиты общественных интересов, включая национальную безопасность, охрану здоровья, реализацию целей устойчивого развития и охрану окружающей среды, образование, доступ к жизненно важным технологиям суд вправе по требованию заинтересованного лица принять решение о предоставлении этому лицу на указанных в судебном решении условиях права использования результата интеллектуальной деятельности, имущественное право на который принадлежит другому лицу (принудительная лицензия)».

Подытоживая вышеизложенное, отметим, что, безусловно, нам не удалось охватить все правовые аспекты ограничений исключительного права, установленных в интересах третьих лиц. В рамках настоящего параграфа, тем не менее, нам удалось выделить следующие ключевые признаки внешних ограничений исключительных прав: 1) императивный характер; 2) целевая направленность на внешние интересы; 3) специальный нормативный характер.

Наряду с этим, анализ действующего законодательства позволил выделить пять подгрупп юридических форм выражения внешних ограничений исключительных прав:

- 1) ограничения исключительных прав в личных целях третьих лиц;

2) ограничения исключительных прав в научных, учебных и культурных целях;

3) ограничения исключительных прав в общественно-информационных интересах;

4) ограничения исключительных прав в чрезвычайных обстоятельствах;

5) ограничения исключительных прав, связанные с функционированием особых правовых режимов.

Каждая из обозначенных подгрупп внешних ограничений исключительных прав имеет ряд проблем и дискуссионных вопросов в части законодательных подходов их правового закрепления, некоторые из которых были рассмотрены. Имеются в виду дискуссии, связанные с вопросом о том, где проходит грань между свободным цитированием и плагиатом, а также несовершенства правового регулирования, связанные с механизмом принудительного лицензирования.

По итогам рассмотрения данных вопросов сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства Республики Таджикистан в сфере интеллектуальной собственности. В частности, была обоснована необходимость законодательного разграничения правомерного цитирования и плагиата посредством нормативного уточнения признаков правомерного цитирования, установления предельного объёма допустимого заимствования, а также определения признаков плагиата.

Кроме этого, было предложено расширить перечень оснований для предоставления принудительной лицензии, указанный в ч.2 ст. 28 Закона РТ «Об изобретениях» и изложить данную норму в следующей редакции:

«В интересах национальной безопасности, а равно в иных случаях, когда использование изобретения необходимо для защиты публичных и общественных интересов, включая чрезвычайные ситуации (стихийные бедствия, катастрофы, крупные аварии), охрану окружающей среды и реализацию целей устойчивого развития, обеспечение доступа к жизненно важным технологиям в сфере охраны здоровья населения, развитие

образования и науки, Правительство Республики Таджикистан имеет право разрешить использование изобретения без согласия патентообладателя.

Разрешение на использование изобретения предоставляется с условием выплаты владельцу патента соразмерной компенсации и в пределах объёма и продолжительности, соответствующих целям предоставления разрешения».

С целью придания конструкции принудительной лицензии универсального характера было предложено внести следующие изменения в ст. 1245 Гражданского кодекса РТ:

«Статья 1245. Принудительная лицензия

В случае необходимости использования результата интеллектуальной деятельности в целях защиты общественных интересов, включая национальную безопасность, охрану здоровья, реализацию целей устойчивого развития и охрану окружающей среды, образование, доступ к жизненно важным технологиям суд вправе по требованию заинтересованного лица принять решение о предоставлении этому лицу на указанных в судебном решении условиях права использования результата интеллектуальной деятельности, имущественное право на который принадлежит другому лицу (принудительная лицензия)».

ГЛАВА 3. ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ

3.1 Понятие пределов осуществления исключительных прав и их связь со злоупотреблением исключительным правом

Следуя ранее выдвинутому нами подходу, границы исключительного права проявляются не только в форме ограничений, установленных законом, но также и в форме пределов их осуществления. Говоря словами Н. Остапюк, ограничения исключительных прав отвечают на вопрос, что именно может делать правообладатель в рамках своего исключительного права? Ответ же на вопрос, каким образом правообладатель может реализовать свои возможности обладателя исключительной монополии применительно к конкретной ситуации, это есть пределы осуществления исключительных прав¹. Они (пределы), как пишут Н.Г. Диденко и В.Н. Селиванов, основаны не столько на внешних границах, сколько на внутренних рамках дозволенного, которые вынуждают соотносить осуществление своего права с правами и интересами других лиц².

Этот правовой институт в понимании А.С. Ворожевич, ограничивает выбор правообладателем конкретных действия по реализации своего права, противоречащих институциональному назначению исключительного права³. Нормы о пределах осуществления гражданских прав, по убеждению В.Н. Урукова, являются требованиями закона о соблюдении основ правопорядка и нравственности и запрете использовать свои права, причиняя вред другим лицам⁴.

¹ См.: Остапюк Н. Пределы осуществления и нотариальная защита наследственных прав // Гражданское право. - М.: Юрист, 2006. - № 1. - С. 23.

² См.: Диденко Н.Г., Селиванов В.Н. Право и свобода // Правоведение. - 2001. - № 3. - С. 7.

³ Ворожевич А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Ворожевич Арина Сергеевна. - М., 2021. - С. 34-35.

⁴ См.: Уруков В. Пределы осуществления гражданских прав // Право и экономика. - 2007. - № 3. - С. 103.

Исходной величиной пределов осуществления гражданских прав выступает категория осуществление права¹. Данное понятие традиционно определяется как правомерное поведение субъекта², как дозволенное поведение субъекта³, как гарантированная законодательством возможность действовать⁴. В юридической литературе имеется большое количество терминологически схожих определений, которые несут в себе элемент ограниченности поведения, присущий этой категории. Но наша цель не заключается в том, чтобы дать оценку всем этим определениям, а в том, чтобы применить их к сфере исключительных прав. Их анализ и учёт положений ст. 1248 Гражданского кодекса РФ, которая является специальной нормой, посвящённой осуществлению права интеллектуальной собственности, позволяют сформулировать следующее определение понятия осуществления исключительных прав. Это допустимое поведение правообладателя, выраженное в действии или бездействии, по использованию и распоряжению принадлежащего ему объекта интеллектуальной собственности в пределах, установленных законодательством. Пределы же осуществления исключительных прав, в свою очередь, показывают на очерченные законодателем границы поведения правообладателя, за рамками которых его поведение является уже недозволенным, хотя внешне и находится в границах законного.

Роль пределов осуществления исключительных прав, однако, не сводится только лишь к регулятивной функции. На это, в частности, обращает внимание О.А. Поротикова, которая предложила системный подход к классификации функций пределов осуществления субъективных прав. Из логики её рассуждений вытекает, что помимо регулятивной

¹ См.: Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М.: Волтерс Клувер, 2007. –С.5.

² См.: Гражданское право: в 4 т. Т. 1: Общая часть: учеб. для студентов вузов / под ред. проф. Е.А. Суханова. - М.: Волтерс Клувер, 2008. -С. 533.

³ См.: Матузов Н.И. Теория и практика прав человека в России // Правоведение. - 1998. - № 4. С. 25 - 26.

⁴ См.: Вкут М.А. Субъективные гражданские процессуальные права (понятие и виды) // Вопросы теории и практики гражданского процесса. Гражданское судопроизводство и арбитраж: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1984. - С.12.

функции пределы также направлены на: 1) сдерживание антиобщественных проявлений осуществления права; 2) стимулирование активного поведения носителя права; 3) формирование позитивной ответственности¹.

В свете того, что исключительные права подчиняются основным принципам осуществления права, думается, представленная О.А. Поротиковой систематизация вполне применима и к сфере действия пределов осуществления исключительных прав. Безусловно, главной задачей конструкции пределов осуществления исключительных прав остаётся регулятивная функция. В тоже время, как показывает анализ действующего законодательства Республики Таджикистан, суть этого правового феномена раскрывается и в ряде других функций, о которых заявляет О.А. Поротикова. Так, например, стимулирующая функция закреплена в Гражданском кодексе РТ и Законе РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания» через механизм прекращения права за неиспользование. В частности, согласно п.1 ст. 1248 Гражданского кодекса РТ, в качестве условия действия исключительных прав в определённых случаях на правообладателя может возлагаться обязанность по использованию объекта интеллектуальной собственности. Неисполнение данной обязанности, к примеру, в отношении товарных знаков (знаков обслуживания) на протяжении трёх лет может иметь своим следствием досрочное прекращение правовой охраны объекта (ст. 27 Закона РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания»). Эти нормы под угрозой прекращения действия исключительного права побуждают правообладателя активно использовать товарный знак, тем самым, стимулируя его к осуществлению права.

Отражение охранительной функции можно обнаружить в ст. 38 Закона РТ «Об изобретениях». В ней устанавливается ответственность за ряд противоправных действий в сфере авторства, а именно присвоение авторства на изобретение, принуждение к соавторству, незаконное разглашение

¹ Поротикова О.А. Указ. соч. – С. 60.

сведений об изобретении. Охранительная функция пределов осуществления исключительных прав также проявляется в ст. 47 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах», которая устанавливает прямой запрет на такие формы антисоциального поведения, как воспроизведение и иное использование объектов авторского права без согласия, обход технических средств защиты, устранение информации об управлении правами).

Очень глубоко откликается применительно к пределам осуществления исключительных прав теория позитивной (ретроспективной) ответственности, о которой пишет О.А. Поротикова. В правовой доктрине имеется немало критики в адрес этой теории, основанной на том, что осознание долга является, скорее, нравственным понятием, чем правовым и при его отсутствии, как правило, вопрос об ответственности не ставится¹. Несмотря на такие возражения, мы считаем, что правовое значение позитивной ответственности нельзя недооценивать. Конечно, она не способна устранить последствия неправомерных действий и восстановить нарушенное положение. Но выступая в качестве внутренней установкой на должное поведение, позитивная ответственность способна предупредить недопустимое поведение до начала его проявления. Благодаря такой способности ей приписывают возможность воздействовать на источник формирования правонарушений².

Такой потенциал позитивной ответственности позволяет провести параллель между ней и конструкцией пределов гражданских прав (в нашем случае пределов исключительных прав). Пределы осуществления гражданских прав, так же, как и позитивная ответственность, имеют превентивный характер и направлены на предупреждение недопустимого поведения правообладателя. Помимо этого, оба этих правовых механизма включают социальный аспект. Применительно к пределам осуществления

¹ См. Габричидзе Б.Н., Чернявский А.Г. Юридическая ответственность. - М.: Альфа-М, 2005. - С. 461.

² См.: Хохлов В.А. Ответственность и позитивное регулирование // Гражданское право. – 2008. - № 3. – С. 10.

исключительных прав он проявляется в обязанности правообладателя учитывать интересы общества при реализации своего исключительного права на охраняемый объект. Обе указанные правовые конструкции предполагают применение единых правовых начал, таких как добросовестность, разумность, справедливость, запрет причинения вреда.

Правовая основа пределов исключительного права заложена в ст. 9 Гражданского кодекса РТ, которая является общей нормой по отношению ко всем субъективным гражданским правам, в том числе и интеллектуальным правам. В специальных законах отсутствуют нормы, прямо закрепляющие данную категорию. Пределы осуществления исключительных прав проявляются в специальном законодательстве через встроенные запреты преследовать при реализации права определённые недопустимые цели и через установленные обязанности соблюдать принципы добросовестного осуществления своих прав. В этой связи категория пределов осуществления исключительных прав будет исследована нами с опорой на общие положения ст. 9 Гражданского кодекса РТ, но с акцентом на то, как эти положения реализуются в рамках специальных законов в области интеллектуальной собственности.

Исследуя проблему понимания правовой природы пределов осуществления гражданских прав, ряд авторов называют в качестве общего критерия оценки допустимости таких пределов соблюдение чужих законных интересов¹. Мы согласны с таким мнением, потому что понятие «чужие интересы» подразумевает широкий круг интересов, далеко выходящий за интересы третьих лиц. Ведь гражданскому праву помимо интересов самостоятельных субъектов права не чуждо принимать во внимание и интересы общественные, публичные². Именно о таком широком понимании «чужих интересов» говорится в ст. 9 Гражданского кодекса РТ. Здесь

¹ См.: Мисник Г.А., Арзуманян М.Н. Пределы осуществления гражданских прав // Налоги (газета). – 2008. - № 42.

² См.: Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. - М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 59.

законодатель кроме интересов других субъектов права называет интересы, связанные с защитой конкуренции, природоохранные интересы, а также устоявшиеся в обществе нравственные принципы. Все эти интересы являются внешними («чужими») по отношению к интересам обладателя субъективного гражданского права, а поэтому служат внешними рамками его поведения.

Понятие пределов осуществления гражданских прав тесно связано с понятием злоупотребления правом. Запрет на злоупотребление исключительным правом вытекает из положений ст. 9 Гражданского кодекса РТ. В качестве формы проявления выхода за пределы осуществления правом данная правовая конструкция является давно известной и традиционной. Такая устойчивость этого правового явления, по мнению А.В. Волкова, обусловлена тем, что носители субъективного права зачастую, замечая только внешние границы принадлежащих им прав, сознательно входят в образ «юридического монарха», и реализуют свои права эгоистичным образом без учёта интереса других лиц¹, выходя, тем самым за пределы допустимого поведения.

Сосуществование бок о бок этих двух категорий обусловлено тем, что злоупотребление правом является следствием выхода носителя права за пределы допустимого поведения. Пределы осуществления права определяют границы, внутри которых, обнаруживает себя сфера дозволенного или, говоря словами Канта, «мир должного». Эти границы находят выражение в установленных законом запретах действовать определённым образом и требованиях соблюдать морально-нравственные принципы. Конкретные формы таких установок предусмотрены в ст. 9 Гражданского кодекса РТ. Их воплощение, в частности, находит отражение в запрете причинять вред другим лицам, запрете ограничивать конкуренцию, запрете причинять ущерб окружающей среде, в требовании соблюдать такие нравственные принципы,

¹ См.: Волков А.В. Теория концепции «злоупотребление гражданскими правами». - Волгоград: Станица-2, 2007. – С. 179.

как добросовестность, разумность, справедливость. Отступление за эти установленные рамки – это и есть злоупотребление правом. То есть злоупотребление правом – это осуществление субъективного права с нарушением этих установленных рамок, даже несмотря на то, что субъект действует внутри права. Именно поэтому рассмотрение этих двух вопросов всегда осуществляется параллельно. В научной литературе в этой связи очень часто цитируют следующее высказывание родоначальника теории пределов осуществления гражданских прав» В.П. Грибанова: «Вопрос о пределах осуществления гражданских прав – это проблема борьбы со злоупотреблением гражданскими правами.... Выход за эти пределы это и есть злоупотребление правом¹.

Своими такими высказываниями В.П. Грибанов показывает, что злоупотребление правом является зеркальным отражением нарушения пределов осуществления правом, что вопрос о допустимости поведения субъекта права должен рассматриваться через призму злоупотребления правом.

Взаимосвязь этих двух понятий наглядно демонстрируется через схему: пределы осуществления правом – превышение установленных пределов – злоупотребление правом. То есть пределы осуществления субъективных прав задают тон допустимого использования правомочий на собственные действия, образуя, тем самым измерение дозволенного поведения внутри субъективного права, и стоят на страже недопущения ненадлежащего его использования. В свою очередь, злоупотребление правом подтверждает факт искажения сферы допустимого поведения и составляет «социально-правовую природу того зла»², которое причиняется отступлением от заданных пределов.

¹ См.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. - М.: Статут, 2001. – С. 15, 25.

² См.: Волков А.В. Теория концепции «злоупотребление гражданскими правами». - Волгоград: Станица-2, 2007. – С. 96.

О такой взаимосвязи понятий пределов осуществления права и злоупотребления правом пишут многие представители научной мысли. Согласно высказываниям И. Бару, к примеру, понятие злоупотребление правом выражает собой существование таких отношений, когда управомоченное лицо недозволительно использует своё право, внешне опираясь, при этом, на него¹. Близкой позиции придерживались Г.А. Свердлык и Э.Л. Страунинг². Злоупотребление гражданскими правами, полагает А.В. Волков, означает сбой внутренней структуры права и несоответствие заложенным в неё ценностям³.

Своими такими высказываниями эти авторы хотят донести мысль, что специфика злоупотребления правом, заключается в том, что оно формально остаётся в пределах границ, установленных законом, но выходит за пределы тех границ, которые не соответствуют назначению права. Эти высказывания ясно показывает, что конструкция пределов осуществления гражданских прав выражает общие критерии запретительных действий. А многие из пределов выводятся из общих начал гражданского законодательства.

Раскроем данный вывод с помощью следующего примера. Отдельные формы недобросовестной конкуренции и виды злоупотреблений доминирующим положением на товарном рынке предусмотрены (ст.ст. 9, 16 Закона РТ «О защите конкуренции»), за которые предусмотрена административная ответственность (ст.ст. 542, 545 Кодекса РТ об административных правонарушениях) и в отдельных случаях уголовная ответственность (ст. 273 Уголовного кодекса РТ). О нарушении запрета использовать гражданские права в целях ограничения конкуренции и злоупотребления доминирующим положением на рынке, предусмотренного в ч.2 ст. 9 Гражданского кодекса РТ, будет идти речь тогда, когда поведение носителя субъективного права выходит за рамки допустимого, но не

¹ См. ару М.И. О ст. 1 Гражданского кодекса // Советское государство и право. - 1958. - № 12. - С. 118.

² См.: Свердлык Г.А., Страунинг Э.Л. Защита и самозащита гражданских прав: Учеб. пособие. - М., 2002.

³ См.: Волков А.В. Теория концепции «злоупотребление гражданскими правами». - Волгоград: Станица-2, 2007. – С. 14.

охватывается конкретными составами правонарушений, предусмотренными в вышеперечисленных нормах.

Применительно к сфере исключительных прав действием, которое не образует конкретного состава правонарушения, но представляет недозволенное поведение, может являться, например, государственная регистрация товарного знака, преследующая единственную цель создать препятствия для предпринимательской деятельности конкурента. Или отказ одного патентообладателя от заключения лицензионного договора с патентообладателем-конкурентом, который не может использовать своё изобретение, не нарушая исключительные права первого. Такие формы поведения будут квалифицироваться не как административное (уголовное) правонарушение, за которые предусмотрена конкретная санкция, в Кодексе РТ об административных правонарушениях или Уголовном кодексе РТ, а как злоупотребление правом, имеющее своим следствием отказ в защите этих прав на основании ст. 9 Гражданского кодекса РТ.

Конечно, многие представители правовой доктрины считают, что в этих случаях логичнее применять нормы об отдельных составах правонарушений, не обозначая никаких особенностей злоупотребления. Свою такую позицию они обосновывают тем, что поведение лица, находящееся в пределах права, всегда правомерно. Если же оно вышло за пределы права, то это уже не осуществление права, а правонарушение. То есть пределы осуществления права всегда находятся в плоскости реализации права. Действие же, называемое злоупотреблением правом – это уже область правонарушения. Такую мысль, в частности, выразил Н.С. Малеин¹.

Близким образом рассуждает В.И. Емельянов. По его мнению, нельзя квалифицировать злоупотребление правом как действие внутри права.

¹ См.: Малеин Н.С. Закон, ответственность и злоупотребление правом // Советское государство и право. - 1991. - № 11. - С. 29.

Пределы осуществления права совпадают с пределами самого права, а всё, что находится за этими пределами, является уже правонарушением¹.

Представители этого подхода придерживаются мнения, что общая норма о злоупотреблении правом лишена смысла, а сама эта конструкция не оправдала себя как самостоятельная правовая категория, поэтому она является излишней с позиции права².

Невзирая на подобную критику теории злоупотребления правом, современное развитие гражданского права доказало её жизнеспособность и значимость. В.С. Белых назвал феномен злоупотребления правом «продуктом цивилистической мысли»³. И несмотря на то, что вопрос злоупотребления правом относится, говоря словами О.А. Поротиковой, к числу «вечных» тем цивилистики⁴, этот «продукт цивилистической мысли» нашёл закрепление практически во всех национальных гражданских законодательствах и воспринимается законодателем как важнейший правовой инструмент оценки допустимого поведения носителя субъективного права. Во всех Гражданских кодексах указанных стран содержится статья под названием «Пределы осуществления гражданских прав», в которой конструкция злоупотребления правом выделяется как основная форма выражения пределов осуществления правом. В Гражданском кодексе Республики Таджикистан теория злоупотребления правом закреплена в ст. 9. Описанные в этой статье ситуации никак не укладываются в схему Н.С. Малеина, где он замечает только два состояния поведения субъекта – правомерное поведение и правонарушение.

В судебной практике имеется немало примеров, когда суды отказывают в защите права на основании ст. 9 Гражданского кодекса РТ. Такой отказ не

¹ См.: Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. - М., 2002. - С. 41.

² См.: Полонский Э.Г. Право оперативного управления государственным имуществом. - М., 1980. - С. 146 - 147.

³ См.: Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. - М.: Проспект, 2009. - С. 128.

⁴ См.: Поротикова О.А. Еще раз о злоупотреблении гражданским правом // Гражданское право. - 2013. - № 2. - С. 12.

является наказанием за нарушение закона, как это имеет место быть при классическом правонарушении, а представляет собой реакцию государства на недозволенный способ осуществления права. Ведь правовой нормой может не только решаться вопрос об объёме и содержании субъективных прав, но и обозначаться ориентиры допустимых способов осуществления этих прав. Эти ориентиры воплощаются в таких основных принципах гражданского права, как добросовестность, разумность, справедливость.

Существование этих оценочных стандартов поведения указывает на то, что кроме двух взаимоисключающих вариантов поведения, о которых говорит Н.С. Малеин и его сторонники (правомерное поведение-правонарушение), существуют сложные пограничные формы поведения, которые формально не нарушают закон, но идут вразрез с общими началами гражданского права. И именно такие сложные формы поведения и представляет собой сущность злоупотребления правом. Тем более что практика показывает возможность совершения таких действий, которые не образуют конкретного состава правонарушения, но при этом находятся вне дозволенного поведения. Как раз для таких случаев законодатель предусмотрел общие составы недозволенного поведения, именуемые злоупотреблением правом. Поэтому, думается, идеи о закреплении общей нормы о злоупотреблении правом имеет смысл.

В этой связи мы не можем согласиться с теми представителями научной мысли, которые усматривают в конструкции злоупотребления правом признаки правомерного деяния. В частности, такой позиции придерживается С.Г. Зайцева. Согласно её убеждению, никаких норм права в этих «злоупотребительных ситуациях» носитель субъективного права не нарушает, а совершает поступки, вступающие в противоречии с назначением принадлежащего ему права¹. Близким образом выстраивает свои Я.Г. Янев, по мнению которого, злоупотребляя правом, субъект ни прямо, ни косвенно

¹ См.: Зайцева С.Г. «Злоупотребление правом» как правовая категория и как компонент нормативной системы законодательства Российской Федерации. - Рязань: Поверенный, 2002. – С. 20.

не нарушает правовые нормы и принципы права, а посягает на принципы морали и правила социалистического общежития¹.

На наш взгляд, тот факт, что в конструкции злоупотребления правом отсутствует признак противоправности, являющийся одним из необходимых условий квалификации поведения как правонарушения, не даёт оснований для утверждения, что такое поведение является правомерным. Правомерное поведение, справедливо полагает А.С. Шабуров², всегда социально полезно, что не характерно для злоупотребления правом. За правомерное поведение не наступает негативная мера государственного воздействия. Злоупотребление же правом влечёт за собой негативную правовую реакцию государства в виде отказа в защите права. И уже один этот факт служит прямым указанием на то, что злоупотребление правом не есть правомерное действие.

Если бы злоупотребление правом являлось обычным аморальным поступком, как это утверждает Я.Г. Янев, то максимум, к чему оно могло бы привести, - это негативная реакция общества в виде порицания и осуждения такого поведения. Ведь сфера морали находится за плоскостью правового регулирования. Но законодатель обеспечил злоупотребление правом особого рода санкцией в виде отказа в защите права и такое правовое последствие исключает правомерность данной модели поведения.

Мысль о том, что поведение может быть неправомерным, даже если формально соблюден объём правомочий, описывалось ещё в римском праве. В данном случае мы имеем в виду принцип «*qui jure suo utitur neminem laedit*» («никого не обижает тот, кто пользуется своим правом»), который дополнялся оговоркой, что «высшее право есть высшая несправедливость» («*summum ius – summa iniuria*»)³. Эта оговорка указывает на то, что формально законное осуществление права может приобретать несправедливый оттенок, а значит быть неправомерным. Причём границы

¹ См.: Янев Я.Г. Правила социалистического общежития и их функции при применении правовых норм. - М.: Прогресс, 1980. - С. 179 – 180.

² См.: Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. - М., 2000. - С. 431.

³ См.: Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. - М.: Зерцало, 1997. - С. 157.

допустимого осуществления субъективного права в римском праве были ориентированы не только на закон, но и на интересы других лиц. По этому поводу В.М. Хвостов указывает, что по установлению закона некоторые права должны были осуществляться с должной осмотрительностью так, чтобы их осуществление по возможности не вредило правам других лиц¹. М. Планиоль также жёстко разграничивал правомерное осуществление права и злоупотребление этими правами, о чём свидетельствует его фраза «Le droit cesse ou l'abus commence» («Право заканчивается там, где начинается злоупотребление»)².

Такая особенность понятия злоупотребления правом привела к формированию представления о нём как о нестандартном гражданском правонарушении. Так, в трактовке В.П. Грибанова злоупотребление правом представляет собой особый тип гражданского правонарушения, которое находится в рамках дозволенного законом общего типа поведения, но с использованием недозволенных форм³.

Нестандартным правонарушением характеризует природу злоупотребления правом А.В. Волков, объясняя её необычность тем, что данное правонарушение нельзя вывести через рядовые нормы гражданского права, а только через общие начала и дух гражданского права⁴. По убеждению А.А. Малиновского, злоупотребляя правом, субъект использует управомачивающие нормы таким образом, что ущемляет интересы других лиц посредством совершения правонарушений или аморальных проступков⁵. По мнению О. Садикова, злоупотребление правом является особым родом

¹ Хвостов В.М. Система римского права. Общая часть. - М., 1908. - С. 69.

² См.: Planiol M., Ripert G. Traite elementaire de droit civil. - Paris, 1946. -Р. 157.

³ См.: Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав // Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. - С. 50.

⁴ Волков А.В. Теория концепции «Злоупотребление гражданскими правами» - Волгоград : Станица-2, 2007. - С. 136.

⁵ См.: Малиновский А.А. Злоупотребление правом – М.: МЗ-Пресс, 2002. – С. 83.

гражданского правонарушения, каковым делает его поведение, выходящее за рамки принадлежащего лицу субъективного права¹.

Мы не можем согласиться с подходом, что злоупотребление правом является правонарушением, пусть даже нестандартным. На наш взгляд, не бывает нестандартных правонарушений. Правонарушение либо есть, и его состав определяется в рамках соответствующего правового режима, либо его нет, и правовой механизм ответственности за правонарушение применяться не может. Заслуживает в этой связи внимания точка зрения Е.А. Одегнал, который справедливо полагает, что сведение злоупотребления правом к правонарушению, по сути, ведёт к потере самостоятельности и самоценности института злоупотребления правом². Сравнительный анализ этих двух правовых институтов – злоупотребления правом и правонарушения, позволил ему выявить их отличительные свойства. На первое отличие указывает то, при злоупотреблении правом неправомерное поведение всегда опирается на субъективное право, в то время как правонарушение не основано на праве. На такой же отличительный признак этих двух правовых институтов указывал в своё время М.И. Бару³.

Отсюда вытекает вторая отличительная особенность, выражающаяся в том, что злоупотребление правом в момент его совершения имеет правомерный характер, за пределами правомерности находятся только его последствия. В свою очередь, деяние, квалифицирующее как правонарушение, является противоправным уже в момент его совершения.

В качестве третьего отличия Е.А. Одегнал указывает, что злоупотребление правом нарушает предписания общих принципов гражданского права, в то время как правонарушение противоречит специальным нормам. И, наконец, на четвертое отличие, которое уже было

¹ См.: Садиков О. Злоупотребление правом в Гражданском кодексе России // Хозяйство и право. - 2002. - № 2. - С. 40.

² См.: Одегнал Е.А. Соотношение понятий «злоупотребление правом» и «правонарушение» // Юрист. - М.: Юрист, 2007. - № 1. - С. 8-12.

³ См.: Бару М.И. О ст. 1 Гражданского кодекса (об охране гражданских прав) // Советское государство и право. - М.: Наука, 1958. - № 12. - С. 118.

предметом нашего внимания, указывают, по его мнению, последствие этих двух недопустимых моделей поведения. Если основным последствием злоупотребления правом является отказ в защите прав, то основным последствием правонарушения является ответственность в форме возложения ответственности¹.

Вышесказанным мы хотим показать несостоятельность квалификации злоупотребления правом в качестве правонарушения. Мы всецело поддерживаем учение о злоупотреблении правом, развитие которого получило в научных трудах М.М. Агаркова и В.П. Грибанова. Однако, с чем мы не можем согласиться с этими авторитетными учёными, так это с тем, что злоупотребление правом относится к категории правонарушений. Злоупотребление правом, безусловно, является сложным понятием. Сложным не только потому, что оно сложнее поддаётся квалификации, нежели традиционное правонарушение, но и потому, что породило множество противоположных научных подходов, которые варьируются от отведения ему особого места в праве до полного его неприятия. Но этот факт не снижает значения злоупотребления правом как самостоятельного института гражданского права с собственным правовым режимом.

Злоупотребление правом характеризует собой особую модель неправомерного поведения, в рамках которого правообладатель нарушает права и интересы других лиц посредством недобросовестного использования своих прав. В виду этого возникает негативная реакция государства на это поведение как недопустимое и недолжное. Но критерием неправомерности поведения носителя права здесь являются не специальные нормы, а общие запреты и требования действовать определённым образом, закреплённые в ст. 9 Гражданского кодекса РТ. Как пишет по этому поводу В.С. Ем, основаниями признания поведения субъекта правомерным или

¹ См.: Одегнал Е.А. Указ соч. – С. 10.

неправомерным в этих случаях являются общие начала гражданского законодательства¹.

Выступая в пользу самостоятельности злоупотребления правом по отношению к правонарушению, мы хотим поделиться следующими размышлениями. Законодатель, закрепляя принцип осуществления гражданских прав, предоставляет физическим и юридическим лицам действовать по своему усмотрению (ст. 8 Гражданского кодекса РФ). Однако при этом законодатель в ст.9 Гражданского кодекса РФ даёт понять, что внутреннее усмотрение носителя права не может означать полную свободу. Есть цели, для которых использование субъективных гражданских прав не предназначено. Предоставляя субъектам свободу усмотрения при осуществлении принадлежащих им прав, законодатель в ст.9 Гражданского кодекса РФ прямо указывает, что субъективным правом нельзя прикрывать преследование недобросовестных целей. Как пишет в это связи М.И. Бару, злоупотребление правом будет «выглядит как осуществление права», не выходящее за пределы дозволенного поведения, если рассматривать составляющие его действия в отрыве от цели их осуществления².

Закон не может защищать недобросовестные стремления, напротив, его нормы запрещают такое поведение через установление пределов осуществления правом. В.И. Емельянов справедливо называет «нарушение запрета использовать право в недозволенных целях» в качестве одного из квалифицирующих признаков злоупотребления правом³. Целью запрета такого поведения является предотвращение этих недозволенных целей.

Но вариантов проявления недобросовестных целей может быть бесчисленное множество. Богатый русский язык располагает множеством прилагательных для их выражения. Они могут быть злонамеренными, корыстными, нечестными, фиктивными..., и учесть их все на уровне права

¹ См.: Гражданское право: Учебник: В 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 1. Общая часть. – М.: Статут, 2023. – С. 536.

² См.: Бару М.И. О ст. 1 Гражданского кодекса // Советское государство и право. – 1958. - № 12. – С. 118.

³ Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. - М., 2002. - С. 52.

невозможно. Право не способно охватить правовым регулированием каждую из подобных целей. Именно для этих ситуаций предназначена конструкция злоупотребления правом, которая, как раз, решает проблему определения необъятности недобросовестных целей.

Как известно, гражданское законодательство опирается на принцип «всё, что не запрещено, разрешено». Данный постулат означает, что разрешается совершать любое действие, если только нет закона, запрещающего его. Реализацию данного принципа обеспечивает именно запрет злоупотребления правом, потому что эта аксиома выводится судами именно из толкования ст. 9 Гражданского кодекса РФ.

Право объективно не способно предусмотреть все возможные запреты. Поэтому посредством общей нормы о пределах осуществления гражданских прав и запрете злоупотребления правом фактически «страхует» правовое регулирование от подобных пробелов. Если же отказаться от категории злоупотребления правом, как предлагают многие учёные, это подорвёт этот принцип, поскольку он утратит механизм, обеспечивающий его реализацию.

Исходя из этого, категория злоупотребления правом играет большую самостоятельную роль в правовом регулировании и его нельзя недооценивать. О самостоятельности злоупотребления правом по отношению к правонарушению дополнительно говорят различные замыслы законодателя, выраженные через эти два правовых института. Защита и восстановление нарушенного правопорядка посредством наказания правонарушителя является главной задачей, которую решает закон посредством механизма юридической ответственности. Главной же целью запрета злоупотребления правом является предотвращение возможности использования субъективных гражданских прав как инструмента причинения вреда и достижения непозволительных целей. Поэтому здесь не применяются карательные механизмы, ведь носитель права, действующий недобросовестно, одновременно действует в рамках имеющихся у него правомочий. Отказывая

в защите права, законодатель, тем самым, признаёт, что у правообладателя отсутствуют основания для реализации и защиты принадлежащего ему права.

Всё вышесказанное в равной мере относится и к категории злоупотребления правом в сфере интеллектуальных прав. Будучи частным случаем злоупотребления правом, злоупотребление исключительными правами возникает в тех случаях, когда осуществление правообладателем принадлежащего ему исключительного права происходит с намерением использовать свои монопольные возможности как инструмента причинения вреда другим лицам и достижения иных непозволительных целей. Характерными элементами злоупотребления исключительными правами в этой связи выступают:

1) стремление правообладателя удовлетворить свой интерес способом, идущим в разрез с ожиданиями законодателя, вопреки целям, предполагаемым законом;

2) использование одно из правомочий, составляющих содержание принадлежащего правообладателю исключительного права, как инструмента для совершения злоупотребления.

Если больше сказать, носители исключительных прав в большей степени, чем обладатели иных субъективных прав, подвержены риску злоупотребления своими правами. Ведь, в силу свойственного человеку рационального эгоизма, он и без этого склонен к эгоистичным порывам и руководствуется, прежде всего, удовлетворением собственных интересов. Одна только экологическая проблема, последствия которой испытывает на себе сегодня каждый человек, подтверждает эту мысль на все сто процентов. Когда же эта склонность сочетается с обладанием законной монополией исключительного права, соблазн злоупотребить усиливается, тем более что правообладатель осознаёт, что действует внутри принадлежащего ему права, и невольно полагает, что вправе совершать любые действия внутри своего права. Поэтому область исключительных прав без преувеличения является

«зоной риска», где вероятность возникновения злоупотреблений права выше, чем в других сферах гражданских правоотношений.

На фоне этого у нас вызывает непонимание тот факт, что законодатель крайне редко описывает пределы осуществления интеллектуальных прав в нормативных правовых актах, регламентирующих сферу интеллектуальной деятельности, и практически не предусматривает специальные случаи злоупотребления правом. Мы считаем, что нормы о пределах осуществления интеллектуальных прав и запрете злоупотребления исключительными правами, в первую очередь, должно быть предусмотрены в Гражданском кодексе Республики Таджикистан. Однако в его главе 68, посвященной общим положениям об интеллектуальной собственности, подобного рода нормы отсутствуют. Данное упоминание отсутствует даже в ст. 1248 Гражданского кодекса РТ, которая является специальной статьёй, посвященной вопросу осуществления интеллектуальных прав. В ст. 1241 Гражданского кодекса РТ говорится о праве правообладателя по своему усмотрению любым способом и в любой форме осуществлять и разрешать использование объекта интеллектуальной собственности любым способом и в любой форме, за исключением случаев, если это не запрещено законом, но сами пределы осуществления исключительных прав не определяются. Отсутствует специальное регулирование данного вопроса и в специальном законодательстве.

Такое положение мы рассматриваем как недостаток правового регулирования. На наш взгляд, общие нормы ст.9 Гражданского кодекса РТ, закрепляющие пределы осуществления гражданских прав, не способны раскрыть специфику выходов за пределы осуществления прав в конкретной сфере отношений. Сфера же интеллектуальных прав, как мы уже отмечали выше, является наиболее уязвимой для злоупотребительного использования правообладателями своих монопольных правомочий. В таких сложных ситуациях суд не всегда может чётко разграничить позвольтельное и

непозволительное осуществление субъективного права, что в итоге приводит в непоследовательной судебной практике.

Так, по делу № 03-237/2018 экономический суд Хатлонской области в своём решении, установив факт навязывания невыгодных условий лицензии на осуществление деятельности по производству и воспроизводству семян картофеля сорта «Овчи», выразившемся в обязательном приобретении вместе с семенами калийных минеральных удобрений, квалифицировал эти действия как злоупотребление правом¹.

В другом деле экономический суд г. Душанбе не усмотрел признаки злоупотребления правом в действиях гражданина М. по заключению договора с ООО «Галерея-ТJ», предусматривающего предоставление прав на использование двух художественных зарисовок при условии приобретения всей подборки, состоящей из тридцати зарисовок².

Вышеизложенным мы хотим показать, что специфика сферы интеллектуальных прав обуславливает необходимость конкретизации пределов осуществления интеллектуальных прав и форм проявления злоупотреблений ими. Чтобы реализовать эту цель, на наш взгляд, в специальных законах в сфере интеллектуальной собственности следует предусмотреть нормы, определяющие критерии определения пределов осуществления исключительных прав в виде запретов условного перечня злоупотреблений.

3.2 Критерии определения пределов осуществления исключительных прав

В предыдущем параграфе нашего исследования мы сделали вывод о целесообразности законодательного закрепления в специальном законодательстве об интеллектуальной собственности норм, определяющих

¹ См.: Архив экономического суда Хатлонской области от 2018 года (Дело № 5-325/18).

² См.: Архив экономического суда г. Душанбе от 2018 (Дело № 2-1423/18).

критерии определения пределов осуществления исключительных прав. Следующая наша цель заключается в том, чтобы разработать систему таких критериев, основанную, в первую очередь, на нормах действующего законодательства, а также с учётом наших убеждений о том, как должна выглядеть эта система.

Начнём с того, что проблема определения критериев пределов осуществления субъективных прав всегда признавалась сложной в правовой доктрине. Как указывал по данному поводу В.С. Нерсисянц, исследование данного вопроса требует глубокого теоретико-правового исследования на научно-доктринальном уровне¹. И результатом такой работы явилась выработка широкого спектра таких критериев, по которым в правовой доктрине нет единства по отношению к их содержанию. Так, например, О.С. Иоффе, в качестве критерия определения пределов осуществления гражданских прав называет целевое назначение этих прав². С.Н. Братусь приходит к тем же выводам с одним лишь уточнением, что этот критерий отражает реалии его времени – «осуществление права, которое соответствует его назначению в социалистическом обществе в период строительства коммунизма»³. М.М. Агарков сжал применяемый критерий до цели запрета шиканы⁴.

Л.Д. Воеводин относят к числу критериев пределов осуществления субъективных прав общественные и публичные интересы, состоящие в укреплении гражданского мира, суверенной государственности, в стремлении обеспечить благополучие общества и государства⁵. В понимании

¹ См.: Нерсисянц В.С. Право-математика свободы : Опыт прошлого и перспективы / В. С. Нерсисянц. – М.: Юрист, 1996. – С. 38.

² См.: Иоффе О.С. Советское гражданское право. М.: Юрид. лит., 1967. –С. С. 311.

³ Братусь С.Н. О пределах осуществления гражданских прав // Известия вузов. Правоведение. - 1967. - № 3. С. 80 – 81.

⁴ См.: Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Цивилистическая практика. Информационный бюллетень. - Екатеринбург, 2002, Вып. 5. – С. С. 428.

⁵ См.: Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: Учебник. - М., 1997. – С. 241-246.

Ю.А. Тарасенко и И.А. Ястржембского, целью запрета злоупотребления правом является поиск баланса интересов субъектов гражданского права¹.

М.В. Ибрагимова строит систему пределов осуществления гражданских прав в зависимости от уровня охвата субъективных прав. В результате она выделяет общие и частные пределы, первые из которых применимы ко всем субъективным правам и предусматриваются в нормах и принципах, вторые – характерны для конкретным гражданских прав и предусмотрены в законах или в сделках².

Похожую систему предлагает О.А. Поротикова с той лишь разницей, что в качестве критерия разграничения пределов осуществления права она указывает степень применимости их к гражданским правоотношениям и делит их на универсальные и специальные. Универсальные пределы применимы к любым субъектам права, в рамках любого гражданского правоотношения. Специальные пределы тесно связаны с конкретным видом правоотношения³.

Высказывая авторскую позицию по этому вопросу, в первую очередь, отметим, что, как и всякие иные пределы осуществления прав, границы осуществления исключительных прав находят выражение в установленных законодательством запретах действовать определённым образом и требованиях соблюдать морально-нравственные принципы. Как пишет А.С. Ворожевич, «они обращены против конкретных действий правообладателя по реализации субъективного права»⁴. Их воплощение находит выражение в ряде запретов на недопустимое поведение и в требовании соблюдать морально-нравственные начала гражданского права.

¹ См.: Тарасенко Ю.А., Ястржембский И.А. Рецензия на работу С.Д. Радченко «Злоупотребление правом в гражданском праве России» // Вестник гражданского права. - 2010. – № 2. - С. 296.

² См.: Ибрагимова М.В. Злоупотребление субъективным гражданским правом: понятие, сущность, виды и последствия: дис. ... канд. юрид. наук. - Рязань, 2005. - С. 20.

³ См.: Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. - М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 78.

⁴ Ворожевич А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Ворожевич Арина Сергеевна. – М., 2021. – С. 35.

Поскольку законодатель через конструкцию пределов осуществления прав законодатель указывает на существование целей, для которых их использование не предназначено, представляется целесообразным построить систему критериев определения пределов осуществления исключительных прав, опираясь на характер и особенности обозначенных законом недопустимых целей. Ведь цели, относимые законодателем к категории недопустимых, являются своего рода «барометром» выхода за пределы осуществления права. Упорядочив все вариации недопустимых целей, можно разработать систему критериев, которая позволит оценивать правомерность и неправомерность поведения правообладателя при использовании им своих исключительных прав.

Мы уже писали о том, что все вариации недопустимых целей в нашем понимании воплощаются в категорию злоупотребления правом, поэтому предлагаемая нами система критериев определения пределов осуществления исключительных прав, по сути, будет представлять собой систему злоупотребления правом.

С таким подходом могут не согласиться некоторые представители науки, потому что в юридической литературе довольно распространенной является точка зрения, в соответствии с которой злоупотребление правом признаётся традиционной, но не единственной формой проявления выходов за пределы осуществления правом. Подобного мнения, в частности, придерживался В.П. Грибанов, утверждая, что не всякий выход носителя права за пределы его осуществления является злоупотребление правом¹. И.П. Манкевич соотносит понятие пределов осуществления правом и злоупотребление правом как общее и частное. Пределы осуществления правом, будучи более широким понятием, объединяют собой все формы

¹ См.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2001. – С. 42.

недобросовестного использования субъективного права, а не только злоупотребление правом¹.

В классификации, предложенной А.С. Ворожевич, существует два уровня пределов осуществления исключительных прав. Первый уровень образуют общие запреты недобросовестного осуществления исключительных прав», подпадающие под понятие злоупотребления правом. В рамках первого уровня выделяются специальные стандарты оценки поведения правообладателей исключительных прав с точки зрения их функционального назначения и целей инновационного развития².

С таким подходом мы не согласны и в качестве возражения приведём высказывание О.А. Поротиковой, соответствующее нашим взглядам на эту проблему. Она, в частности, утверждает, что злоупотребление правом является единственным юридическим последствием, с которым следует связывать категорию пределов осуществления права³. Не бывает иных кроме злоупотреблений правом выходов за пределы осуществления гражданских прав. Всякое нарушение пределов осуществления субъективным правом представляет собой злоупотребление правом, потому что ключевым фактором, лежащим в основе каждого из них, является стремление удовлетворить свой интерес посредством использования своего права вопреки целям, предполагаемым законом, и вразрез с правовыми ожиданиями.

В юридической литературе представлены различные подходы к построению системы злоупотребления правом. В большинстве случаев они формируются на основе деления злоупотреблений на шикану и иные формы злоупотребления правом. Такую классификацию, основанную на формах вины, проводит В.С. Ем. Шикана совершается с прямым умыслом

¹ См.: Манкевич И.П. К вопросу о пределах осуществления гражданских прав: матер. Межд. науч.-практ. конф. – Минск: Право и экономика, 2014. – С. 169.

² См.: Ворожевич А.С. Указ.соч. – С. 36.

³ См.: Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. - М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 82.

причинить вред другому лицу, иные формы злоупотребления правом содержат косвенный умысел или неосторожность¹.

Более сложное разделение форм злоупотребления правом предлагает А.В. Волков, выделяя, в частности, четыре формы злоупотребления правом: а) злоупотребление правом собственности; б) злоупотребление неимущественными правами; в) злоупотребление гражданско-правовыми обязанностями; г) злоупотребление правом на защиту². В основе такого деления лежат используемые правообладателем средства злоупотребления правом, под которыми он понимает определённое субъективное гражданское право (обязанность), а в технико-юридическом плане – норму, на которую опирается правообладатель, осуществляя недобросовестные действия³.

Говоря об этих и других подходах, следует отметить, что с теоретической точки зрения возможно существование различных основания для построения системы пределов осуществления исключительных прав. Мы же хотим провести систематизацию, учитывая характерные элементы злоупотребления исключительными правами, которые мы вывели в предыдущем параграфе., а именно: 1) стремление правообладателя удовлетворить свой интерес способом, идущим в разрез с ожиданиями законодателя, вопреки целям, предполагаемым законом; 2) использование в качестве инструмента для совершения злоупотребления одно из правомочий, составляющих содержание принадлежащего правообладателю исключительного права.

Принимая во внимание эти особенности, обоснованным, на наш взгляд, видится вариант построения системы пределов осуществления исключительных прав по источникам их установления. Этот критерий позволяет разделить все пределы осуществления права на две следующие группы:

¹ См.: Гражданское право: В 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. - М.: Волтерс Клувер, 2006. Т. 1. - С. 537, 538, 540.

² См.: Волков А.В. «Иные формы» злоупотреблений гражданскими правами по статье 10 ГК РФ // Исполнительное право. - М.: Юрист, 2008, № 2. – С. 3.

³ См.: Там же..

- 1) пределы осуществления исключительных прав, основанные на законе;
- 2) пределы осуществления исключительных прав, вытекающие из морально-нравственных начал гражданского права.

Пределы осуществления исключительных прав, основанные на законе, представляют собой запреты использования правомочий, составляющих содержание исключительного права, в целях, признанных законом недопустимыми.

Пределы осуществления исключительных прав, вытекающие из морально-нравственных начал гражданского права, – это общие требования соблюдения принципов добросовестности, разумности, справедливости, а также иных нравственных принципов общества и правил деловой этики, которые не имеют прямого законодательного оформления, но признаются недопустимыми на основании оценки соответствия поведения правообладателя этим морально-нравственным началам гражданского права.

Рассмотрим данную классификацию более подробно.

Пределы осуществления исключительных прав первой группы имеют конкретное описание в тексте закона. И хотя некоторые авторы, говоря об их нормативном закреплении, имеют в виду исключительно общие положения Гражданского кодекса, и даже причисляют отсутствие специального гражданско-правового регулирования к одному из необходимых признаков злоупотребления правом¹, действующее законодательство подтверждает, что нормы о пределах осуществления гражданских прав могут содержаться и в специальных законах. В нашем случае мы имеем в виду нормы специальных законов в сфере интеллектуальной собственности, в которых также содержатся нормы, которые можно квалифицировать как пределы осуществления исключительных прав (ч. 2 ст. 30 Закона РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания»). Да, их крайне мало, и они предусмотрены

¹ В данном случае мы имеем в виду позицию А.В. Волкова, который полагает, что необходимым признаком злоупотребления правом является исключительность действия статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (См.: Волков А.В. Теория концепции: «Злоупотребление гражданскими правами». – Волгоград: Станица-2, 2007. – С. 293.

не во всех специальных законах, и мы рассматриваем это как серьезный недостаток правового регулирования. Однако они всё же имеются и этот факт нельзя игнорировать.

В этой связи пределы осуществления исключительных прав первой группы условно можно разделить на пределы, предусмотренные общими нормами гражданского законодательства (общие нормативные пределы), и пределы, предусмотренные специальным законодательством в сфере интеллектуальной собственности (специальные нормативные пределы).

Общие нормативные пределы осуществления исключительных прав предусмотрены ст. 9 Гражданского кодекса РФ, анализ положений которой позволил нам выявить следующие недопустимые цели использования правообладателем своих исключительных правомочий:

1. Намерение причинить вред другому лицу (шикана);
2. Использование исключительного права в целях ограничения конкуренции и злоупотребления доминирующим положением на рынке;
3. Цель, сопряжённая с риском причинения ущерба окружающей среде;
4. Цель, влекущая нарушение прав и интересов других субъектов права;
5. Преследование иных недопустимых целей.

Все перечисленные цели мы рассматриваем в качестве критериев пределов осуществления исключительных прав, которые позволяют квалифицировать действия правообладателя как злоупотребление исключительными правами. Они устанавливают базовые правила, служащие ориентиром для применения специальных норм. И в этом смысле их значение трудно переоценить.

Их значение усиливает тот факт, что в нормах специальных законов, определяющих правила осуществления интеллектуальных прав на тот или иной вид объекты интеллектуальной собственности, зачастую общие критерии пределов осуществления интеллектуальных прав не указываются. Мы уже поднимали этот вопрос в предыдущем параграфе. Лишь в отдельных нормах специальных законов предусматриваются запреты, которые можно

квалифицировать как злоупотребление правом. В тех же случаях, когда при рассмотрении дела обнаруживается пробел в праве или возникают затруднения в квалификации поведения правообладателя, суды вынуждены обращаться к общим нормам ст. 9 Гражданского кодекса РТ.

Что касается специальных нормативных пределов осуществления исключительных прав, так, как мы уже отметили, их можно вывести через редкие случаи установления запретов в отношении поведения обладателей исключительных прав. Их особенностью является то, что они не имеют универсального характера и касаются лишь границ осуществления конкретного правомочия в составе исключительного права. Их правовой режим распространяется не на все правомочия, составляющие содержание исключительного права, а лишь на отдельные его элементы. Из этого вытекает, что специальные нормативные пределы осуществления исключительных прав и формы их злоупотребления требуют индивидуального подхода к правовому регулированию.

Специальным случаем злоупотребления исключительным правом является ч.2 ст. 30 Закона РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания», где устанавливается запрет уступки товарного знака, если следствием такой уступки может явиться создание у потребителя ошибочного представления о товаре или его изготовителе. Данная норма позволяет вывести специальный критерий пределов осуществления исключительного права на товарный знак – введение потребителя в заблуждение относительно свойств товара или его изготовителя. Получается, что уступить исключительное право на товарный знак правообладатель может любому лицу. Но если такой вариант распоряжения исключительным правом приведёт к формированию у потребителя искажённого представления о значимой для него информации, это квалифицируется выходом за пределы допустимого осуществления исключительным правом. Последствием таких действий будет являться отказ правообладателю в защите права, который может иметь различную форму, например, в виде отказа в государственной регистрации договора об уступке

исключительных прав на товарный знак в Патентном ведомстве. На это прямо указывает п.13 Правил регистрации договора об уступке исключительных прав на товарный знак, лицензионного договора, а также других договоров, утверждённые Распоряжением Министерства экономического развития и торговли Республики Таджикистан от 06 января 2020 года, за №01. В соответствии с этой нормой договор не будет зарегистрирован, если Патентное ведомство установит, что сфера деятельности первоначального и нового правообладателей является однородной или выявится факт, что первоначальный правообладатель намеревается продолжать активно использовать уступаемый товарный знак. В этих и других подобных ситуациях поведение первоначального правообладателя будет квалифицировано как злоупотребление исключительным правом и в договоре об уступке исключительного права на товарный знак будет отказано.

Другим проявлением отказа в защите исключительного права на основании злоупотребления правом можно считать отказ в признании договора об уступке товарного знака недействительным.

Интересным в этой связи представляется дело № 343243243 по иску ООО «ЭкоПлюс» о признании недействительным договора об уступке товарного знака от 13.04.2018 года, заключённого между ним и ЧП Худжанозаровым С.Л. На основании данного договора был уступлен товарный знак «Қувваи кӯҳҳо» (свидетельство № 265161) отношении товаров класса 30 МКТУ (лекарственные растения). Обосновывая свои исковые требования, истец утверждал, что ответчик выпуская товар под этим знаком, не соблюдает технологию выращивания лекарственных трав, заготовки сырья, его переработки и хранения, чем вводит потребителя в заблуждение, который привык к высокому качеству товарного знака «Қувваи кӯҳҳо». В ходе рассмотрения дела экономический суд ГБАО установил, что причиной введения потребителя в заблуждение явились действия самого истца при заключении договора об уступки

исключительного права на товарный знак. Это выразилось в том, что истец при уступки товарного знака параллельно с этим продал рекламные буклеты и маркировочные этикетки, тем самым создав видимость того, что собственник товара не изменился.

Суд квалифицировал такие действия истца злоупотреблением исключительным правом и отказал в удовлетворении исковых требований¹.

Другим специальным случаем злоупотребления исключительным правом уже в сфере патентного права является отказ в заключении лицензионного договора с другим патентообладателем, в результате чего последний лишается возможности использовать своё изобретение, являющееся зависимым от изобретения первого патентообладателя, к которому у него нет доступа. Данное злоупотребление исключительным правом находит закрепление в ч.9 ст. 26 Закона РТ «Об изобретениях». По общему правилу заключение лицензионного договора с кем-либо о предоставлении права использования охраняемого изобретения является исключительным правомочием патентообладателя. Однако законодатель устанавливает пределы допустимого осуществления этого права, критерием определения которых, по смыслу названной нормы, является недопустимость отказа без уважительных причин в заключении лицензионного договора, если такой отказ блокирует законное использование зависимого изобретения. Выход за эти пределы будет квалифицироваться как злоупотребление исключительным правом.

Аналогичный предел осуществления исключительного права, но только уже на промышленный образец предусмотрен в Законе РТ «О промышленных образцах» (ч.3 ст. 22 Закона). Данный предел установлен не в виде прямого запрета, а опосредовано через предоставление одному патентообладателю промышленного образца права требовать от другого патентообладателя заключение лицензионного договора, если первый

¹ См.: Архив экономического суда ГБАО от 2018 года (Дело № 3-165/18).

патентообладатель не может использовать промышленный образец, не нарушая прав второго патентообладателя.

В качестве самостоятельного проявления злоупотребления исключительным правом является неиспользование правообладателем охраняемого интеллектуального объекта. Такое злоупотребление предусмотрено применительно к изобретениям (ст. 28 Закона РТ «Об изобретениях»), товарным знакам (ч.4 ст.27 Закона РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания»). Запрет данного злоупотребления, опять же, не имеет прямого выражения, а выводится косвенным образом через установление обязанности правообладателя использовать принадлежащий ему охраняемый объект.

К сожалению, перечисленными нормами исчерпываются случаи, установления пределов осуществления исключительных прав и форм злоупотребления ими, предусмотренных в специальном законодательстве. Из девяти специальных законов Республики Таджикистан в сфере интеллектуальной собственности (Закон РТ «Об авторских и смежных правах», Закон РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания», Закон РТ «Об изобретениях», Закон РТ «О промышленных образцах», Закон РТ «О секретных изобретениях», Закон РТ «О географических указаниях», Закон РТ «О правовой охране топологий интегральных микросхем», Закон РТ «Об охране сортов растений», Закон РТ «О коммерческой тайне»), законодатель уделил внимание вопросу пределов осуществления интеллектуальных прав только в трёх из них и выделил только четыре формы проявления злоупотребления исключительным правом. При таком правовом регулировании единственным возможным решением является обращение к общим нормам ст. 9 Гражданского кодекса РТ или восполнение пробелов посредством судебского усмотрения. Однако общие нормы Гражданского кодекса, как мы уже отмечали, не обеспечивают всесторонний учёт специфики злоупотреблений исключительных прав. Как пишут по этому поводу В.С. Белых и П.А. Избрехт, «признаки злоупотребления правом в

каждом конкретном случае могут быть настолько специфичны, что их возведение в ранг общего правила затруднено или невозможно»¹. Это обуславливает предоставление в этом вопросе судейскому усмотрению большой свободы и ведущую роль. М.М. Агарков именно так и называл споры о злоупотреблении правом – спорами о праве судейского усмотрения и видел в этом опасность для прочности гражданского права².

Эту опасность И.А. Покровский видел в том, что закрепление за судами права определять присутствие злоупотребления правом по соображениям справедливости приводит к тому, что область осуществления права выводится из-под действия юридических норм и отдаётся под контроль субъективного судейского усмотрения³.

По мнению О.А. Поротиковой, восполнение пробелов в законодательстве расширением судейского усмотрения создаёт повод для злоупотреблений со стороны судебных органов⁴ и приводит к подмене закона судебным толкованием и абсолютному волюнтаризму⁵. С этим трудно не согласиться, особенно в свете роста коррупционных действий в сфере правосудия.

Для решения этой проблемы мы предлагаем предусмотреть в каждом специальном законе в сфере интеллектуальной собственности норму, закрепляющую объединяющее начало пределов осуществления исключительных прав в отношении того охраняемого объекта, на регулирование которого направлен этот закон. Роль такого объединяющего начала может играть направленность поведения правообладателя на достижение недопустимых законом целей посредством осуществления своих

¹ Белых В.С., Избрехт П.А. Злоупотребление субъективными гражданскими правами в предпринимательских отношениях // Арбитражные споры. – 2008. - № 4. – С. 117.

² См.: Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2012. С. 371.

³ См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 1998. - С. 114.

⁴ См.: Поротикова О.А. Злоупотребление субъективным гражданским правом. – М.: Волтерс Клувер, 2007. - С. 142

⁵ См.: Поротикова О.А. Еще раз о злоупотреблении гражданским правом // Гражданское право. - 2013. - №2. – С. 14.

исключительных правомочий, повлекшее нарушение прав других лиц, а также общественных и публичных интересов.

В рамках предложенной нами классификации пределов осуществления исключительных прав в самостоятельную группу были выделены пределы, основанные на морально-нравственных принципах и правилах гражданского права. Если быть точными, в ст. 9 Гражданского кодекса РФ к их числу законодатель относит принципы разумность, добросовестности, справедливости. Ещё законодатель упоминает нравственные принципы общества, не конкретизируя их содержание, а также правила деловой этики.

Как мы уже указывали, данная группа пределов представляет собой общие запреты на извлечение преимуществ из недобросовестного, несправедливого и неразумного использования своего монопольного положения как обладателя исключительного права на объект интеллектуального труда.

Так же, как и пределы первой группы, пределы, основанные на принципах, служат инструментом достижения баланса прав и интересов правообладателя и иных участников гражданского оборота, а также общественных интересов. Однако их особенность состоит в том, что они являются универсальными и к ним обращаются тогда, когда в законодательстве недостаточно конкретных норм, способных урегулировать возникший вопрос. Именно поэтому о разумном, добросовестном, справедливом и в соответствии с правилами деловой этики осуществлении субъективных прав говорится преимущественно в рамках общих норм гражданского права.

Правовое назначение этих нравственных начал для сферы осуществления исключительных прав заключается в том, чтобы определять границы свободного усмотрения правообладателя. Ведь законодательные требования, адресованные носителю исключительного права, принимать во внимание законные интересы и ожидания других лиц, ограничивает

присущее интеллектуальному праву логичное стремление правообладателя по своему усмотрению использовать свои исключительные возможности.

Однако насколько полно и эффективно выполняют эту функцию правила, закрепленные в ст. 9 Гражданского кодекса РТ, является большим вопросом. И дело не в том, что эти правила являются общими и неконкретными, как это обычно осуждается в юридической литературе. На наш взгляд, то, каким образом эти правила сформулированы в ст. 9 Гражданского кодекса РТ, не соответствуют логике пределов осуществления гражданских прав. Донести эту нашу мысль позволяет содержание ч.4 ст. 9 Гражданского кодекса РТ, которой говорится, что правообладатели при осуществлении принадлежащих им прав должны разумно, справедливо и добросовестно выполнять законодательные требования и нравственные принципы¹.

В данной норме о разумности, справедливости и добросовестности говорится не с точки зрения критериев должного осуществления гражданских прав, а с позиции обязанности соблюдать требования закона. То есть законодатель смещает акцент с плоскости того, что можно и чего нельзя делать в границах субъективного права, на область того, как должен себя вести законопослушный гражданин. Однако одно дело разумно и добросовестно осуществлять права и совсем другое дело разумно и добросовестно соблюдать требования закона. Когда речь идёт о пределах осуществления гражданских прав правовому регулированию должны подлежать именно границы допустимого поведения носителя права, а не все соблюдения закона. Ведь обязанность добросовестно, разумно и справедливо соблюдать закон является всеобщей обязанностью каждого гражданина независимо от того, является ли он носителем субъективных прав или нет. Требование осуществлять права в пределах разумного и добросовестного, в свою очередь, адресовано уже только обладателям конкретных субъективных

¹ Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 года №1918 // http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=26870 (дата обращения: 10.08.2025).

прав, и именно это требование является критерием определения пределов осуществления прав.

Как видим, вопрос ограничения свободного усмотрения требованиями добросовестного поведения сам по себе является сложным. И ещё больше осложняет его некорректная формулировка ч.4 ст. 9 Гражданского кодекса РТ. Чтобы данная норма была ориентирована на установление пределов осуществления гражданских прав, необходимо в её формулировке перевести фокус с всеобщей обязанности соблюдать законодательные требования на установление запрета выходить за рамки разумного, справедливого и добросовестного при реализации субъективных прав. Для этого предлагаем внести соответствующие изменения в ч.4 ст. 9 Гражданского кодекса РТ и изложить её в следующей редакции:

«4. Физические и юридические лица при осуществлении принадлежащих им прав должны действовать разумно, справедливо и добросовестно, а предприниматели – ещё и руководствоваться правилами деловой этики».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании теоретических выводов и законодательных положений был проведён комплексный анализ ограничений исключительных прав и пределов их осуществления в гражданском праве Республики Таджикистан. В ходе написания работы было исследовано понятие, признаки исключительных прав и их место в системе субъективных гражданских прав; проведено соотношение понятия исключительных прав с понятием интеллектуальной собственности; проанализированы основные научные подходы к разграничению пределов и ограничений субъективных прав и значение такого разграничения для правового режима исключительных прав; исследованы особенности ограничений, направленных на установление границ самого исключительного права (внутренних ограничений), и ограничений исключительного права, установленные в интересах третьих лиц и общества (внешних ограничений); исследовано понятие пределов осуществления исключительных прав и их связь со злоупотреблением исключительным правом; рассмотрены критерии определения пределов осуществления исключительных прав; разработаны рекомендации по совершенствованию таджикского законодательства в сфере интеллектуальной собственности и практики его применения.

Анализ действующего законодательства Республики Таджикистан в сфере интеллектуальной деятельности позволил сделать вывод о существовании двухуровневого регулирования данной сферы общественных отношений – общего и специального. Роль общих норм, распространяющихся на все группы общественных отношений в сфере интеллектуальной собственности, выполняет глава 68 Гражданского кодекса РТ. Специальные законы в области интеллектуальной собственности делают акцент на конкретный вид интеллектуальной собственности, учитывая специфику правового режима в каждой конкретной сфере.

Обосновывается, что несмотря на формирование такой двухуровневой системы регулирования, законодателю не удалось в полной мере реализовать идею создания общей правовой концепции интеллектуальной собственности. На это указывает, во-первых, присутствие в нормах Гражданского кодекса РТ внутреннего расхождения к определению понятия «интеллектуальная собственность». В ст.ст. 136, 1236 и 1237 Гражданского кодекса РТ интеллектуальная собственность представлена как объекты гражданских прав (сами результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации), а в ст. ст. 1235, 1238 Гражданского кодекса РТ – как совокупность прав на эти объекты. Во-вторых, в общих положениях Гражданского кодекса РТ не определено общее универсальное понятие исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности.

Изучение теоретических подходов и законодательных положений относительно сущности исключительных прав позволили автору выделить ключевые признаки этого понятия, а именно: 1) исключительный характер; 2) абсолютный характер; 3) срочный характер; 4) имущественный характер; 5) нематериальная природа объекта исключительных прав; 6) территориальные рамки действия.

Обосновывается, что следующие три аспекта обуславливают проявление подлинного характера признака исключительности исключительных прав: 1) единоличное (монопольное) использование и распоряжение правообладателем охраняемого объекта (монопольные правомочия); 2) право определять пользователей охраняемого объекта и контролировать условия его использования (контрольные правомочия); 3) возможность защищать охраняемый объект, как от незаконного использования, так и от введения в гражданский оборот объектов, содержащих существенные признаки охраняемого объекта (защита от смешения).

Было выявлено, что действующая редакция п.1 ст. 1241 Гражданского кодекса РТ оставляет без внимания такие стороны исключительности, как возможность контролировать использование исключительных прав другими

лицами, а также право на получение правовой охраны от несанкционированного использования схожих результатов интеллектуальной деятельности. В этой связи было предложено пересмотреть текст п.1 ст. 1241 Гражданского кодекса РФ и дополнить её всеми указанными компонентами исключительности. Была предложена следующая редакция этой нормы:

«Статья 1241. Имущественные права интеллектуальной собственности»

1. Имущественные права на объекты интеллектуальной собственности являются исключительными. Их правообладатель вправе по своему усмотрению осуществлять, разрешать и запрещать использование соответствующего объекта интеллектуальной собственности в рамках, не запрещённых настоящим Кодексом или другими законами.

Ни одно физическое или юридическое лицо не может использовать охраняемый объект интеллектуальной собственности без разрешения правообладателя. Нарушением исключительного права правообладателя признаётся также введение в гражданский оборот объектов, повторяющих существенные признаки охраняемого объекта интеллектуальной собственности».

В ходе выявления признака абсолютности исключительных прав применительно к наименованиям мест происхождения товаров был сделан вывод, что абсолютный характер исключительного права на эти объекты не утрачивается, а приобретает новую форму. В условиях множественности правообладателей абсолютность не исчезает, а модифицируется, находя своё выражение в существовании коллективного правомочия всех правообладателей в отношении одного объекта. Абсолютность здесь реализуется в том обстоятельстве, что всякий, кто не является правообладателем, обязан воздерживаться от действий, способных нарушить такое коллективное исключительное право.

При исследовании признака срочности исключительных был сделан вывод, что интеллектуальная собственность не является инструментом для

бесконечного обогащения. Объект интеллектуальной собственности, с точки зрения принципов интеллектуального права, теряет юридическое обоснование после смерти первоначального правообладателя и его ближайших наследников. С этого момента исключительное право исчерпало свою главную функцию – вознаграждение создателя интеллектуального объекта, и дальнейшее его сохранение юридически неоправданно.

Исследование признака нематериального объекта исключительных прав показало, что способы защиты, применимые к вещным правам (через фактическое обладание объектом), не могут быть использованы в отношении защиты исключительных прав. Это обусловлено тем, что нематериальная форма объектов исключительных прав позволяет им существовать в неограниченном количестве копий без искажения своего содержания. Вся система защиты исключительных прав строится на подходе, что сама интеллектуальная собственность нематериальна и не привязана к конкретному материальному носителю.

На вопрос, является ли государственная регистрация квалифицирующим признаком исключительных прав, был дан отрицательный ответ. Будучи процедурой, предназначенной для юридического оформления исключительного права, государственная регистрация, тем самым, выступает в роли правового инструмента, обеспечивающего признание и охрану исключительного права. То есть она является обстоятельством, от которого зависит появление, признание и охрана исключительного права. Но саму суть исключительного права государственная регистрация не определяет. Государственная регистрация, скорее, является условием, определяющим, когда и при каких обстоятельствах возникает, признаётся и охраняется исключительное право, но не свойством (признаком) данного правового явления.

На основании анализа нормативных правовых положений и существующих научных теоретических позиций, обосновывается, что понятие «интеллектуальная собственность», раскрываемое в ч.1 ст. 1235

Гражданского кодекса РФ, является теоретически непродуманным по следующим основаниям:

1) сведение законодателем интеллектуальной собственности к набору имущественных и личных неимущественных прав игнорирует правовую природу этого понятия как отношения. Законодатель производит подмену понятий «интеллектуальная собственность» и «интеллектуальные права». Вместе с тем, интеллектуальные права составляют не саму интеллектуальную собственность, а содержание права интеллектуальной собственности.

2) включение законодателем в содержание права интеллектуальной собственности личных неимущественных прав расходится с теоретическими положениями о том, что категория собственности имеет экономическую природу и является плоскостью только имущественных отношений, складывающихся по поводу отдельной вещи или иного вида имущества. Личные неимущественные интеллектуальные права не могут быть объектом права интеллектуальной собственности, потому что не являются отношением собственности;

На основании таких умозаключений представляется логичным рассматривать понятие интеллектуальной собственности как систему охраняемых интеллектуальных объектов, к которым применяются единые принципы правового регулирования. Термин «интеллектуальная собственность» является общим условным обозначением всей совокупности результатов интеллектуальной деятельности, средств индивидуализации и иных приравненных к ним объектов. И тот факт, что это понятие является собирательным, не имеющим способности быть самостоятельным благом, предопределяет невозможность рассматривать его в качестве самостоятельного объекта гражданских прав.

В ходе исследования был сделан вывод, что сфера интеллектуального права предусматривает два уровня объектов гражданских прав, характеризующихся разной правовой природой: 1) результаты

интеллектуального труда, весь набор которых охватывается собирательным понятием «интеллектуальная собственность»; 2) интеллектуальные права, включающие имущественные (исключительные) права и личные неимущественные права.

Эти две группы объектов гражданских прав соотносятся между собой как объект правовой охраны и средство правового обеспечения такой охраны. При этом объектом правовой охраны выступает результат интеллектуальной деятельности, а правовым средством такой охраны являются сами интеллектуальные права.

Назначение исключительных прав как объектов гражданских прав заключается в том, что они выполняют функцию правового инструмента, способствующего вовлечению результатов интеллектуальной деятельности в коммерческий оборот. Юридическое закрепление за исключительными правами свойства товара компенсирует необоротоспособность результатов интеллектуальной деятельности и позволяет вовлечь необоротоспособный объект в гражданский оборот с целью извлечения из этого вовлечения выгоду.

Были предложены следующие меры по устранению нормативных коллизий, имеющих место в Гражданском кодексе РТ:

1. в целях достижения согласованности в употреблении терминов, предложено унифицировать понятие интеллектуальной собственности, закрепив в ст. 1235 Гражданского кодекса РТ определение интеллектуальной собственности как совокупности охраняемых объектов, тем самым, приводя его в соответствие с подходом, заложенным в п.2 ст. 136 Гражданского кодекса РТ.

2. предлагается закрепить в главе 68 Гражданского кодекса РТ обобщающее определение понятия «интеллектуальные права», охватывающее собой исключительные права, личные неимущественные права, а также иные предусмотренные законом интеллектуальные права.

3. предлагается разграничить в тексте Гражданского кодекса РФ на понятийном уровне употребление терминов «интеллектуальная собственность» как обобщающего обозначения объектов правовой охраны (результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации) и «интеллектуальные права» как совокупности правомочий, возникающих у правообладателя в отношении этих объектов.

Анализ отражённых в юридической литературе научных подходов к соотношению понятий «пределы гражданских прав» и «ограничения гражданских прав» позволил сделать вывод об отсутствии единой научной позиции в части понимания этого вопроса. В рамках первого подхода (разделительного) его представители (В.П. Грибанов, Н. Остапюк, В.П. Камышанский, Т. И. Султонова, и др.) исходят из концепции двойственной структуры субъективного права, охватывающей два взаимосвязанных элемента – содержание и осуществление. Содержание представляет собой установленный законом объём правомочий правообладателя, а осуществление – реализацию этих правомочий в конкретных действиях.

Исходя из этого, сторонники первого подхода основывают свою позицию на необходимости разграничения пределов содержания права и пределов осуществления права: первая категория представляет собой совокупность юридических возможностей, входящих в само субъективное право, вторая категория означает конкретные пределы реализации этих возможностей субъектом права.

В противоположность этому представители второго подхода – объединительного (М.М. Агарков, М.Н. Малеина, А.В. Волков, В.М. Пашин и др.) полагают, что разграничение пределов и ограничений является методологической ошибкой, поэтому обосновывают неразделимость этих понятий. По их мнению, независимо от того, идёт ли речь о пределах или об ограничениях, все эти границы допустимого поведения предопределяются содержанием права и не нуждаются в дополнительном разграничении.

В диссертационном исследовании приводятся аргументы в пользу разделительного подхода. В первую очередь, обращается внимание на то, что разделительный подход обоснован с точки зрения норм Гражданского кодекса, где устанавливается разграничение между понятиями пределов и ограничений гражданских прав. Кроме того, доказывается, что ограничения гражданских прав – это нормативно установленные границы, за рамками действия которых субъективное право прекращается. Пределы осуществления права – это оценочные ограничения на действия правообладателя внутри установленной законом меры дозволенного поведения, когда формальное право используется вопреки принципам добросовестности, разумности, справедливости и его социальному назначению.

В качестве дополнительного аргумента в пользу разделительного подхода называются различия в правовых последствиях нарушения этих двух видов границ действия права. Последствием нарушения пределов осуществления субъективного права является применение меры в виде отказа правообладателю в судебной защите принадлежащего ему права (п.6 ст. 9 Гражданского кодекса РТ). Нарушение установленных законом ограничений квалифицируется как правонарушение и влечёт применение соответствующих гражданско-правовых санкций (возмещение убытков, возмещение морального вреда, признания права недействительным и т.д.).

Применяя такие выводы к сфере исключительных прав, в диссертации обосновывается понятийная самостоятельность понятий «пределы осуществления исключительных прав» и «ограничения исключительных прав». Делается вывод, что под понятие «ограничения исключительных прав» подпадают все виды нормативного вмешательства в объём исключительных прав, независимо от того, связаны ли они с возможностью использования объекта интеллектуальной деятельности третьими лицами или касаются иных аспектов существования исключительного права. Используя

принцип дихотомии, все ограничения исключительного права делятся на две группы в зависимости от целей правового регулирования:

1) ограничения, направленные на установление внутренних границ исключительного права. Данные ограничения затрагивают содержание исключительного права, срок и территорию его действия, исчерпание права, а также иные юридические рамки его действия как субъективного гражданского права.

2) ограничения исключительного права, установленные в интересах третьих лиц и общества (внешние ограничения). Они имеют внешний по отношению к исключительному праву характер и представляют собой предусмотренные законом случаи допущения использования объекта исключительного права без согласия правообладателя, если такое использование преследует общественно значимые цели. Их главной целью является обеспечение баланса между правами правообладателя и интересами третьих лиц. Основными правовыми механизмами их реализации, в силу этого, являются такие механизмы, как свободное использование, принудительное лицензирование и другие формы допуска третьих лиц к объекту интеллектуальной деятельности.

Все эти ограничения противопоставляются пределам осуществления права, под которыми понимаются оценочные границы допустимого поведения правообладателя, формируемые на основе принципов разумности, добросовестности и запрета злоупотребления правом, нарушение которых не связано с изменением объёма самого исключительного права, но влечёт последствия в виде отказа в судебной защите при формальном наличии права.

Важность разграничения пределов осуществления исключительных прав и их ограничений состоит в том, что обеспечивает точную юридическую квалификацию поведения субъекта как правонарушения или злоупотребление правом.

Были установлены и раскрыты четыре вида ограничений, направленных на установление границ самого исключительного права:

1) Ограничения по видам правомочий, предусмотренных законом. В их основе лежит идея о том, что объём и содержание всякого исключительного права не охватывают всего возможного спектра использования объекта интеллектуальной собственности, а изначально ограничены теми правомочиями, которые определены законом в отношении каждого вида объекта интеллектуальных прав.

2) Ограничения по сроку действия исключительного права. Срочный характер исключительных прав является своего рода компромиссом между частными и публичными интересами. Право извлекать экономическую выгоду от объекта интеллектуальной собственности предоставляется законом правообладателю в обмен на то, чтобы общество со временем могло получить доступ к полученным знаниям и созданным технологиям.

3) Ограничения по территории действия исключительных прав. Они служат ярким подтверждением того, что исключительное право может существовать только внутри границ определённого государства, и только это государство определяет условия и порядок возникновения исключительного права, перечень включаемых в него правомочий, механизм осуществления и защиты.

В ходе исследования данной группы ограничений было выявлено, что в национальном законодательстве Республики Таджикистан отсутствует прямое указание на территориальные границы действия исключительных прав. Такой законодательный пробел формально не препятствует применению территориального принципа, но в то же время, свидетельствует о неполной проработке правового режима интеллектуальной собственности. В этой связи было предложено использовать международный опыт правового регулирования этого вопроса и включить в главу 68 Гражданского кодекса РТ норму, которая прямо бы закрепляла территориальный принцип действия

исключительных прав. Была предложена следующая редакция данной нормы:

«Статья 1236¹. Действие исключительных и иных интеллектуальных прав на территории Республики Таджикистан

1. Правовая охрана исключительных прав и иных прав на результаты интеллектуальной деятельности, а также средства индивидуализации и их действие на территории Республики Таджикистан осуществляется в соответствии с настоящим Кодексом, иными законами и международными правовыми актами, признанными Республикой Таджикистан.

2. Исключительные права, зарегистрированные в соответствии с законодательством Республики Таджикистан, не порождают правовых последствий за пределами её территории, если иное не установлено международным правовым актом, признанным Республикой Таджикистан.

3. В случае признания исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации на территории Республики Таджикистан на основании международного правового акта, признанного Республикой Таджикистан, содержание такого права, порядок его осуществления, ограничения и способы защиты определяются настоящим Кодексом, независимо от положений законодательства страны возникновения исключительного права, если иное не предусмотрено соответствующим международным договором или настоящим Кодексом».

4) Ограничения, связанные с исчерпанием исключительного права. Их суть состоит, в частности, в том, что правообладатель теряет возможность препятствовать дальнейшему обороту этого товара, так как владелец правомерно созданной копии произведения, вправе без согласия правообладателя продать или иным образом совершить отчуждение такого экземпляра.

В работе выявляется, что конструкция исчерпания права применима исключительно к правомочию распространения экземпляров охраняемого

объекта и не охватывает другие правомочия, составляющие содержание исключительного права.

В правовой доктрине традиционно выделяют три основных модели исчерпания исключительного права: национальную, региональную и международную. Выбор той или иной модели исчерпания права на уровне национальных законодательств является прерогативой правовой политики государства.

В специальном законодательства Республики Таджикистан в сфере интеллектуальной собственности применяется в целом национальный подход. Однако применительно к некоторым отраслям права интеллектуальной собственности (патентное право, авторское право) вопрос территориальных рамок действия конструкции исчерпания права законодатель оставляет открытым. Обосновывается, что такая неопределённость представляет собой серьёзный пробел правового регулирования, особенно в вопросе допустимости параллельного импорта. Это обусловлено тем, что в зависимости от того, какая модель исчерпания исключительного права применяется в конкретном государстве, параллельный импорт может быть иметь как правомерный, так и противоправный характер. Если в национальном законодательстве заложена национальная модель исчерпания права, то ввоз оригинального товара, купленного за рубежом, без разрешения правообладателя будет признаваться нарушением исключительного права. В случае же применения международного принципа, напротив, параллельный импорт не будет нарушать исключительные права правообладателя, так как они исчерпываются при первом легальном введении товара в гражданский оборот независимо от территории. Отсутствие в законодательстве Республики Таджикистан чётко сформулированного подхода к режиму исчерпания исключительного права создаёт ситуацию, когда участники рынка, включая, как самих правообладателей, так и импортёров и дистрибьюторов, не

обеспечены достаточным законодательным основанием для правомерного поведения.

Для преодоления указанных пробелов правового регулирования целесообразным представляется дополнить нормы, касающиеся исчерпания исключительного права, предусмотренные в Законах Республики Таджикистан «Об изобретениях», «О промышленных образцах», «Об авторском праве и смежных правах», поправками, направленными на законодательное закрепление национального режима исчерпания права. Для этого предлагается дополнить абз. 6 ст. 30 Закона РТ «Об изобретениях», абз. 6 ст. 25 Закона РТ «О промышленных образцах», ч.3 ст. 16 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах» фразой «на территории Республики Таджикистан» после слов «введён в оборот».

Анализ Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах» на предмет применимости конструкции исчерпания права к экземплярам объектов интеллектуальной собственности, введённым в оборот в электронной форме, позволил выявить, что положения ч.3 ст. 16 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах» сконструированы таким образом, что учитывают особенности применения принципа исчерпания права только к экземпляру произведения, воплощенному в материальную форму. Из области регулирования этой нормы выпадают цифровые копии произведения, не имеющие материальной оболочки.

В диссертации обоснована позиция о недопустимости признания правомерности оборота цифровых копий объектов авторского права. Было показано, что каждая цифровая передача экземпляра произведения представляет собой акт копирования. Процесс передачи цифрового экземпляра произведения представляет собой техническое воспроизведение новых экземпляров этого произведения, а не гражданский оборот одного и того же экземпляра, как это предполагается в рамках конструкции исчерпания права. В свою очередь, воспроизведение является

самостоятельным правомочием исключительного права, на которое принцип исчерпания права не распространяется.

Чтобы действие принципа исчерпания права отвечало вызовам цифрового времени, необходимо существенно пересмотреть действующее законодательство, включив, во-первых, в его понятийно-категориальный аппарат понятие «цифровой экземпляр объекта интеллектуальной собственности», во-вторых, адаптировать принцип исчерпания права к этому правовому феномену нового типа, порождённому веком цифровых технологий.

В ходе исследования ограничений исключительного права, установленных в интересах третьих лиц и общества на основе анализа действующего законодательства Республики Таджикистан в сфере интеллектуальной собственности было выявлено три ключевых признака ограничений данной группы: 1) императивный характер; 2) целевая направленность на внешние интересы; 3) специальный нормативный характер.

Наряду с этим, анализ действующего законодательства позволил выделить пять подгрупп юридических форм выражения внешних ограничений исключительных прав: 1) ограничения исключительных прав в личных целях третьих лиц; 2) ограничения исключительных прав в научных, учебных и культурных целях; 3) ограничения исключительных прав в общественно-информационных интересах; 4) ограничения исключительных прав в чрезвычайных обстоятельствах; 5) ограничения исключительных прав, связанные с функционированием особых правовых режимов.

Каждая из обозначенных подгрупп внешних ограничений исключительных прав имеет ряд проблем и дискуссионные вопросы в части законодательных подходов их правового закрепления, некоторые из которых были рассмотрены. Имеются в виду дискуссии, связанные с вопросом о том, где проходит грань между свободным цитированием и плагиатом, а также

несовершенства правового регулирования, связанные с механизмом принудительного лицензирования.

По итогам рассмотрения этих вопросов была обоснована необходимость законодательного разграничения правомерного цитирования и плагиата посредством нормативного уточнения признаков правомерного цитирования, установления предельного объёма допустимого заимствования, а также определения признаков плагиата.

Кроме этого, было предложено расширить перечень оснований для предоставления принудительной лицензии, указанный в ч.2 ст. 28 Закона РТ «Об изобретениях» и изложить данную норму в следующей редакции:

«В интересах национальной безопасности, а равно в иных случаях, когда использование изобретения необходимо для защиты публичных и общественных интересов, включая чрезвычайные ситуации (стихийные бедствия, катастрофы, крупные аварии), охрану окружающей среды и реализацию целей устойчивого развития, обеспечение доступа к жизненно важным технологиям в сфере охраны здоровья населения, развитие образования и науки, Правительство Республики Таджикистан имеет право разрешить использование изобретения без согласия патентообладателя.

Разрешение на использование изобретения предоставляется с условием выплаты владельцу патента соразмерной компенсации и в пределах объёма и продолжительности, соответствующих целям предоставления разрешения».

С целью придания конструкции принудительной лицензии универсального характера было предложено внести следующие изменения в ст. 1245 Гражданского кодекса РТ:

«Статья 1245. Принудительная лицензия

В случае необходимости использования результата интеллектуальной деятельности в целях защиты общественных интересов, включая национальную безопасность, охрану здоровья, реализацию целей устойчивого развития и охрану окружающей среды, образование, доступ к жизненно

важным технологиям суд вправе по требованию заинтересованного лица принять решение о предоставлении этому лицу на указанных в судебном решении условиях права использования результата интеллектуальной деятельности, имущественное право на который принадлежит другому лицу (принудительная лицензия)».

Исследуя понятие пределов осуществления исключительных прав и их связь со злоупотреблением исключительным правом, делается вывод, что их взаимосвязь наглядно демонстрируется через схему: пределы осуществления правом – превышение установленных пределов – злоупотребление правом. Пределы осуществления субъективных прав задают тон допустимого использования правомочий на собственные действия, образуя, тем самым измерение дозволенного поведения внутри субъективного права, и стоят на страже недопущения ненадлежащего его использования. В свою очередь, злоупотребление правом подтверждает факт искажения сферы допустимого поведения. Конструкция злоупотребления правом является зеркальным отражением нарушения пределов осуществления правом.

Оппонируя тем авторам, которые относятся к конструкции злоупотребления правом как лишенной смысла, которая не оправдала себя как самостоятельная правовая категория (Н.С. Малеин Н.С., В.И. Емельянов В.И., Э.Г. Полонский и др.), в работе приводится ряд аргументов в пользу востребованности данной категории. В частности, автор диссертации убеждён, что запрет злоупотребления правом обеспечивает реализацию принципа «всё, что не запрещено, разрешено», потому что эта аксиома выводится судами именно из толкования ст. 9 Гражданского кодекса РФ. Государство объективно не способно предусмотреть все возможные запреты. Поэтому посредством общей нормы о пределах осуществления гражданских прав и запрете злоупотребления правом фактически «страхует» правовое регулирование от подобных пробелов. Если же отказаться от категории злоупотребления правом, как предлагают многие учёные, это подорвёт

действие названного принципа, поскольку он утратит механизм, обеспечивающий его реализацию.

Оппонируя авторам, которые усматривают в природе злоупотребления правом модель нестандартного правонарушения (В.П. Грибанов, А.В. Волков, А.А. Малиновский и др.), в работе приводятся доводы в пользу того, что злоупотребление правом является самостоятельным правовым явлением по отношению к правонарушению. На его самостоятельность указывают различные замыслы законодателя, выраженные через эти два правовых института. Главная задача, которую решает закон посредством механизма юридической ответственности, заключается в защите и восстановлении нарушенного правопорядка посредством наказания нарушителя закона. Что касается злоупотребления правом, то главной целью запрета такого поведения является предотвращение возможности использования субъективных гражданских прав как инструмента причинения вреда и достижения непозволительных целей. Поэтому здесь не применяются карательные механизмы, ведь носитель права, действующий недобросовестно, одновременно действует в рамках имеющихся у него правомочий. Отказывая в защите права, законодатель, тем самым, признаёт, что у правообладателя отсутствуют основания для реализации и защиты принадлежащего ему права.

Делается наблюдение, что носители исключительных прав в большей степени, чем обладатели иных субъективных прав, подвержены риску злоупотребления своими правами. Ведь, в силу свойственного человеку рационального эгоизма, он и без этого склонен к эгоистичным порывам и руководствуется, прежде всего, удовлетворением собственных интересов. Когда же эта склонность сочетается с обладанием законной монополией исключительного права, соблазн злоупотребить усиливается, тем более что правообладатель осознаёт, что действует внутри принадлежащего ему права, и невольно полагает, что вправе совершать любые действия внутри своего права. Поэтому область исключительных прав без преувеличения является

«зоной риска», где вероятность возникновения злоупотреблений права выше, чем в других сферах гражданских правоотношений.

Исходя из этого, отсутствие в нормативных правовых актах, регламентирующих сферу интеллектуальной деятельности, указания на пределы осуществления интеллектуальных прав и случаи злоупотребления исключительными правами расценивается автором диссертации как серьёзный недостаток правового регулирования. Общие нормы ст.9 Гражданского кодекса РФ, закрепляющие пределы осуществления гражданских прав, не способны раскрыть специфику выходов за пределы осуществления прав в сфере интеллектуальных прав, которая является одной из наиболее уязвимых для злоупотребительных актов. Обосновывается, что специфика сферы интеллектуальных прав обуславливает необходимость конкретизации пределов осуществления интеллектуальных прав и форм проявления злоупотреблений ими. Для реализации этой цели предлагается предусмотреть в специальных законах в сфере интеллектуальной собственности нормы, определяющие критерии определения пределов осуществления исключительных прав в виде запретов условного перечня злоупотреблений.

В ходе исследования критериев определения пределов осуществления исключительными правами, была построена следующая их классификация по источникам их установления:

- 1) пределы осуществления исключительных прав, основанные на законе;
- 2) пределы осуществления исключительных прав, вытекающие из морально-нравственных начал гражданского права.

Пределы осуществления исключительных прав, основанные на законе, представляют собой запреты использования правомочий, составляющих содержание исключительного права, в целях, признанных законом недопустимыми.

Пределы осуществления исключительных прав, вытекающие из морально-нравственных начал гражданского права, – это общие требования

соблюдения принципов добросовестности, разумности, справедливости, а также иных нравственных принципов общества и правил деловой этики, которые не имеют прямого законодательного оформления, но признаются недопустимыми на основании оценки соответствия поведения правообладателя этим морально-нравственным началам гражданского права.

Пределы первой группы условно были разделены на пределы, предусмотренные общими нормами гражданского законодательства (общие нормативные пределы), и пределы, предусмотренные специальным законодательством в сфере интеллектуальной собственности (специальные нормативные пределы). Общие нормативные пределы предусмотрены в ст. 9 Гражданского кодекса РТ и проявляются в следующих формах запрета злоупотребления правом: 1) намерение причинить вред другому лицу (шикана); 2) использование исключительного права в целях ограничения конкуренции и злоупотребления доминирующим положением на рынке; 3) цель, сопряжённая с риском причинения ущерба окружающей среде; 4) цель, влекущая нарушение прав и интересов других субъектов права; 5) преследование иных недопустимых целей.

Специальные нормативные пределы выводятся через редкие случаи установления запретов в отношении поведения обладателей исключительных прав. Их особенностью является то, что они не имеют универсального характера и касаются лишь границ осуществления конкретного правомочия в составе исключительного права в отношении отдельного объекта интеллектуальной собственности. Их правовой режим распространяется не на все правомочия, составляющие содержание исключительного права, а лишь на отдельные его элементы.

Анализ специального законодательства Республики Таджикистан в сфере интеллектуальной собственности показал, что из девяти специальных законов законодатель уделил внимание вопросу пределов осуществления интеллектуальных прав только в трёх из них и выделил только четыре формы проявления злоупотребления исключительным правом. Было обосновано, что

такое положение является недостатком правового регулирования, и для его улучшения было предложено предусмотреть в каждом специальном законе в сфере интеллектуальной собственности норму, закрепляющую объединяющее начало пределов осуществления исключительных прав в отношении того охраняемого объекта, на регулирование которого направлен этот закон. Роль такого объединяющего начала может играть направленность поведения правообладателя на достижение недопустимых законом целей посредством осуществления своих исключительных правомочий, повлекшее нарушение прав других лиц, а также общественных и публичных интересов.

В ходе исследования пределов осуществления права, основанные на морально-нравственных принципах гражданского права, была выявлена некорректность формулировки ч.4 ст. 9 Гражданского кодекса РТ, которая, как оказалось, ориентирована не на установление запрета выходить за рамки разумного, справедливого и добросовестного при реализации субъективных прав, а на установление всеобщей обязанности соблюдать закон. Для этого было предложено внести соответствующие изменения в ч.4 ст. 9 Гражданского кодекса РТ и изложить её в следующей редакции:

«4. Физические и юридические лица при осуществлении принадлежащих им прав должны действовать разумно, справедливо и добросовестно, а предприниматели также руководствоваться правилами деловой этики».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Нормативно-правовые акты и официальные документы

1. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года в редакции референдума от 26.09.1999 г., от 22.06.2003 г., от 22.05.2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http: // www. mmk.tj](http://www.mmk.tj) (дата обращения: 12.07.23).
2. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 года №1918
3. Гражданский кодекс Республики Таджикистан [Текст]. Ч. 1 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1999. – № 6. – Ст. 153; 2001. – № 7. – Ст. 508; 2002. – № 4, ч.1. – Ст. 170; 2005. – № 3. – Ст. 125; 2006. – № 4. – Ст. 193; 2007. – № 5. – Ст. 356; 2010. – № 3. – Ст. 156; № 12, ч. 1. – Ст. 802.
4. Гражданский кодекс Республики Таджикистан. [Текст]. Ч.2 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1999. – № 12. – Ст. 323; 2002. – №4, ч.1. – Ст. 170; 2006. – № 4.– Ст. 193; 2009. – № 12. – Ст. 821; 2010. – № 7. – Ст. 540.
5. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 года №1918 [Текст]. Ч.1. Ч.2. Ч.3 // Рузномаи Чумхурият. – 2022. – № 12.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации [Текст]. Ч. 1: Федеральный закон Российской Федерации от 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ (в ред. от 03.12.2006, №6-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; Рос. газ. – 2006. – 11 янв. – С. 11.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации [Текст]. Ч. 2: Федеральный закон Российской Федерации от 26.01.1996 г., № 14-ФЗ: принят Гос. думой Федерального Собрания РФ 22.12.1995 г., в ред. от 14.07.2008 г. // Рос. газ. – 1996. – 6 февр. – № 23; 7 февр. – № 24; 8 февр. – № 25; 10 февр. – № 27.
8. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г., № 574 [Текст]: // Ахбори Маджлиси Оли РТ, 1998 г., № 9, ст. 68-70.

9. Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях [Текст] от 26 ноября 2008 года № 1177 // Ахбори Маджлиси Оли РТ, 2008г., №12(ч.1), ст.990.

10. Об авторском праве и смежных правах [Текст]: Закон Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 г., № 726 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1998 г., № 23-24, ст. 348.

11. О товарных знаках и знаках обслуживания [Текст]: Закон Республики Таджикистан от 05 марта 2007 г., № 234 // Ахбори Маджлиси Оли РТ 2007г., №3, ст. 167.

12. О промышленных образцах [Текст]: Закон Республики Таджикистан от 28 февраля 2004 г., № 16 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2004г., №2, ст.48.

13. Об изобретениях [Текст]: Закон Республики Таджикистан от 28 февраля 2004 г., № 17 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2004г., №2, ст.49.

14. О секретных изобретениях [Текст]: Закон Республики Таджикистан от 21 июля 2010 г., № 624 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2010 г., №7, ст. 556.

15. О географических указаниях [Текст]: Закон Республики Таджикистан от 5 марта 2007 г., №236 // Ахбори Маджлиси Оли РТ 2007г., №3, ст. 169.

16. О правовой охране топологий интегральных микросхем [Текст]: Закон Республики Таджикистан от 22 декабря 2006 г., № 218 // Ахбори Маджлиси Оли РТ, 2006г. №12 ст.542.

17. Об охране сортов растений [Текст]: Закон Республики Таджикистан от 3 ноября 2010 г., №204 // Ахбори Маджлиси Оли РТ, 2010г., №12(ч.1), ст.831.

18. О коммерческой тайне [Текст]: Закон Республики Таджикистан от 18 июня 2008 г., № 403 // Ахбори Маджлиси Оли РТ, 2008г. №6 ст.461.

19. О государственной защите и поддержке предпринимательства [Текст]: Закон Республики Таджикистан от 26 июля 2014 года, № 1107 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2014. – № 7, ч. 2. – Ст. 404; 2015. – № 3. – Ст. 216.

20. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [Текст]: Закон Республики Таджикистан от 19 мая 2009 года, № 508 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009. – № 5. – Ст. 316; 2010. – № 12, ч. 1. – Ст. 828; 2012. – № 12, ч. 1. – Ст. 1006; 2015. – № 11. – Ст. 972; Закон РТ от 14.05.2016 г., № 1319.

21. О нормативных правовых актах [Текст]: Закон Республики Таджикистан от 26 марта 2009 года №506 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. - 2009. - №3. - Ст. 99; Закон РТ от 11.03.10 г., №597; Закон РТ от 28.06.11г., №730.

22. Правила регистрации договора об уступке исключительных прав на товарный знак, лицензионного договора, а также других договоров, посредством которых осуществляется распоряжение правом на товарный знак [Текст]: Распоряжение Министерства экономического развития и торговли Республики Таджикистан от «06» января 2020 г., №01.

23. Основы авторского права [Текст]: Постановление Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) и Советом Народных Комиссаров (СНК) СССР от 16 мая 1928 года.

II. Монографии, научная и учебная литература

24. Агарков, М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву. Том II / М.М. Агарков. - М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002. – 372 с.

25. Алексеев, Н.Н. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства / Н.Н. Алексеев. - Париж, 1926. – 87 с.

26. Алексеев, С.С. Структура советского права / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1975. – 263 с.
27. Андреев, Ю.Н. Судебная защита исключительных прав: цивилистические аспекты: монография / Ю.Н. Андреев. - М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 400 с.
28. Белых, В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России / В.С. Белых. – М.: Проспект, 2014. – 430 с.
29. Богуславский, М.М. Основные вопросы изобретательства в международном частном праве / М.М. Богуславский. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. - 284 с.
30. Васильев, А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий права / А.М. Васильев. – М.: Юрид. лит., 1976. – 264 с.
31. Воеводин, Л.Д. Юридический статус личности в России: Учебник / Л.Д. Воеводин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 298 с.
32. Войниканис, Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости / Е.А. Войниканис. - М.: Юриспруденция, 2013. – 552 с.
33. Волков, А.В. Теория концепции «злоупотребление гражданскими правами» / А.В. Волков. - Волгоград: Станица-2, 2007. – 352 с.
34. Габричидзе, Б.Н. Юридическая ответственность / Б.Н. Габричидзе, А.Г. Чернявский. – М.: Альфа-М, 2005. – 685 с.
35. Гаврилов, Д.А. Правовая защита от недобросовестной конкуренции в сфере исключительных прав на средства индивидуализации и иные объекты промышленной собственности / Д.А. Гаврилов. -М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014. – 192 с.
36. Гражданское право: в 4 т. Т. 1: Общая часть: учеб. для студентов вузов / отв. ред. Е.А. Суханова. - М.: Волтерс Клувер, 2008. – 736 с.
37. Гражданское право: Учебник: В 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 1. Общая часть. – М.: Статут, 2023. - 622 с.

38. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. - М.: Статут, 2001. – 411 с.
39. Дозорцев, В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задача кодификации: Сб. статей / В.А. Дозорцев. - М.: Статут, 2003. – 416 с.
40. Емельянов, В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами / В.И. Емельянов. - М., 2002. - С. 41.
41. Зайцева, С.Г. «Злоупотребление правом» как правовая категория и как компонент нормативной системы законодательства Российской Федерации / С.Г. Зайцева. - Рязань: Поверенный, 2002. – 150 с.
42. Зенин, И.А. Право интеллектуальной собственности / И.А. Зенин. - М., 2012. – С. 18-19.
43. Ивлев, Ю.В. Логика для юристов: учебник для вузов / Ю.В. Ивлев. – М.: Проспект, 2012. – 272 с.
44. Иоффе, О.С. Советское гражданское право / О.С. Иоффе. М.: Юрид. лит., 1967. – 494 с.
45. Калятин, В.О. Интеллектуальная собственность (исключительные права): Учебник для вузов / В.О. Калятин. - М.: Норма, 2000. – 480 с.
46. Камышанский, В.П. Право собственности на жилые помещения: вопросы ограничений: научное издание / В. П. Камышанский, Е. Н. Кудрявцева. – Краснодар: Изд-во ин-та международного права, экон. и управления им. К. В. Россинского, 2003. – 365 с.
47. Канторович, Я.А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения / Я.А. Канторович. – Петроград: тип. АО б. «Брокгауз-Ефрон», 1916. – 791 с.
48. Канторович, Я.А. Основные идеи гражданского права Я.А. Канторович. – М.: Центр ЮрИнфоР-МГУ, 2009. – 502 с.
49. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая (постатейный) / С.С. Алексеев, А.С. Васильев, В.В. Голофаев и др.; под ред.

С.А. Степанова. -М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2009. – 1504 с.

50. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: (постатейный) / Э. П. Гаврилов, В. И. Еременко. - Москва: Экзамен, 2009. – 973 с.

51. Лунц, Л.А. Курс международного частного права: В 3 т. / Л. А. Лунц. – М.: Спарк, 2002. – 1007 с.

52. Макагонова, Н.В. Авторское право: Учебное пособие / Н.В. Макагонова; под ред. Э.П. Гаврилова. –М.: Юрид. лит., 2000. – 285 с.

53. Маковский, А.Л. О кодификации гражданского права (1922 - 2006) А.Л. Маковский. - М.: Статут, 2010. – 736 с.

54. Малиновский, А.А. Злоупотребление правом / А.А. Малиновский. – М.: МЗ-Пресс, 2002. – 122 с.

55. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1954. Т. 46. – 560 с.

56. Меликов, У.А. Правовое регулирование предпринимательской деятельности при создании и распространении средств массовой информации / У.А. Меликов. – Душанбе, 2011. – 192 с.

57. Меликов, У.А. Правовой режим объектов гражданских прав в интернете / У.А. Меликов. – Душанбе: «Эр-граф», 2017. – 244.

58. Микрюков, В.А. Ограничения и обременения гражданских прав / В.А. Микрюков. – М.: Статут, 2007. – 255 с.

59. Мэггс, П.Б. Интеллектуальная собственность / П.Б. Мэггс, А.П. Сергеев. - М.: Юристъ, 2000. – 400 с.

60. Наследование интеллектуальных прав по российскому законодательству / под ред. Л.А. Новоселовой. – М.: Проспект, 2019. – 164 с.

61. Нерсисянц, В.С. Право-математика свободы: Опыт прошлого и перспективы / В. С. Нерсисянц. – М.: Юрист, 1996. – 157 с.

62. Новоселова, Л.А. Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования: монография / Л.А. Новоселова, М.А. Рожкова. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2014. – 128 с.
63. Оганов, А. Авторское право в Таджикистане (1929 – 1997) / А. Оганов. – Душанбе, 2010. – 196 с
64. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. – М.: Зерцало, 1997. – 607 с.
65. Пирогова, В.В. Исчерпание исключительных прав и параллельный импорт В.В. Пирогова. - М.: Статут, 2008. – 155 с.
66. Пирогова, В.В. К вопросу использования авторского произведения: содержание исключительных прав / В.В. Пирогова. - Справочно-поисковая система Консультант Плюс. Версия 4012.00.Б2. – Режим доступа: локальный. – 2012.
67. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права / К. П. Победоносцев. – М.: Консультант плюс: Статут, Ч. 1. - 2004. – 798 с.
68. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права / Покровский. – М.: Статут, 1998. – 352 с.
69. Поротикова, О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом / Поротикова. М.: Волтерс Клувер, 2007. – 256 с.
70. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: учебник / под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017. – 512 с.
71. Право интеллектуальной собственности: актуальные проблемы: монография / С.М. Михайлов, Е.А. Моргунова, А.А. Рябов и др.; под общ. ред. Е.А. Моргуновой. - М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014. – 176 с.
72. Проблемы унификации международного частного права: монография / Н.В. Власова, Н.Г. Доронина, Т.П. Лазарева и др.; отв. ред. А.Л. Маковский, И.О. Хлестова. М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2012. – 488 с.

73. Российское гражданское право: В 2 т. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права: учебник. Т 1. / отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2011. – 958 с.
74. Савельев, А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование / А.И. Савельев - М.: Статут, 2014. – 543 с.
75. Сагдеева, Л.В. Право на защиту собственности в актах Европейского суда по правам человека / Л.В. Сагдеева. - М.: Статут, 2014. – 319 с.
76. Свердлык, Г.А. Защита и самозащита гражданских прав: Учеб. Пособие / Г.А. Свердлык, Э.Л. Страунинг. – М.: Лекс-книга, 2002. – 206 с.
77. Судариков, С.А. Право интеллектуальной собственности: учебник / С.А. Судариков. - М.: Проспект, 2010. – 368 с.
78. Теория государства и права: Учебник / Архипов С. И., Корельский В. М., Леушин В. И. и др. / отв. ред. В. М. Корельский, В. Д. Перевалов. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1996. – 558 с.
79. Трахтенгерц, Л.А. Патентное законодательство. Нормативные акты и комментарий / Л.А. Трахтенгерц. - М.: Юрид. лит-ра, 1994. – 266с.
80. Трубецкой, Е.И. Труды по философии права / Е.И. Трубецкой, Е.И. - СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. – 520 с.
81. Хвостов, В.М. Система римского права. Общая часть / В.М. Хвостов, В.М. – М.: тип. Вильде, 1908. – 199 с.
82. Цитович, П. П. К учению о способах приобретения права собственности по русскому праву / П.П. Цитович. - С.-Петербург: типография - М. Хана, 1870. – 103 с.
83. Чернышева, С.А. Авторский договор в гражданском праве России / С.А. Чернышева, С.А. - М.: Гардарика, 1996. – 104 с.
84. Шершеневич, Г.Ф. Авторское право на литературные произведения / Г.Ф. Шершеневич. - Казань: тип. Имп. ун-та, 1891. – 313 с.
85. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Юрайт, 2018. - С. 368. – 532 с.

86. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права. В 2 т. Т. 1. Общая часть / Г. Ф. Шершеневич. - М.: Юрайт, 2024. – 148 с.
87. Яковлев, В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 2 / В.Ф. Яковлев. - М.: Статут, 2012. – 351 с.
88. Янев, Я.Г. Правила социалистического общежития и их функции при применении правовых норм / Я.Г. Янев. - М.: Прогресс, 1980. – 180 с.

III. Статьи из периодических и продолжающихся изданий

89. Агарков, М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве / М.М. Агарков // Цивилистическая практика. Информационный бюллетень. - Екатеринбург, 2002, Вып. 5. – С. 97-108.
90. Астапова, Ш.Р. «Исключительность» как ключевой признак исключительных прав» / Ш.Р. Астапова // Юридический вестник. – Душанбе: Российско-Таджикский (Славянский) университет, 2024. – №3 (19). –С.24-28.
91. Астапова, Ш.Р. Срок как элемент конструкции исключительного права / Ш.Р. Астапова // Юридический вестник. – Душанбе: Российско-Таджикский (Славянский) университет, 2025. – №1 (21). –С.22-25.
92. Астапова, Ш.Р. Ограничения исключительных прав по сроку их действия / Ш.Р. Астапова // Бизнес, менеджмент и право. – 2025. – № 4 (68). – С. 34-38.
93. Бару, М.И. О ст. 1 Гражданского кодекса (об охране гражданских прав) / М.И. Бару // Советское государство и право. – М.: Наука, 1958. – № 12. – С. 117-120.
94. Баттахов, П. П. Существенные признаки исключительных прав в сфере права интеллектуальной собственности / П.П. Баттахов // Право и государство: теория и практика. – 2018. – №2 (158). – С. 63-66.
95. Белых, В.С., Избрехт, П.А. Злоупотребление субъективными гражданскими правами в предпринимательских отношениях / В.С. Белых, П.А. Избрехт // Арбитражные споры. – 2008. – № 4 (44). – С. 113-124.

96. Братусь, С.Н. О пределах осуществления гражданских прав / С.Н. Братусь // Известия вузов. Правоведение. – 1967. – № 3. – С. 79-86.
97. Бузова, Н.В. Ограничения авторского права и смежных прав: проблемы цитирования / Н.В. Бузова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2019. – № 23. – С. 46-55.
98. Вашеткова, С.П. «Ограничения реализации исключительных прав правообладателя / С.П. Вашеткова // Право. Экономика. Психология. – 2021. – № 3 (23). – С. 3-8.
99. Викут, М.А. Субъективные гражданские процессуальные права (понятие и виды) / М.А. Викут // Вопросы теории и практики гражданского процесса. Гражданское судопроизводство и арбитраж: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1984. – С. 3-12.
100. Волков, А.В. «Иные формы» злоупотреблений гражданскими правами по статье 10 ГК РФ / А.В. Волков // Исполнительное право. – М.: Юрист, 2008. – № 2. – С. 2-6.
101. Волюнкина, М.В. Концепция исключительных прав и понятие интеллектуальной собственности в гражданском праве / М.В. Волюнкина // Журнал российского права. – 2007. – № 6. – С. 29-35.
102. Гаврилов, Э.П. Предполагаемые изменения российского международного частного права, касающиеся интеллектуальных прав / Э.П. Гаврилов // Патенты и лицензии. – 2012. – № 10. – С. 2 - 7.
103. Диденко Н.Г., Селиванов В.Н. Право и свобода / Н.Г. Диденко, В.Н. Селиванов // Правоведение. – 2001. – № 3. – С. 4-27.
104. Дмитриев, М.А. К вопросу о пределах исключительного права на произведения науки, литературы и искусства / М.А. Дмитриев // Российский судья. – 2012. – № 10. – С. 20 – 22.
105. Дозорцев, В.А. Опубликование материалов, не охраняемых авторским правом / В.А. Дозорцев // Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей. Исследовательский центр частного права, 2003. – М.: Статут, 2003 – С. 189 - 223.

106. Дозорцев, В.А. Права на результаты интеллектуальной деятельности / В.А. Дозорцев // Авторское право. Патентное право: Сб. нормативных актов. – М.: Де-Юре, 1994. – С. 18-21.
107. Духтина, А. Е. Плагиат в научной сфере / А.Е. Духтина // Молодой ученый. – 2016. – № 7 (111). – С. 509-511.
108. Еременко, В.И. Исключения из патентной монополии в соответствии с частью четвертой ГК РФ / В.И. Еременко // Законодательство и экономика. – М., 2008. – № 8. – С. 28-34.
109. Еременко, В.И. О пределах и ограничениях исключительного права на произведения науки, литературы и искусства / В.И. Еременко // Законодательство и экономика. – 2011. – № 1. – С. 14 - 28.
110. Еременко, В.И. Патентная монополия в соответствии с частью четвертой ГК РФ / В.И. Еременко // Законодательство и экономика. – 2008. – № 7. – С. 9-17.
111. Еременко, В.И. Принцип исчерпания права на товарный знак и проблемы параллельного импорта / В.И. Еременко // Законодательство и экономика. – 2013. – № 6. – С. 46-55.
112. Звегинцева, Е А. Свободное цитирование: пределы и возможности / Е.А. // Вестник ВГИК. – 2021. – №1 (47). – 130-139.
113. Игбаева, Г.Р. Личное страхование туристов, выезжающих за рубеж / Г.Р. Игбаева // Туризм: право и экономика. – 2006. – № 5. – С. 30-31.
114. Калятин, В.О. Сущность права на результаты интеллектуальной деятельности (на примере авторского права) / В.О. Калятин // Журнал российского права. – 1999. – № 9. – С. 91-99.
115. Кашанин, А.В. Развитие учения о форме и содержании произведения в доктрине авторского права. Проблема охраноспособности содержания научных произведений / А.В. Кашанин // Вестник гражданского права. - - 2010. - № 2. – С. 68 - 138.
116. Комаров, В.А. Конституционно-правовые аспекты собственности / В.А. Комаров // Законодательство и экономика. – 2006. – №6. – С. 22-26.

117. Кондратьева, Е.А. Требование компенсации за нарушение исключительного права как форма злоупотребления правом / Е.А. Кондратьева // Гражданское право. – 2013. – № 2. – С. 28 – 31.

118. Корчагин, А. Вовлечение в гражданский оборот результатов интеллектуальной деятельности как основа новой экономической стратегии России / А. Корчагин // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2005. – № 7. – С. 2-14.

119. Лабзин, М.В. Научные концепции понимания права интеллектуальной собственности / М.В. Лабзин // Патенты и лицензии. – 2014. – № 8. – С. 57-68.

120. Лабзин, М.В. Параллельный импорт: право против эмоций / М.В. Лабзин // Патенты и лицензии. – 2011. – № 7. – С. 2-14.

121. Луткова, О. В. Доктрина добросовестного использования произведений в современном авторском праве США О.В. Луткова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – №2. – С. 186-199.

122. Луткова О., Черныш Д. Конвенционное регулирование свободного использования произведений в трансграничном коммерческом обороте О. Луткова, Д. Черныш // Авторское право и смежные права. – 2011. – № 12. – С. 47-6.

123. Маковский, А.Л. Исключительные права и концепция части четвертой Гражданского кодекса / А.Л. Маковский // Гражданское право современной России. – М.: Статут, 2008. – С. 103-141.

124. Малеин, Н.С. Закон, ответственность и злоупотребление правом / Н.С. Малеин // Советское государство и право. – 1991. – № 11. – С. 28-35.

125. Манкевич, И.П. К вопросу о пределах осуществления гражданских прав: матер. Межд. науч.-практ. конф / И.П. Манкевич. – Минск: Право и экономика, 2014. – С. 169. -171.

126. Матузов, Н.И. Теория и практика прав человека в России / Н.И. Матузов // Правоведение. – 1998. – № 4. – С. 22-35.

127. Мисник, Г.А., Арзуманян, М.Н. Пределы осуществления гражданских прав / Г.А. Мисник, М.Н. Арзуманян // Налоги (газета). – 2008. – № 42.

128. Мозолин, В.П. О концепции интеллектуальных прав / В.П. Мозолин // Журнал российского права. – 2007. – № 12. – С. 100-109.

129. Новоселова, Л.А. Оспаривание патента: публичный или частный интерес? / Л.А. Новоселова // Труды Института государства и права РАН. – 2024. Том 19. - № 4. – С. 132-139.

130. Новоселова, Л.А., Гринь, О. С. Цифровизация интеллектуальной собственности: административные барьеры / Л.А. Новоселова, О.С. Гринь // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. - 2019. - №32. – С. 164-183

131. Одегнал, Е.А. Соотношение понятий «злоупотребление правом» и «правонарушение» / Е.А. Одегнал // Юрист. – 2007. – № 1. – С. 8-12.

132. Остапюк, Н. Пределы осуществления и нотариальная защита наследственных прав / Н. Остапюк // Гражданское право. – 2006. – № 1. – С. 20-30

133. Павлов, С.А. Конкурентоспособность товара и правовая охрана промышленной собственности / С.А. Павлов // Патенты и лицензии. – 1991. – № 5. – С. 2-7.

134. Пашин, В.М. Институт злоупотребления субъективными правами *de lege ferenda* / В.М. Пашин // Актуальные проблемы гражданского права. Выпуск седьмой / под ред. О.Ю. Шиловых. – М.: Норма, 2003. – С. 28-62.

135. Пирогова, В.В. Соглашение ТРИПС (ВТО): ограничения исключительных прав и общественные интересы / В.В. Пирогова // Журнал международного частного права. – 2010. – № 3. – С. 11 - 16.

136. Поротикова, О.А. Еще раз о злоупотреблении гражданским правом / О.А. Поротикова // Гражданское право. – 2013. – № 2. – С. 12 - 14.

137. Садиков, О. Злоупотребление правом в Гражданском кодексе России / О. Садиков // Хозяйство и право. – 2002. – № 2. – С. 40-48.

138. Семиволкова, А.М. Предметная сфера действия законодательства Франции XVIII–XIX вв. Об авторском праве / А.М. Семиволкова // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2013. – №2. – С. 157-161.

139. Сидиков, Д.А. Право интеллектуальной собственности в Республике Таджикистан. ч. 1 / Д.А. Сидиков // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2023. – №10. – С. 72-80.

140. Сидиков, Д.А. Право интеллектуальной собственности в Республике Таджикистан. ч. 2 / Д.А. Сидиков // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2023. – №11. – С. 69-79.

141. Симонов, Б.П., Коростелева, С.В. О принципе обязательного использования товарного знака / Б.П. Симонов, С.В. Коростелева // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2005. – № 9. – С. 9 – 10.

142. Ситдикова, Р.И. Ограничения исключительных прав в механизме охраны авторских прав / Р.И. Ситдикова // Российский юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 126 - 130.

143. Ситдикова, Р.И. Частный, публичный и общественный интерес в авторском праве / Р.И. Ситдикова // Гражданское право. 2012. N 2. С. 18 - 20.

144. Ситдикова, Р.И. Общественный интерес в авторском праве / Р.И. Ситдикова // Современное право. 2012. N 5. С. 105 - 107.

145. Старженецкий, В. Досрочное прекращение охраны товарного знака в связи с его неиспользованием / В. Старженецкий // Коллегия. – 2004. – № 7. – С. 26-28.

146. Суменков, С.Ю. Специальные и исключительные нормы как компонент специального правового статуса: особенности соотношения и формы объективирования / С.Ю. Суменков // NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. – 2022. – №2. – С. 334-341.

147. Тарасенко, Ю.А., Ястржембский, И.А. Рецензия на работу С.Д. Радченко «Злоупотребление правом в гражданском праве России» / Ю.А.

Тарасенко, И.А. Ястржембский // Вестник гражданского права. – 2010. – № 2. – С. 289-303.

148. Тельгарин, Р. О свободе заключения гражданско-правовых договоров в сфере предпринимательства / Р.О. Тельгарин // Российская юстиция. – 1997. – № 10. – С. 13-15.

149. Трахтенгерц, Л.А. Комментарий к международным договорам в области охраны интеллектуальной собственности. Охрана интеллектуальной собственности в России: сборник законов, международных договоров, правил Роспатента с комментариями / отв. ред. Л.А. Трахтенгерц; науч. ред. В.М. Жуйков. – М.: КОНТРАКТ, 2005. – С. 616 - 629.

150. Уруков, В. Пределы осуществления гражданских прав / В. Уруков // Право и экономика. – 2007. – № 3. – С. 102-108.

151. Хохлов, В.А. Ответственность и позитивное регулирование / В.А. Хохлов // Гражданское право. – 2008. – № 3. – С. 9-11.

152. Шахов, Е.Н. Интеллектуальная собственность и исключительные права: соотношение понятий / Е.Н. Шахов // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Выпуск 46. – 2009. – С. 27-29.

153. Шиловост, О. Общие положения о договорных способах распоряжения исключительным правом / О. Шиловост // Хозяйство и право. – 2008. – № 9. – С. 3-23.

154. Янчуков, Н. А. Концепция исчерпания права в отношении электронных копий объектов авторских и смежных прав Н.А. Янчуков // Молодой ученый. – 2021. – № 8 (350). – С. 155-158.

IV. Диссертации и авторефераты диссертаций

155. Авдониная, О.С. Субъективные пределы защиты исключительных прав: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.С. Авдониная. – М., 2017. – 205 с.

156. Алёхина, Л.А. Генезис категорий «интеллектуальная собственность» и «исключительные права» в теории права XVIII - начало XX

вв.: теоретико-правовой и историко-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01, 12.00.03 / Л.А. Алёхина. – Санкт-Петербург, 2006. – 169 с.

157. Аникин, А.С. Содержание и осуществление исключительных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.С. Аникин. – М., 2008. - 26 с.

158. Ворожевич, А. С. Пределы осуществления и защиты исключительного права патентообладателя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.С. Ворожевич. – М., 2015. - 30 с.

159. Ворожевич, А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты лицами: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / А.С. Ворожевич. – М.: 2021. – 546 с.

160. Ворожевич, А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / А.С. Ворожевич. – М., 2021. – 57 с.

161. Джалилиан, Ф. А. Исключительное право автора произведения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ф.А. Джалилиан. – Душанбе, 2015. - 177 с.

162. Забоев, К.И. Принцип свободы договора в Российском гражданском праве: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / К.И. Забоев. – Екатеринбург, 2002. – 26 с.

163. Ибрагимова, М.В. Злоупотребление субъективным гражданским правом: понятие, сущность, виды и последствия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / М.В. Ибрагимова. - Рязань, 2005. - 21 с.

164. Мирбабаева, Р.В. Правовое регулирование приобретения, использования и защиты права на товарный знак в Республике Таджикистан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / К.И. Мирбабаева. – Душанбе, 2012. - 26 с.

165. Назаров, А.Г. Пределы осуществления исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.Г. Назаров. - Екатеринбург, 2011. – 31 с.

166. Назаров, А.Г. Пределы осуществления исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.Г. Назаров. - Екатеринбург, 2011. – 235 с.

167. Полонский, Э.Г. Право оперативного управления государственным имуществом. Право оперативного управления государственным имуществом - юридическая основа хозяйственной самостоятельности производственных объединений (предприятий): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Э.Г. Полонский. – М., 1980. - 410 с.

168. Рахматулина, Р.Ш. Концептуальные основы построения системы объектов авторского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Р.Ш. Рахматулина. – М., 2021. – 53 с.

169. Сергеева, Н.Ю. Материально-правовые пределы действия исключительного права на товарный знак - объект охраны: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н.Ю. Сергеева. – М., 2015. – 211 с.

170. Свиридов, Н.Л. Границы и ограничения по закону исключительного интеллектуального права: права интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н.Л. Свиридов. – М., 2008. – 182 с.

171. Щербак, Н.В. Договорное регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности: авторское право и смежные права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н.В. Щербак. – Краснодар, 2022. – 207 с.

V. Электронные ресурсы

172. Всемирная организация интеллектуальной собственности. Исследование по патентным гибким механизмам в многосторонней правовой системе и их реализации на национальном и региональном уровнях. SCP/13/3. Женева: ВОИС, 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/scp/en/scp_13/scp_13_3.pdf (дата обращения: 10.05.2025).

173. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979). [Электронный ресурс]. –

Режим

доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/3694a5c6b4175ef85c4023da5cf531dc5cfe20c2/ (дата обращения: 02.04.2025).

174. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Л. Маковского. – М.: Статут, 2008. [Электронный ресурс]. – Режим

доступа:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=15778&ysclid=mart6> (дата обращения: 01.04.2025).

175. Конвенция по охране промышленной собственности. (Заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979). [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5111/?ysclid=ma8fsm5fof261142005 (дата обращения: 02.04.2025).

176. Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования. [Электронный ресурс]. – Режим

доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366842/c42ea3b80642085e9128ad3efcf7406bd8d45af6/?ysclid=m3qr35ju411553127 (дата обращения: 20.01.2025).

177. Методические рекомендации по отнесению архивных документов к объектам авторского и смежных прав, доступу и порядку использования таких документов (разработаны Всероссийским научно-исследовательским институтом документоведения и архивного дела (ВНИИДАД)). [Электронный ресурс]. – Режим

доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_299006/dd79b0e2c0c9e31d6a78aabcb6e6eb2ddfa2f447/ (Дата обращения: 04.03.2025).

178. Перечень отчетов апелляционных органов по Соглашению ТРИПС. [Электронный ресурс]. – Режим

доступа:

https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/repertory_e/t9_e.htm?utm_source=hatgpt.com#T.9.1 (дата обращения: 12.06.2025).

179. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23 апреля 2019 № 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72130696/#ixzz6jpa2Yqaa> (дата обращения: 07.05.2025).

180. Правомерное цитирование, фотографии // ЮрФак, 26.11.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urfac.ru/?p=2714> (дата обращения: 17.04.2025).

181. Рожкова М.А. «Авторское право охраняет форму, патентное – содержание» - правильно ли это утверждение и при чем здесь оригинальность произведения» и плагиат»? [Электронный ресурс] / М.А. Рожкова. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2021/2/10/avtorskoe_pravo_ohranyaet_formu_patentnoe_soderzhanie_pravilno_li_eto_utverzhdzenie_i_pri_chem_zdes (дата обращения: 10.02.2025).

182. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/teoria-gosudarstva-i-prava-1/index.htm> (дата обращения: 23.06.2025).

183. Шуляк, М. А. Понятие «Ограничения исключительных имущественных прав патентообладателей» [Электронный ресурс] М.А. Шуляк // Проблемы законности. - 2011. - №116. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-ogranicheniya-isklyuchitelnyh-imuschestvennyh-prav-patentoobladataley> (дата обращения: 30.04.2025).

184. Insurable Interest and the Doctrine of Privity of Contract. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lawexplores.com/insurable-interest-and-the-doctrine-of-privity-of-contract/> (дата обращения: 12.03.2024).

185. UsedSoft GmbH v. Oracle International Corp. ECJ. Case C-128/11. 3 July 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?docid=124564&doclang=EN>
(дата обращения: 07.05.2025).

186. Masic I. Plagiarism in scientific publishing. *Acta Inform Med.* 2012 Dec; 20 (4): 208–13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: DOI: 10.5455/aim.2012.20.208-213 // дата обращения 12.03.2025).

187. Memorandum and order United States District Court Southern District of New York. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cases.justia.com/federal/district-courts/new-york/nysdce/1:2012cv00095/390216/109/0.pdf> (дата обращения: 07.05.2025).

VI. Иностранные источники

188. Henri et Leon Mazeaud, Jean Mazeaud. *Lecons de droit civil* / H. Mazeaud, J. Mazeaud. - Paris, Tome troisieme. – 1202 p.

189. Hughes, J. The Philosophy of Intellectual Property / J. Hughes // *Journal of Ethics*. – 200. - № 8(1). – С. 7-28.

190. Kohler J. *Deutsches Patentrecht* / J. Kohler - Mannheim, 1978. – 100 p.

191. Planiol M., Ripert G. *Traite elementaire de droit civil* / M. Planiol, G. Ripert. - Paris, 1946. -P. 157.

VII. Судебная практика

192. Архив Высшего экономического суда Республики Таджикистан от 2007 года (Дело №9-113/07).

193. Архив экономического суда Хатлонской области от 2005 года (Дело №15-143/05).

194. Архив Высшего экономического суда Республики Таджикистан от 2021 года (Дело № 2-142/21).

195. Архив экономического суда г. Душанбе от 2012 года (Дело № 4-156/12).

196. Архив экономического суда Хатлонской области от 2018 года (Дело № 5-325/18).

197. Архив экономического суда г. Душанбе от 2018 (Дело № 2-1423/18).

198. Архив экономического суда ГБАО от 2018 года(Дело № 3-165/18).